

УЧЕНЫЕ ЗАПИСКИ

КРЫМСКОГО ФЕДЕРАЛЬНОГО
УНИВЕРСИТЕТА

имени В.И. ВЕРНАДСКОГО

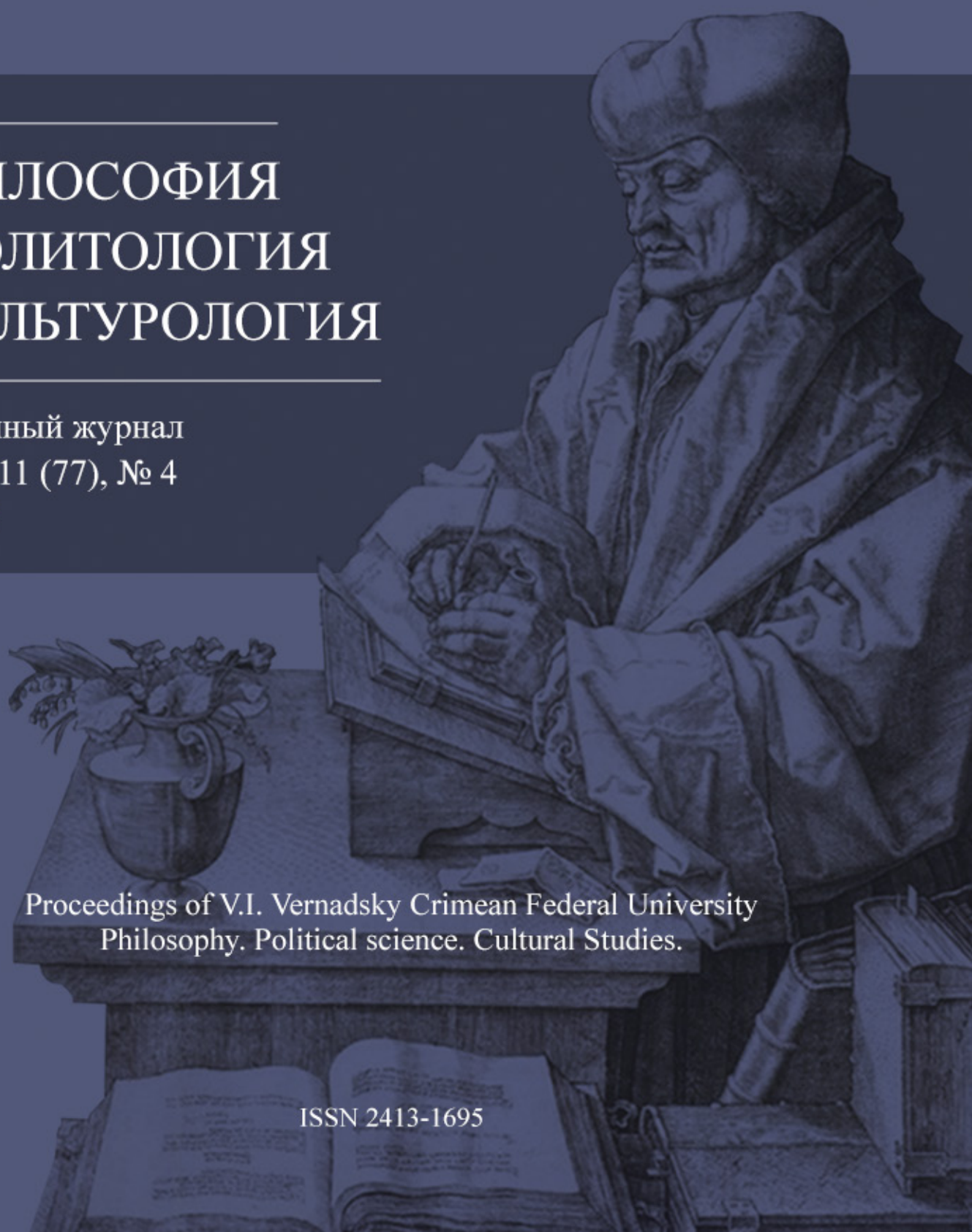
ФИЛОСОФИЯ
ПОЛИТОЛОГИЯ
КУЛЬТУРОЛОГИЯ

Научный журнал
Том 11 (77), № 4
2025

Proceedings of V.I. Vernadsky Crimean Federal University
Philosophy. Political science. Cultural Studies.

ISSN 2413-1695

УЧЕНЫЕ ЗАПИСКИ

**КРЫМСКОГО ФЕДЕРАЛЬНОГО
УНИВЕРСИТЕТА
имени В.И. ВЕРНАДСКОГО**

**ФИЛОСОФИЯ
ПОЛИТОЛОГИЯ
КУЛЬТУРОЛОГИЯ**

Научный журнал

Том 11 (77), № 4

Журнал «Ученые записки Крымского федерального
университета имени В. И. Вернадского»
является историческим правопреемником журнала «Ученые записки
Таврического университета», который издается с 1918 г.

**Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского
Симферополь, 2025**

Учредитель – Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Крымский Федеральный Университет им. В. И. Вернадского».

Адрес учредителя и издателя: г. Симферополь, проспект Академика Вернадского, 4.

Регистрирующий орган – Федеральная служба по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций.

Печатается по решению Ученого совета Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского, протокол № от 2025 г.

Главный редактор – А. В. Карабыков, д-р филос. н., доц., КФУ им. В. И. Вернадского (Симферополь)

Заместители главного редактора:

А. Н. Володин, канд. культурологии, доц., КФУ им. В. И. Вернадского (культурология);

Н. В. Киселева, канд. полит. н., доц., КФУ им. В. И. Вернадского (политология).

Редколлегия:

И. А. Андриюшенко	к. культурологии, доц., КФУ им. В. И. Вернадского (Симферополь)
И. С. Бакланов	д-р филос. н., проф., СКФУ (Ставрополь)
А. В. Бедрицкий	к. полит. н., директор Таврического информационно-аналитического центра (ТИАЦ)
О. А. Габриелян	д-р филос. н., проф., КФУ им. В. И. Вернадского (Симферополь)
Д. В. Гарбузов	д-р филос. н., доц., КФУ им. В. И. Вернадского (Симферополь)
О. А. Грива	д-р филос. н., проф., КФУ им. В. И. Вернадского (Симферополь)
А. А. Ирхин	д. полит. н., доц., СевГУ (Севастополь)
Ю. М. Коротченко	д-р филос. н., доц., КФУ им. В. И. Вернадского (Симферополь)
С. А. Маленко	д-р филос. н., проф., НГУ им. Ярослава Мудрого (Великий Новгород)
П. Г. Носачев	д-р филос. н., доц., ВШЭ (Москва)
Л. Т. Рыскельдиева	д-р филос. н., проф., КФУ им. В. И. Вернадского (Симферополь)
О. С. Сапанжа	д. культурологии, проф., РГПУ им. А.И. Герцена (Санкт-Петербург)
М. Г. Федотова	д-р филос. н., доц., ОмГТУ (Омск)
А. А. Хлезов	д-р филос. н., проф., СевГУ (Севастополь)
А. В. Швецова	д-р филос. н., проф., КУКИИТ (Симферополь)
О. К. Шевченко	д. филос. н., доц., КФУ им. В.И. Вернадского (Симферополь)
М. А. Шепелев	д-р полит. н., проф., КФУ им. В. И. Вернадского (Симферополь)
О. Б. Элькан	д. искусствед., доц., КУКИИТ (Симферополь)
С. В. Юрченко	д-р полит. н., проф., КФУ им. В. И. Вернадского (Симферополь)

Ответственный секретарь: Ю. В. Норманская, к. культурологии, КФУ им. В. И. Вернадского (Симферополь)

Ответственный за выпуск: : Л. В. Савостьянова, КФУ им. В. И. Вернадского (Симферополь)

Технический секретарь: Э. Н. Свинцовский

Адрес редакции:

295007, Республика Крым, г. Симферополь, ул. Ялтинская, д. 20, корп. 2, ауд. 308

Тел.: +7-978-105-60-57; Факс: +7 (3652) 54-52-46

E-mail: vernadskiana@yandex.ru Сайт: <http://sn-philcultpol.cfuv.ru/>

Журнал включен в перечень ВАК под № 2169 от 20.07.17.

Подписано в печать:

Формат 70x100 1/16 10 усл. п. л. Заказ № НП/78 Тираж: 50 экземпляров (бесплатно)

Отпечатано в Издательском доме ФГАОУ ВО «КФУ им. В. И. Вернадского»

295051, г. Симферополь, бул. Ленина, 5/7

Дата выхода в свет:

СОДЕРЖАНИЕ

ФИЛОСОФИЯ

Добронравов К. О., Фёдоров С. В. Естественное на фоне сверхъестественного: взгляд извне и изнутри мифологического сознания	5
Чурин Г. А. Экзистенциальная интерпретация формальной онтологии: Э. Штайн и Р. Ингарден	25
Абдрафиков Р. Р. Формализация онтологических позиций наблюдателей в социально-гуманитарном знании	35
Зудилина Н. В. От Альфы к Омеге: законы сложности-сознания и рекурренции П.Т. де Шардена в контексте зеркально-симметричной схемы дизерезиса. Часть I.....	51

КУЛЬТУРОЛОГИЯ

Макарова О. В., Черных Ю. С. Имя собственное как носитель культурного кода (на материале учебного текста)	71
Грицай Л. А. Образ смерти как инструмент формирования национальной памяти в украинском кинематографе постсоветского периода (до 2014 года): идеологические константы и трансформация мифов.....	83
Сухова А. Э., Володин А. Н. Безумец как пророк: религиозный дискурс концепта «безумие» в контексте романа М.А. Булгакова «Мастер и Маргарита»	96

ПОЛИТОЛОГИЯ

Шепелев М. А. Вена 2.0: к мировому «концерту» государств-цивилизаций	106
Нарышкин А. А., Воробьев С. В. Переосмысление внешней политики ЕС в отношении РФ 1991–2021 гг.: стратегический подход	120
Тейфук С. Р. Региональная идентичность как фактор политической субъектности: теоретико-методологические подходы	133
Иванков К. В. Воздействие финансово-промышленных групп на внешнеполитический механизм Украины в 2014–2025 годах	146

РЕЦЕНЗИИ

Taylor J. E., Gregory I. N. Deep Mapping the Literary Lake District: A Geographical Text Analysis. Lewisburg: Bucknell University Press, 2022. 290 p. (Aperçus: Histories Texts Cultures) (А.Н. Володин).....	160
---	-----

ФИЛОСОФИЯ

УДК 130.121

DOI: 10.29039/2413-1695-2025-11-4-05-24

ЕСТЕСТВЕННОЕ НА ФОНЕ СВЕРХЪЕСТЕСТВЕННОГО: ВЗГЛЯД ИЗВНЕ И ИЗНУТРИ МИФОЛОГИЧЕСКОГО СОЗНАНИЯ

Добронравов К. О., Фёдоров С. В.

Аннотация: статья посвящена исследованию генезиса понятия «естественное» в архаическом (мифологическом) сознании. Авторы указывают на то, что в архаике «естественное» не являлось самостоятельной категорией, а конституировалось как негативный фон («иное») сакрального/сверхъестественного. Предметом исследования является феномен естественного в мифологическом сознании. Методология исследования основана на синтезе и критическом сравнении редукционистских («взгляд извне»: Тайлор, Дюркгейм, Фрейд, Леви-Брюль, Малиновский, Кассирер, Леви-Строс) и феноменологических («взгляд изнутри»: Отто, Хайлер, ван дер Леу, Менинг, Элиаде, Лосев, Гантке) подходов. Сделан вывод о том, что архаическое естественное оставалось нейтральным фоном представлений, связанных со всеобщей одушевленностью и тотемизмом, было безразличным для табу и «сопричастия» мировому целому, не обладало значимостью для «экспрессивной функции», слабо отражало социальные системы архаики и коммуникативные игры. С опорой на феноменологические исследования был выявлен комплекс характеристик архаического «естественного»: имманентность, ординарность, обособленность, анти-амбивалентность, абстрактность, закрытость, разгаданность, безличностность, антисимволичность, антидиалогичность, изотропность и конечность. Делается вывод о том, что естественное архаики содержало в себе имманентный потенциал десакрализации, реализованный в культуре Нового времени.

Ключевые слова: естественное, миф, архаическое сознание, феноменология религии, сакральное.

Введение

Понятие «естественное» часто используется для обоснования того или иного понимания природы человека, для легитимизации поведения, поступков, общественных практик, которые соответствуют «природе». Сколько традиций или научных подходов – столько и интерпретаций естественного, порой прямо противоположных. В современном дискурсе естественное часто противопоставляется «искусственному», рукотворному, переработанному, преобразованному, измененному или даже извращенному («противоестественному»). «Естественное» отождествляется с невинным, нетронутым, наивным, первозданным, первобытным, первичным, аутентичным, цельным, недифференцированным, неразвитым, неиспорченным. Начиная с Нового времени была разработана система представлений о «законах природы», которые изучают позитивные науки. Эти законы

и составляют ядро нововременного «естественного». Культура и человеческое творчество в чем-то не подчиняются этим законам, обладают относительной самостоятельностью. Поэтому эти сферы обычно противопоставляются естественному как «искусственное».

Однако если мы обратимся к предыстории понятия естественного, к представлениям о естественном до сформулированных наукой «законов природы», мы обнаружим ряд интересных нюансов. Естественное восходит к представлениям о «естестве», о природе в ее обычной непосредственной наличности. При этом человек архаики, как пишет Ф. Дескола, часто вовсе не разделял «природу» и «культуру» [1, с. 9]. Понятия «природы» не было. Люди, животные и растения могли находиться по представлениям древних в самых настоящих родственных или соседских отношениях. Рукотворное и нерукотворное могло не различаться, так как то, что нам кажется нерукотворным, было для человека архаики творением духов, предков или животных. Поэтому в мифологическом мировоззрении представления о естественном как природном скорее всего отсутствовали. Однако мы предполагаем, что можно найти некоторые зачатки этих представлений в том, что связывалось с обычной наличной непосредственностью жизни. Первобытный человек, вероятно, смотрел на эту ординарную непосредственность жизни сквозь призму базовых оппозиций мифологического мышления. Следуя за М. Элиаде, мы считаем оппозицию «сакральное – профанное» ведущей. Сакральное – это что-то необычное, экстраординарное, что-то требующее наибольшей осторожности и внимания, наибольшей чуткости. В текстах многих антропологов сакральное связывается со «сверхъестественным». Именно сверхъестественное занимало человека архаики больше всего. За любыми нестандартными ситуациями видели действия духов, предков или колдунов. «Табу», «мана», «оренду» – ключевые феномены для архаического сознания. Всё, связанное с ними, выделялось и обставлялось целыми системами ритуалов. Полагание священных границ было отделением сакрального от обычной непосредственности жизни. Всё ординарно-наличное в этой жизни воспринималось как малоинтересный фон чего-то гораздо более значимого и судьбоносного. С этой точки зрения естественное в архаике всегда оставалось в тени, отбрасывалось. Миф не рассказывал о нем. Вероятно эта наличная непосредственность жизни воспринималась как нечто профанное.

Таким образом, мы предполагаем, что зачатки представлений о естественном следует искать в представлениях о профанном. Естественное первоначально противопоставлялось не искусственному, а сверхъестественному или сакральному (мы их отождествляем в предлагаемой статье). Профанное мало интересовало мифологическое сознание, поэтому говорить о нем и вообще о естественном можно, лишь опираясь на описания сверхъестественного и по контрасту с ним. В связи с этим мы обратимся к исследованиям сверхъестественного в архаике и, выделяя его аспекты, попытаемся очертить то, что остается на фоне, то, что отбрасывается как иное. Этот фон мы попробуем сделать фигурой. Это и будет «предварительное естественное», зачатки представлений о естественном.

Все исследования сверхъестественного мы условно разделили на два типа: редуционистские и антиредуционистские. Первые исследователи сводят (редуцируют) сверхъестественное к биологическим, психическим, социальным, культурным и иным «небо-

жественным» феноменам. Само мифологическое сознание конечно не согласилось бы с таким подходом, поэтому мы называем его «взглядом извне». Другие исследователи стремятся описывать сверхъестественное «изнутри» сознания, свидетельствующего о нем. Мы предполагаем, что в основном этот подход реализуется в разнообразных версиях «феноменологических» изысканий, как философских, так и религиозных. Обе исследовательские парадигмы позволяют выделить «фон» сверхъестественного, который нас и интересует.

Таким образом, предметом исследования является феномен естественного в мифологическом сознании в его проявлении в виде фона (иного) сверхъестественного. Для реконструкции естественного архаики были использованы концепции и описания сверхъестественного таких авторов как Э. Б. Тайлор, Д. Д. Фрэзер, Э. Дюркгейм, М. Мосс, З. Фрейд, Б. Малиновский, Л. Леви-Брюль, Э. Кассирер, К. Леви-Строс, Ф. Дескола, Р. Отто, Ф. Хайлер, Г. ван дер Леу, Г. Меншинг, А. Ф. Лосев, М. Элиаде, В. Гантке.

Естественное в мифе: взгляд извне

Исследования мифологического восприятия действительности прошли несколько этапов развития в рамках культурной антропологии. Предмет исследования и подходы к осмыслению первобытного общества менялись в течение XIX и XX века. При этом багаж знаний, которыми располагали социологи, антропологи, психоаналитики, исследователи религиозного опыта расширялся не только количественно, но и качественно: терминологически, концептуально, методологически. «Естественное» не эксплицировалось в качестве основного понятия, описывающего то или иное общество, не выносилось в заголовки работ. Употребление этого понятия носило стихийный, подчас интуитивный характер. Несмотря на это, авторы иногда использовали этот термин для обоснования своих концепций. Термин «сверхъестественное», напротив, использовался более активно. На это мы и будем опираться. Представленные в статье авторы связаны друг с другом непрерывной нитью цитирования, мотивами исследований, заимствованной друг у друга терминологией и объектом изучения – первобытным мышлением и культурой.

Мы будем выносить за скобки представления о естественном самих исследователей и попытаемся выявить естественное архаики на фоне сверхъестественного. Ведь выделяя сверхъестественное, описывая какие-то механизмы его конструирования, исследователи тем самым оставляют на его фоне «иное», которое вполне может быть осмыслено как противостоящее ему естественное.

Начнем с английских антропологов XIX века, которые ориентировались на идеалы классической науки, работали с мифологическим сознанием как натуралисты со своим объектом, к которому извне применяются те или иные инструменты познания. Они были склонны видеть в мифе наивный донаучный способ объяснения мира, который может постепенно эволюционировать. Э. Б. Тайлор известен тем, что он ввел в научный дискурс понятие «пережиток» для того, чтобы проследить эволюцию культуры от «низших стадий развития мышления», сохранивших свой авторитет в высших «не из-за присущей им истины, а в силу преданий старины» [2, с. 564]. Старые формы общественного сознания воспроизводятся в виде детской игры, суеверий и народных примет. Это рудименты

культуры, которые транслируются из поколения в поколение, совершенно утратив свою функциональность. Выделяя историческую преемственность, Тайлор с помощью понятия «пережитка» фактически занимается «археологией» мыслительных конструкций и ценностных категорий. С этой оптикой он подходит и к исследованию сверхъестественного. Трансляция представлений о сверхъестественном осуществляется на основе «пережитков». Источником этих представлений по мнению Тайлора является анимизм. Анимизм – это начало «естественной религии». Существенную роль в этом «минимуме религии» играет олицетворение, механизм переноса представлений о человеческой личности и о душе на природу. Всеобщее одушевление и оказывается источником всего «сверхъестественного». Таким образом, сверхъестественное по Тайлору – это транслируемое на уровне пережитков представление об одушевленности, возникающее на основе механизма олицетворения. По контрасту с этим естественное как обратная сторона сверхъестественного оказывается порождением тех же самых механизмов. Это «обратная сторона» механизма олицетворения, это то, где этот механизм «не сработал». Таким образом, естественное архаики – это транслируемое на уровне пережитков представление о том, что не получило олицетворения и одухотворения, осталось нейтральным для анимизма.

Д. Д. Фрэзер, оставаясь в рамках эволюционизма, дополняет идеи Тайлора важными нюансами. Он пишет о том, что «дикарь, в отличие от цивилизованного человека, почти не отличает естественного от сверхъестественного. Мир для него является творением сверхъестественных антропоморфных существ, которые действуют из побуждений, подобных его собственным» [3, с. 18]. Фрэзер справедливо указывает на то, что, если в архаике и можно выделять какое-то «естественное», то только в самом зачаточном виде, причем оно будет совершенно чуждым нашему «естественному», будет для нас «спутанным» со сверхъестественным. Фрэзер пишет о том, что «на этой стадии развития мышления мир рисуется одной великой демократией, в рамках которой естественные и сверхъестественные существа стоят приблизительно на равной ноге» [3, с. 93]. Последние отличаются от первых некой особой властью, особым могуществом, сверхчеловеческой силой. Естественное на этом фоне предстает как нечто слабое и подчиненное.

Э. Дюркгейм точно так же замечает, что «естественное» – это продукт современного мышления, так как оно связано с представлением о порядке, основанном на «законах природы». Эти законы – завоевание современных позитивных наук. На первый взгляд сверхъестественное должно быть нарушением этих законов природы. Но в архаике «не было известно, что в существующем порядке вещей неизменно и неизбежно, пока в нем видели деятельность контингентных волеизъявлений» [4, с. 65]. Естественным был скорее мир этих волеизъявлений. Сверхъестественное архаики было вписано в этот мир. Для его осмысления Э. Дюркгейм предлагает исходить из оппозиции «сакральное – профанное». Сакральным или священным может быть что угодно, даже неодушевленная вещь. Первичное сакральное по Дюркгейму связано с тотемом. В попытках раскрыть суть тотемизма Дюркгейм выходит за рамки имманентного мифу взгляда и утверждает, что главный источник тотемизма и вообще религии – общественные отношения. Религия оказывается «систематической идеализацией» общественных процессов и «исключительно социальной

вещью» [4, с. 696]. Здесь мы опять сталкиваемся со взглядом «извне» мифологического сознания. Можно спорить или соглашаться с социальным редукционизмом Дюркгейма, но для нас важно то, что сверхъестественное он связывает с тотемом, являющимся инструментом выстраивания общественных отношений. Естественное по контрасту оказывается обратной стороной тотема. То есть таким же результатом организации общественных отношений, только связанным не с тотемом, а с тем, что осталось «по ту сторону тотема», как нечто вторичное, слабое, менее интересное и влиятельное.

Под влиянием идей Э. Дюркгейма о социальной природе классификации британский социолог Эдмунд Лич проводит параллели между «народными» представлениями о пространстве, классификациями родства и отношением к животным. Очерченная таким образом картография мира в представлении архаического сознания делиться на категории: «дом», «ферма», «поле» и «далеко». Это очень похоже на отношения с животными как с домашними, скотом, дичью и «дикими зверями». Социальными категориями здесь являются «брат/сестра», «кузен», «сосед» и незнакомец или «иностранец» [5]. Другой последователь Э. Дюркгейма, представитель французской социологической школы М. Мосс пишет: «Центр первых систем природы не индивид, а общество. Оно объективируется. Нет ничего более наглядного в этом отношении, чем способ, которым индейцы сиу в некотором роде помещают весь мир целиком в границы племенного пространства; и мы видели, что само вселенское пространство есть не что иное, как место, занимаемое племенем, но бесконечно расширенное за пределы его реальных границ. Пуп земли – в политической и религиозной столице, то есть, там, где находится центр духовной жизни» [6, с. 123]. Установление тотема в этом центре является основанием для последующего разделения сверхъестественного и естественного, играющего решающую роль в отношениях обмена.

З. Фрейд так же пишет о том, что тотем – это основа общественной консолидации и идентификации членов племени. При этом тотем неразрывно связан с табу. Что характерно, табу – это механизм консервации сверхъестественного не только в социальном, но и в онтологическом смысле. Нарушитель табу попирает сами законы мироздания, а значит, несет за это не юридическую или моральную, а онтологическую ответственность. Нарушение табу опасно, запретно, нечисто. Это опасность, угрожающая всему первобытному обществу [7, с. 16]. Соблюдение табу способствует поддержанию гармонии мироздания. Тайной табу, согласно Фрейду, оказывается доисторическая драма, связанная с убийством отца под влиянием влечений. Сверхъестественное в объяснении Фрейда оказывается мистификацией запретного влечения и случившегося из-за него убийства. При этом само влечение вполне «естественно» для наивной непосредственности жизни. Фактически именно табу превращает естественное в сверхъестественное. Табу выделяет (по сути создает) сакральное, подчеркивает его значимость и опасность. После этих фундаментальных событий естественное оказывается фоном табу, то есть тем, что безразлично, нейтрально для табу.

Заслугой Б. Малиновского является то, что он попытался увидеть мифологическое сознание и культуру как целостную функциональную систему, которую нельзя свести к ассоциативно связанным «пережиткам» Тайлора. Он пишет о том, что «туземец» обладает

«терминами и выражениями, которые мы, этнографы, должны собирать в том виде, в каком он ими пользуется...» [8, с. 248]. Важен не сам пережиток, а его функция. То, чем был раньше пережиток, не так значимо для понимания его роли в настоящем. Важно понять, какую функцию выполняет тот или иной ритуал и обряд в рамках актуальной адаптации коллектива к окружающей среде, выстраивания отношений в коллективе и упорядочения удовлетворения потребностей. Религия – это глубинная «моральная и социальная сила, благодаря которой человеческая культура обретает окончательное единство» [9, с. 70]. Так, например, функцией магии является психологическая интеграция свойств личности для формирования образа успешной реализации деятельности в условиях, в которых слишком много непредвиденных и случайных сил [9, с. 71]. Сверхъестественное в этом контексте предстает как то, что выходит за рамки управляемого и освоенного. Это «сверх-нормальное», с влиянием которого трудно справиться с помощью актуальных технических достижений и знаний. На этом фоне естественное архаики является «нормальным» и управляемым, а именно освоенным с помощью обычного труда и технологий.

Л. Леви-Брюль так же пишет о «безразличии первобытного менталитета к выявлению естественных причин» [10, с. 22]. Гораздо больше его занимает сверхъестественное, такие феномены как «мана, оренда, псила» [10, с. 40], которые Леви-Брюль называет «мистическими» и «прелогическими». Он отмечает, что для первобытных само собой разумеющимся оказывается взаимопроникновение видимого и невидимого миров [10, с. 44]. Невидимый мир формируется духами мертвых, предков, духами животных, растений, предметов и тем, что связано с деятельностью колдунов [10, с. 45]. Причинами экстраординарных событий с точки зрения мифологического сознания часто оказываются гнев предков или злоба колдуна [10, с. 69]. Сновидения, предзнаменования, гадания позволяют свидетельствовать о невидимом мире. Первобытный человек включен «в сложную сеть мистических сопричастий с другими членами, живыми и мертвыми, своей социальной группы, с группами растений и животных, рожденных этой же землей, с самой землей, с оккультными силами-покровителями всего этого целого» [10, с. 350]. Таким образом выстраивается «дологическое мышление», опирающееся на «закон сопричастия», «мистическую абстракцию», интуитивные ассоциации. По мнению Леви-Брюля, это мышление оказывается неспособным к усмотрению логических противоречий, принципиально далеким от современного мышления. На этом фоне естественное архаики предстает как лишенное взаимопроникновения «видимого» и «невидимого», как то, в чем отсутствует сопричастие мировому целому, миру духов, предков и колдунов. Поэтому естественное, с одной стороны, разрозненно и фрагментарно, а с другой стороны, безразлично и второстепенно.

Э. Кассирер, подобно Малиновскому, рассматривает мифологическое сознание как целостную функциональную систему, как единство несводимой ни к чему другому символической формы. С этой точки зрения бессмысленно сводить мифы к «естественным» причинам позитивизма. Нужно понять миф из него самого, из «структурной формы духа», его порождающей. В символической форме мифа господствует «экспрессивная функция». В связи с этим вместо поиска закономерностей, выделения и объяснения

«природы» в мифе преобладает «простое упоение самим впечатлением и его соответствующим “присутствием”» [11, с. 50]. Кассирер считает, что в мифе отсутствует различение ступеней реальности, основания и обоснованного, «переднего» и «заднего» планов, представляемого и реального, желания и исполнения, образа и вещи, имени и личности, индивида и рода. Никким образом не похожи на наши границы между сном и явью, жизнью и смертью. В мифологическом сознании отсутствует категория идеального, всё так или иначе телесно. Все соприкосновения оказываются субстанциальными, вплоть до отождествления всего, что контактирует друг с другом, до вещной неразличимости. Подобие превращается в тождество, часть – в целое, свойство – в вещь, действует «закон конкреции» [11, с. 124]. Определенность событий в мифе сводится к произволу личных действий его акторов. При этом «понятие души с не меньшим правом может считаться не началом, а завершением мифологического мышления» [11, с. 168]. Миф не имеет готовой границы между «Я» и миром, он скорее только начинает ее устанавливать. Базовая оппозиция – профанное и священное, существенную роль играет культ предков, ритуал первичен. Кассирер отмечает, что в этом контексте отсутствуют наши «естественное» и «сверхъестественное». Аналогом последнего в мифе является скорее нечто необычное, неординарное, чрезвычайное, выделенное. Сверхъестественное является порождением «экспрессивной функции» и «закона конкреции». По контрасту с этим естественное – это то, что не подчиняется «экспрессивной функции» и «закону конкреции». В естественном теряется безраздельная власть непосредственного впечатления, так как верх берут другие функции (функция репрезентации и функция обозначения). В нем больше дифференциации, отстранения, отдельности одних предметов от других. Именно оно оказывается началом разделения части и целого, основания и обоснованного, «переднего» и «заднего» планов, представляемого и реального, желания и исполнения, образа и вещи, имени и личности, индивида и рода, идеального и материального.

К. Леви-Строс так же пишет о сложности понимания феномена сверхъестественного архаики. «Сверхъестественные существа» находятся в отношениях родства с человеком [12, с. 141]. Порядок, утверждаемый мифом, обладает собственной рациональностью, даже постигается «наукой конкретного», свойственной традиционным обществам. Мышление архаического человека может строиться на очень сложных системах классификаций и оппозиций, которые варьируются у разных племен настолько произвольно, что «общими могут быть только формы, но не содержание» [12, с. 164]. Характерную особенность мифологического мышления Леви-Строс связывает с «бриколажем», рекомбинацией старых символов, используемой для передачи нового опыта. Такова естественная, «неприрученная мысль» архаики, в которой чувственное и умопостигаемое пронизывают одно другое в чувственно-конкретном единстве и калейдоскопической игре. При этом не стоит отрывать, подобно Леви-Брюлю, это мышление от современного. Оно по-своему логично и не уступает в системной сложности.

Упомянутый выше запрет на инцест или табу, в основе которого лежат тотемические представления о социальном и онтологическом мире, по версии Леви-Строса является основой появления концептуальных различий между индивидами, не различавшимися

в физическом, телесном, «природном» смысле. З. Бауман отмечает, что это был первый «учредительный» акт культуры, функция которой с тех самых пор состояла во внедрении в «природный» мир разграничений, различий и классификаций, отражавших дифференциацию практической деятельности человека и связанных с ней концепций, являвшихся атрибутами не «природы» как таковой, а человеческой деятельности и мысли [13, р. 28].

Таким образом, Леви-Стросс предполагает, что мифы сконструированы на основе чувственно-воспринимаемых качеств, в которых отсутствует разграничение между субъективным состоянием и свойствами космоса. Природа и культура, животное и человеческое начала являются взаимопроницаемыми. За природными явлениями всегда стоит сознательный субъект – животное, дух или другое племя, у них всегда есть причина. Поэтому коммуникативные игры не ограничиваются полем культуры, они свойственны и природе. Этот аспект будет подробно раскрыт в работах Ф. Дескола [1]. На этом фоне в естественном архаики в меньшей степени проявляются социальные принципы и коммуникативные игры. В нем теряется системность мифологических представлений, переплетение субъективного и объективного, оно является отображением непосредственно данной разрозненности объектов, с которой сталкивается наивная жизненность.

Итак, у представленных выше авторов на основе взгляда «извне», то есть сведения (редукции) «сверхъестественного» к тем или иным биологическим, психологическим, социальным, культурным или даже трансцендентальным механизмам, можно выделить следующие контуры естественного архаики:

1. К естественному можно отнести транслируемые на уровне пережитков представления о тех феноменах, которые не получили явного олицетворения и одухотворения (Эдуард Тайлор). Оно «иное всеобщей одушевленности», слабое и подчиненное в отношении всего одухотворенного (Джеймс Джордж Фрэзер).

2. Естественное обозначает все то, что осталось «по ту сторону тотема», как нечто вторичное, слабое, менее влиятельное (Эмиль Дюркгейм). Оно «иное тотема», не оказывающее существенного влияния на отношения обмена (Марсель Мосс).

3. Естественное архаики является тем, что безразлично для табу (Зигмунд Фрейд). Оно «по ту сторону табу».

4. Естественное маркирует сферу «нормального», «управляемого», освоенного с помощью архаических труда и технологий, позволяющих успешно адаптироваться и выживать (Бронислав Малиновский).

5. Естественное обозначает сферу, лишенную взаимопроникновения «видимого» и «невидимого», в нем отсутствует «сопричастие» мировому целому, миру духов, предков и колдунов (Люсьен Леви-Брюль). Оно «не сопричастно» мировому целому, разрозненно и фрагментарно.

6. Естественное маркирует все то, в чем нет доминирования «экспрессивной функции» и «закона конкреции». В нем начинается распад частей и целого, причины и следствия, основания и обоснованного, «переднего» и «заднего» планов, индивида и рода. (Эрнст Кассирер). Оно «по ту сторону закона конкреции», в нем господствует рядоположенность.

7. Естественное архаики обозначает то, что лишено чувственно-конкретного единства «неприрученной мысли». Оно «по ту сторону бриколажа», в нем слабо отражаются социальные отношения и коммуникативные игры (Клод Леви-Строс, Филипп Дескола).

Таким образом, если рассматривать естественное архаики как иное сверхъестественного, то мы получаем лишенное одушевленности и связи с тотемом, индифферентное для табу, являющееся ординарной управляемой нормальностью, лишенное сопричастия мировому целому, непосредственной экспрессивности, «конкреции», «бриколажа» и коммуникативных игр рядоположенное наличное бытие.

Однако, взгляд «извне» ограничен редукционистской установкой. В нем теряется внутренний опыт. Человек архаики действительно верит в свое сверхъестественное, переживает его как самую подлинную реальность. По этой причине наше исследование будет не полным, если мы не рассмотрим сверхъестественное и естественное «изнутри» мифологического сознания, феноменологически.

Естественное в мифе: взгляд изнутри

Феноменологическое исследование соотношения естественного и сверхъестественного может быть организовано различными способами. Можно опираться на учение Э. Гуссерля о «естественной установке» и обратиться к опыту феноменологической редукции. При этом мы останемся «взаперти интенциональности». Мы будем выделять в ней акты, «слои» и процедуры, фиксировать переход от естественного к эйдосу, феномену и чистому сознанию, которые «яснее» смутной и наивной естественности мифа. Мифологическое мышление предстанет перед нами как сплошное застревание в сетях «естественной установки». Вряд ли на этом пути мы поймем специфику мифического сверхъестественного. А не поняв этой специфики, вряд ли мы сможем уверенно говорить и о его антиподе, о мифическом естественном. По этой причине в поисках концептуальной основы мы обращаемся к «неинтенциональной» феноменологии Э. Левинаса, М. Анри, Р. Бернета и других авторов. Э. Левинас пишет о том, что присутствие, суть которого в интенциональности, «исключает любую трансцендентность» [14, с. 24]. В связи с этим тайна трансцендентного, сакрального, сверхъестественного находится «по ту сторону интенциональности» и присутствия. Человеку присуще «метафизическое желание», выводящее его за рамки «бытия у себя». Именно благодаря этому желанию «зарождаются ощущение выси», «Невидимого» [15, с. 75]. Для соприкосновения с сакральным или сверхъестественным нужен разрыв тотальности «самотождественного», «оспаривание спонтанности Я» [15, с. 82]. Разум нейтрализует другое, включает его в себя, всегда возвращается к себе. Так же тематизация и концептуализация – это овладение другим. Но «по ту сторону интенциональности» есть «абсолютно Другое», которое не может быть подчинено, которым нельзя обладать. «Абсолютно Другое» вносит сбой в работу интенциональности. Оно приоткрывается в состоянии «лицом-к-лицу» в потере тотальности, в уязвимости, наготы, обнаженности, прямоты, предстоянии перед смертью [14, с. 28]. Левинас обращает внимание на сторону поражающего бессилия и пассивности человека при столкновении со смертью близкого. Субъект вдруг лишается своей автаркии, хватки, воли к власти. В этой связи Р. Бернет предлагает переосмыслить действительность субъек-

та. Активность субъекта – это лишь одна из его сторон. Бернет пишет о «травмированном субъекте» [16], об опыте инаковости там, где возникает разрыв интенциональности. Человек как субъект не является самозамкнутым абсолютом, полагающим свое иное и снижающим его в своей тотальности. На деле существует «субъект, предрасположенный к травме» [16, с. 132], уязвимый субъект. Никакая активность и суверенность не спасают от этой уязвимости. Опыт инаковости, который может травмировать, не поддается предсказанию, заключению в привычные рамки и тотальному контролю. Человек открыт этому опыту «вопреки себе» [16, с. 144].

Именно «вопреки себе» человек соприкасается с сакральным и сверхъестественным, которое прерывает его обычный опыт присутствия и может вызвать «потрясение естественного порядка вещей» [14, с. 29]. Сакральное для мифологического или религиозного сознания – нечто более значимое, чем «Я», чем присутствие. Выражаясь языком Левинаса, оно оказывается «постановкой под вопрос» субъекта как остающегося всегда «у себя» в хайдеггеровом «Jemeinigkeit», «всегда-моим». Сакральное вырывает человека из имманентности, приводит его к самоотречению. При этом оно может проявиться, например, как «дар» или как «укор». Однако важно подчеркнуть, что и «дар», и «укор», и другие формы откровения предполагают сторону пассивности субъекта, опыт прерывания его автаркии. Именно нагие и обездоленные, кроткие и нищие духом гордыни, подобные детям и даже юридические с этой точки зрения оказываются ближе всего к опыту трансцендирования. Согласно М. Анри, мы вполне можем описывать подобные феномены из них самих [17]. Конечно это нисколько не отменяет саму интенциональность и ее значимость. Ведь только на фоне интенциональности мы и можем говорить о том, что «по ту сторону интенциональности», о том, что вызывает в ней сбой.

С опорой на данный подход мы обратимся теперь к текстам «феноменологии религии», в которой можно обнаружить целый ряд попыток более детального описания сверхъестественного, в том числе и архаического. Эти описания являются религиозными и имеют очень мало общего с философской феноменологией. Тем не менее их можно использовать как эмпирический материал. Спецификой феноменологии религии, согласно Т. С. Самариной является антиредукционизм, несводимость сакрального к социальным, психологическим, культурным реалиям, его несводимость к «небожественному сакральному». Кроме того феноменологии религии присущи такие принципы, как эмпирическая направленность, эпохе (воздержание от оценочных суждений), эмпатия и уважение к религиозному опыту [18, с. 12].

Первый ключевой автор феноменологии религии – это Рудольф Отто. В своей знаменитой работе («*Das Heilige*») он старательно отделяет нуминозное (священное, святое) от физических и психических феноменов. Переживание священного «качественным образом» отличается от обычных переживаний. Обычные психические феномены могут быть использованы лишь как аналогии при описании нуминозного опыта [19, с. 17]. В этом контексте Отто противопоставляет такой опыт всем «естественным» чувствам. «Естественное» переживание может быть лишь аналогией нуминозного, но не более того. Это касается, например, опыта нуминозного «ужаса» («*tremendum*»), который не следует

путать с естественным страхом. Нуминозное «сверхъестественно», оно несводимо к профанному и не может быть понято из тотально-профанного секуляризованного бытия. Нуминозному принадлежит «совершенная инаковость» («ganz Andere»), нередуцируемость к обыденному опыту. В этом контексте Отто пишет о «неестественности» священного, о трансцендировании, на основе которого человек соприкасается со святым. Нуминозное чувство – особый род интуитивно-целостного познания трансцендентного [20, с. 21]. О священном свидетельствует чудо, которое характеризуется Отто как непостижимое, парадоксально-неразумное и антиномичное.

Исходный для архаики феномен описывается как «mysterium tremendum» в виде переживания «жути», «демонического ужаса». Это результат столкновения с некой спонтанной, антирациональной, непостижимой, мгновенной и бесконтрольной силой. На основе опыта «жути», а не на почве абстрактно-кабинетного «анимизма» возникает культ мертвых [19, с. 187]. Однако, по мнению Отто, уже миф «совершает ошибку», описывая этот опыт «естественными» предикатами [19, с. 41]. «Нуминозное чувство поначалу естественным образом прикрепляется к внутримирским предметам» [19, с. 205]. Лишь постепенно нуминозное одухотворяется. Таким образом, Отто описывает нуминозный опыт как нечто, вырывающее человека из естественного состояния. Исток священного – это чувство «совершенно иного». На этой основе Отто различает «естественного человека» и человека, «пребывающего в духе» [19, с. 92]. По контрасту с этими описаниями сверхъестественного естественное архаики предстает как привычное, свое, уютное, удобное, предсказуемое, постижимое, непротиворечивое, успокаивающее.

Фридрих Хайлер, как и Р. Отто, придерживается принципа антиредукционизма и подчеркивает, что миф или религия – это основанная сама на себе реальность, несводимая ни к чему другому. Хайлер структурирует феномены священного с помощью «концентрических кругов». Внешним кругом являются институциональные элементы культа, средним – рациональные, а внутренним – мистические. Эти круги – ступени опытного приближения к трансцендентной действительности и к мистике как практике прорыва, «убегания» к иному миру. Имманентная земная жизнь отрицается, умерщвляется ради духовного бытия, мистического «экстаза», слияния с Богом («личностного», либо «неличностного» в зависимости от рода мистики). Здесь Хайлер расходится с Отто, так как в «экстазе» исчезает «совершенная инаковость» священного [20, с. 38]. Однако он так же отделяет «естественного» человека и духовный опыт. Нуминозное по его мнению лучше всего раскрывается в очищенном от наивности архаики опыте трансцендентного. Он подчеркивает «чуждость миру» такого опыта, его фактическую «противоестественность». По контрасту с этим естественное архаики оказывается наивным и при этом не-экстатическим, то есть лишенным момента слияния в трансцендировании. Естественное оказывается расчлененным бытием, в котором и возникают «концентрические круги» как отделенные от единого сферы.

Герардус ван дер Леу различает в своем подходе «понимание» и «объяснение» религиозных феноменов. Он предпочитает опираться на «понимающую феноменологию» и интуитивно-целостное схватывание. Понимание опирается на эмпирическую базу,

является неким структурированием, но при этом оно немыслимо без симпатии и вчувствования. Один из ключевых феноменов, по его мнению, – это «Сила» (мана, оренду и т.д.) [18, с. 85]. Опыт «Силы» – это переживание динамического Иного, вызывающего ужас, страх, трепет и, вместе с тем, изумление, благоговение, смирение, обожание и энтузиазм. «Сила» может проникать в предметы, отсюда возникает фетишизм. Весь мир – проявление «Силы», поэтому возможно пантеистическое мировоззрение. Главное в ней – инаковость, экстраординарность, противостояние обычному. «Сила» переходит в «Волю» и «Форму». Сама по себе «Сила» неморальна, вне всяких законов. В архаике она безлична и лишь впоследствии персонифицируется. При описании «Силы» Леу использует метафоры электричества, напряжения, заряда. «Сила» диалектически сочетает в себе далекое и близкое, трансцендентное и имманентное. Тем самым она связывает сакральное и профанное, является амбивалентным источником всего. Сакральное «Силы» пронизывает собой всё, естественным образом порождает свои многочисленные проявления. Человек связан с «Силой» вполне естественно, как на уровне чувств, так и на уровне разума и воли. Таким образом, хотя Леу и берет у Отто термин «совершенно Иное», он не разрывает «естественного человека» и опыт сакрального. «Sacer» архаики амбивалентно, оно одновременно является и священным, и проклятым. Благо и грех не различаются в архаическом сознании, а профанное первоначально нейтральное. Лишь постепенно в истории религии возникает и разрастается пропасть между святым и нечистым. По контрасту с этими описаниями сверхъестественного естественное оказывается лишенным «Силы», либо в нем «Сила» проявлена в меньшей степени. Если сакральное амбивалентно, то естественное, вероятно, теряет эту амбивалентность и становится «плоским», односторонним, однобоким. При этом естественное нейтрально, оно лишено экстраординарности.

Густав Меншинг, как и Герардус ван дер Леу, оспаривает абсолютную инаковость нуминозного по Отто [20, с. 51]. «Святая сила», хотя и обладает «сверхсоциальным» происхождением, но проявляется в имманентном человеку мире. Нуминозностью могут обладать многие природные явления, места (например, священные горы), растения, животные, духи и т.д. Мистическая «встреча» со священным может быть видением, слышанием, которые дают переживание единения с божественным. На этой основе происходит «откровение» как внутреннее мистическое озарение, открытость, принятие божественного дара. Этот опыт соприкосновения со «сверхисторической» действительностью влияет на общество, приводит к появлению в нем специфических ролей, в частности, типов религиозных учителей и учеников. Ключевым пунктом описания сверхъестественного здесь становится опыт «откровения». Одностороннее естественное на этом фоне предстает как лишенное «открытости» трансцендентному, как замкнутое на самом себе. Хотя не исключено, что благодаря мистической «встрече» естественное сможет «открыться» трансцендентному.

Работа Алексея Фёдоровича Лосева «Диалектика мифа» так же может быть рассмотрена в контексте феноменологических исследований мифа и религии. Стремясь выделить специфику мифа, Лосев последовательно отделяет мифический опыт от стереотипных

«фантастических представлений», метафизики, «первобытной науки», аллегоризма, схематизма, поэзии, религии, догматики и исторического толкования («эвгемеризма»). Спецификой мифа оказывается личностное бытие, в символах которого проявляется «чудо». Миф – это «в словах данная чудесная личностная история» [21, с. 212]. «Чудо» как центральный момент мифа, согласно Лосеву, является совпадением «первозданной блаженно-самоутвержденной личности» и «случайно протекающей эмпирической истории личности». Фактически в чуде происходит возврат человека к истокам его бытия, к тому, что неоплатоники-персоналисты называли «единым» данной личности. Однако в мифе эти истоки, это «единое» (или «самое само» по Лосеву) являет себя не в экстатическом умном созерцании как у Плотина, а как воплощенный символ, как переживаемое событие. Следует отметить, что избрав для описания этого события метафору «чуда», Лосев делает акцент на переживании его как «дара», «тайны», как удивляющего свободного проявления сверхъестественного. В чуде есть нечто детское, даже «инфантильное». Заикленный на самом себе и на деятельности классический западноевропейский субъект Нового времени не любит чудес и списывает их на инфантильность. Однако, выходя за рамки одностороннего субъектоцентризма, Лосев обнаруживает целую сферу личностного бытия, открытую трансцендентному, не зависящую от самого субъекта. Одним из проявлений этой сферы и является «миф», в котором даже взрослый человек становится «ребенком», наивно принимает дары сверхъестественного, оказывается зачарованным «тайной» бытия. По контрасту с этими описаниями сверхъестественного естественное лишено чудесности и тайны. В нем царит будничность, взрослый расчетливый «реализм», утилитарность, предсказуемость и скука (которая с неизбежностью возникает там, где нет тайны). Отсутствие тайны делает его малоинтересным и банальным. Если сверхъестественное открывается как «дар», то естественное является скорее «добычей», тем, что нужно самостоятельно взять. Получается, что естественное всегда требует того или иного труда. Естественное оказывается безразличным к личностному бытию. Оно удовлетворяет лишь базовые потребности, но не дает чувства «первозданной блаженной самоутвержденности», так как профанному присуща «естественная раздельность» и «естественная непримиримость» вещей [21, с. 67].

Мирча Элиаде, обобщая исследования предшественников, делает акцент на опыте «иерофании», в котором раскрывается символизм сакрального. Священное с одной стороны, понимается как нечто принципиально противопоставленное профанному, а, с другой стороны, как воплощенное бытие. «Священное всегда проявляется как реальность совсем иного порядка, отличная от естественной реальности» [22, с. 254]. Вместе с тем, «проявляя священное, какой-либо объект превращается в нечто иное, не переставая при этом быть самим собой, т.е. продолжая оставаться объектом окружающего космического пространства» [22, с. 255-256]. Священное пронизывает таким образом все мироздание. Например, чисто физиологических процессов для человека архаики не существует. Все эти процессы сакральны [22, с. 257]. Нет и физического однородного пространства, бесформенной протяженности. В пространстве архаики сплошные разрывы и разло-

мы. Порог – это разрыв, прерывание профанности перед сакральным. «Свое место» должно быть отделено, обжито, освящено, в том числе с помощью сакральной жертвы. Сакральный центр мира возникает в результате акта сотворения, разрывающего первосущество [22, с. 277]. Такой же неоднородностью обладает и время архаики. Священное праздничное время отделено от профанного. Священное время обратимо, оно является циклическим возвращением к вечности космогонического акта. Оно вырывает человека из профанности к вечности. Границей является символическое уничтожение профанного мира. Точно так же и природа «никогда не представляется полностью естественной» [22, с. 307]. В ней есть имманентные проявления сакрального, «сверхъестественное неразрывно связано с естественным... природа всегда выражает нечто, находящееся в высшей сфере» [22, с. 307]. На этом фоне естественное вновь раскрывается как одностороннее, замкнутое на самом себе, отделенное от сакрального. Как и у Лосева главной характеристикой естественного становится «естественная раздельность» вещей, утрата единства мира, связи с «высшей сферой», с вечностью. Эта утрата выражается как потеря условий символической «иерофании», сведение пространства, времени и в целом телесности к однородной протяженности и механистичности.

Неофеноменолог религии Вольфганг Гантке пишет о святом как об «открытом вопросе», о том, что не может быть определено с помощью научных понятий [20, с. 69]. Святое не может быть понято и из профанного. Гантке стремится преодолеть европоцентризм в своем подходе, сведение религиозных феноменов к христианской понятийной системе. Существенный пункт в его подходе – необъективируемость нуминозного опыта. Только «диалог о святом» дает возможность его адекватного понимания. По контрасту с этими описаниями естественное – это то, что может быть объективировано без остатка, то, что не требует диалогической установки.

Итак, если обобщить приведенные описания естественного, понимаемого как иное сверхъестественного, мы получаем следующую картину:

1. Естественное лишено необыкновенности, экстраординарности и вообще архаической «жути» «*mysterium tremendum*». Оно не имеет связи с «абсолютной инаковостью» трансцендентного. Поэтому оно является чем-то обычным, привычным, освоенным, предсказуемым, постижимым, непротиворечивым, нейтральным (Рудольф Отто). Выделим у этого исследователя два ключевых момента естественного: «имманентность» и «ординарность».

2. В естественном человек не переживает «мистический экстаз». Поэтому оно оказывается не-экстатическим, то есть лишенным момента слияния с трансцендентным. Естественное сохраняет отделенность от трансцендентного и порождает «концентрические круги» его ослабления (Фридрих Хайлер). Назовем этот момент «обособленностью» естественного.

3. Естественное теряет амбивалентность сакрального и становится «плоским», «обедненным», односторонним, односторонним по сравнению с ним (Герардус ван дер Леу). Назовем по-гегелевски этот момент «абстрактностью» естественного. Кроме того, особо отметим «анти-амбивалентность» естественного.

4. Естественное противопоставляется сверхъестественной ситуации «откровения». Оно лишено «открытости» трансцендентному, оно замкнуто на самом себе (Густав Меншинг). Назовем этот момент «закрытостью» естественного.

5. Естественному не свойственно совпадение «первозданной блаженно-самоутвержденной личности» и «случайно протекающей эмпирической истории личности». В нем нет чуда и тайны совпадения истоков бытия и эмпирического существования личности. Естественная раздельность и непримиримость вещей, развенчание чудес и разгаданность тайн вытесняют в нем «первозданное блаженное» «апофатическое единство» (Алексей Лосев). Выделим здесь моменты «разгаданности» и «безличности» естественного.

6. В изолированном от сверхъестественного естественном невозможна «иерофания», невозможны символы и «складки» являющейся вечности. Пространство, время и телесность сводятся к однородной протяженности и механистичности (Мирча Элиаде). Назовем выраженные здесь моменты «антисимволичностью» и «изотропностью» естественного.

7. Естественное теряет апофатическую глубину и в отличие от сверхъестественного не требует диалогического взаимодействия и может быть объективировано до конца, без остатка (Вольфганг Гантке). Выделим здесь моменты «антидиалогизма» и «конечности» естественного.

Таким образом, естественное архаики проявляется как то, в чем слаба связь с трансцендентным (тотальная «имманентность») и, поэтому оно воспринимается как нейтральное («ординарность»), не-экстатическое («обособленность»), анти-амбивалентное («абстрактность»), замкнутое на самом себе («закрытость»), лишенное чуда и тайны («разгаданность»), личностного и диалогического измерения («безличность», «антидиалогизм»), символизма иерофании («антисимволичность»), оно является телесно-однородным («изотропность»), полностью объективированным («конечность»).

Выводы

В рамках системной реконструкции «естественного» в архаическом сознании мы рассмотрели его не как данность, а как фон, иное сакрального (сверхъестественного). Фон был превращен в фигуру, при этом стремление к возможно более полной картине была реализовано с помощью синтеза и критического сравнения методологических установок «взгляда извне» (редукционистских теорий Тайлора, Дюркгейма, Фрейда, Мосса, Малиновского, Леви-Брюля, Кассирера, Леви-Строса) и «взгляда изнутри» (феноменологических и религиоведческих подходов к архаическому мышлению Отто, Хайлера, ван дер Леу, Меншинга, Лосева, Элиаде, Гантке). Мы исходили из того, что человек архаики больше был увлечен тем, что мы условно называем «сверхъестественным» или «сакральным». Естественное для него оставалось фоном сверхъестественного. Поэтому описывать естественное архаики можно лишь от обратного, как некое инобытие.

Естественное оказывалось по ту сторону мира духов и вообще магической одушевленности и мира олицетворений. Оно оставалось по ту сторону тотема и не играло ключевой

роли в социальной структуре. Естественное оставалось в рамках «нормальности», общности, практической управляемости, в рамках нейтральности для табу. В естественном не проявлялось «сопричастие» мировому целому, в нем не было непосредственной захватывающей сознание экспрессивности, «конкреции» и «бриколажа». Оно слабо отражало социальные отношения и коммуникативные игры, являлось как фрагментарное, рядоположенное наличное бытие. Поэтому оно оказывалось чем-то «имманентным», «ординарным», лишенным экстаза в своей «обособленности», анти-амбивалентным («абстрактным»), замкнутым на самом себе («закрытым для трансцендентного»), лишенным чуда и тайны («разгаданным»), «безличностным», «антисимволичным», «антидиалогичным», телесно-однородным («изотропным») и полностью объективированным («конечным»). Оно было обычной обособленностью и рядоположенностью вещей наличного бытия вне чудес и экстраординарных событий, вне жизненно важных социальных отношений и коммуникативных игр. В нем не проявлялось мировое единое и трансцендентное начало.

В архаическом сознании «естественное» не являлось самостоятельной артикулированной категорией, оно оказывалось негативным фоном («иным») сакрального/сверхъестественного. Оно сливалось с профанным и, таким образом, содержало в себе имманентный потенциал десакрализации, которая и будет реализована в Новое время, когда понятие естественного не просто выйдет на первый план, но и будет концептуализировано. Однако, если в Новое время естественное будет связано с природой и противопоставлено культуре, то в эпоху архаики оно не привязывалось к природе. Оно оставалось нейтральным фоном сакральных событий, присущих как человеку, так и природе в их неразрывном единстве.

Список литературы

1. Дескола Ф. По ту сторону природы и культуры / пер. с франц. О. Смолицкой, С. Рындина; под общ. ред. С. Рындина. М.: Новое литературное обозрение, 2012. 584 с.
2. Тайлор Э. Б. Миф и обряд в первобытной культуре / пер. с англ. Д. А. Коропчевского. Смоленск: Русич, 2000. 624 с.
3. Фрэзер Д. Д. Золотая ветвь: Исследование магии и религии / пер. с англ. М. К. Рыклина; под общ. ред. С. А. Токарева. М.: Политиздат, 1983. 703 с.
4. Дюркгейм Э. Элементарные формы религиозной жизни: тотемическая система в Австралии / пер. с франц. А. Апполонова и Т. Котельниковой; под науч. ред. А. Апполонова. М.: Издательский дом «Дело» РАНХиГС, 2018. 736 с.
5. Leach E. Anthropological aspects of language: animal categories and verbal abuse // New Directions in the Study of Language / Ed. Eric H. Lenneberg. Chicago: University of Chicago Press, 1964.
6. Мосс М. Общества. Обмен. Личность. Труды по социальной антропологии / пер. с франц. А. Б. Гофмана. М.: КДУ, 2011. 416 с.
7. Фрейд З. Тотем и табу / пер. с нем. М. В. Вульфа. СПб: Азбука-классика, 2005. 256 с.

8. Малиновский Б. Избранное: Аргонавты западной части Тихого океана / пер. с англ. В. Н. Поруса. М.: «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 2004. 552 с.
9. Малиновский Б. Избранное: Динамика культуры / пер. с англ. И. Ж. Кожановской, В. Н. Поруса, Д. В. Трубочкина. М.: «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 2004. 959 с.
10. Леви-Брюль Л. Первобытный менталитет / пер. с франц. Е. Кальщикова. СПб.: «Европейский Дом», 2002. 400 с.
11. Кассирер Э. Философия символических форм. Том 2. Мифологическое мышление / пер. с нем. С. А. Ромашко. М.; СПб.: Университетская книга, 2002. 280 с.
12. Леви-Строс К. Первобытное мышление / пер. с франц. А. Б. Островского. М.: Республика, 1994. 384 с.
13. Bauman Z. Globalization. The Human Consequences. New York City: Columbia University Press, 1998.
14. Левинас Э. Заметки о смысле // (Пост)феноменология: новая феноменология во Франции и за ее пределами / пер. с франц. А. В. Ямпольской; сост. С. А. Шолохова, А. В. Ямпольская. М.: Академический проект, 2014. С. 18-38.
15. Левинас Э. Избранное. Тотальность и Бесконечное / пер. с франц. И. С. Вдовиной, Б. В. Дубина, Н. Б. Маньковской, А. В. Ямпольской. М.; СПб.: Университетская книга, 2000. 416 с.
16. Бернет Р. Травмированный субъект // (Пост)феноменология: новая феноменология во Франции и за ее пределами / пер. с франц. А. В. Ямпольской; сост. С. А. Шолохова, А. В. Ямпольская. М.: Академический проект, 2014. С. 123-144.
17. Анри М. Неинтенциональная феноменология: задача феноменологии будущего // (Пост)феноменология: новая феноменология во Франции и за ее пределами / пер. с франц. А. В. Ямпольской; сост. С. А. Шолохова, А. В. Ямпольская. М.: Академический проект, 2014. С. 43-57.
18. Самарина Т. С. Феноменология, ноуменология, постфеноменология религии. М.: ИФ РАН, 2019. 296 с.
19. Отто Р. Священное. Об иррациональном в идее божественного и его соотношении с рациональным / пер. с нем. А. М. Руткевич. СПб.: АНО «Изд-во С.-Петерб. ун-та», 2008. 272 с.
20. Пылаев М. А. Западная феноменология религии. Теоретико-методологические основания и перспективы построения религиоведения как науки о святом. М.: РГГУ, 2006. 97 с.
21. Лосев А. Ф. Диалектика мифа / Сост., общ. ред. А. А. Тахо-Годи, В. П. Троицкого. М.: Мысль, 2001. 558 с.
22. Элиаде М. Священное и мирское // Избранные сочинения: Миф о вечном возвращении; Обряды и символы; Священное и мирское / пер. с франц. Н. К. Гарбовского. М.: Ладомир, 2000. С. 251-392.

Сведения об авторах:

Добронравов Кирилл Олегович – кандидат философских наук, доцент кафедры театрального искусства и социокультурных процессов Омского государственного университета имени Ф. М. Достоевского, г. Омск.

E-mail: KirillDobronravov07@gmail.com

Фёдоров Сергей Владимирович – кандидат философских наук, доцент кафедры философии, истории, экономической теории и права Омского государственного аграрного университета имени П. А. Столыпина, г. Омск.

E-mail: jettull@mail.ru

Dobronravov K. O., Fedorov S. V.

**THE NATURAL AGAINST THE BACKGROUND OF THE SUPERNATURAL:
AN EXTERNAL AND INTERNAL VIEW OF MYTHOLOGICAL CONSCIOUSNESS**

Abstract: *The article is devoted to the study of the genesis of the concept of “natural” in the archaic (mythological) consciousness. The authors point out that in the Archaic, the “natural” was not an independent category, but was constituted as a negative background (“other”) sacred/supernatural. The subject of the research is the phenomenon of the natural in mythological consciousness. The research methodology is based on the synthesis and critical comparison of reductionist (“view from the outside”: Tylor, Durkheim, Freud, Levi-Bruhl, Malinovsky, Cassirer, Levi-Strauss) and phenomenological (“view from the inside”: Otto, Heiler, van der Leeuw, Menshing, Eliade, Losev, Gantke) approaches. It is concluded that the archaic natural remained a neutral background of ideas related to universal animateness and totemism, was indifferent to taboos and “participation” in the global whole, had no significance for the “expressive function”, poorly reflected the social systems of the archaic and communicative games. Based on phenomenological research, a set of characteristics of the archaic “natural” was revealed: immanence, ordinariness, isolation, anti-ambivalence, abstractness, closeness, unraveling, impersonality, antisymbolicity, antidualogicity, isotropy and finiteness. It is concluded that the natural archaic contained the immanent potential of desacralization, realized in the culture of Modern Times.*

Key words: *natural, Myth, Archaic consciousness, Phenomenology of religion, The Sacred.*

References

1. Descola Ph. Po tu storonu prirody i kul'tury / per. s franc. O. Smolickoj, S. Ryndina; pod obshch. red. S. Ryndina. M.: Novoe literaturnoe obozrenie, 2012. 584 s.
2. Tylor E. B. Mif i obryad v pervobytnoj kul'ture / per. s angl. D. A. Koropchevskogo. Smolensk: Rusich, 2000. 624 s.
3. Frazer J. G. Zolotaya vetv': Issledovanie magii i religii / per. s angl. M. K. Ryklina; pod obshch. red. S. A. Tokareva. M.: Politizdat, 1983. 703 s.

4. Durkheim E. Ehlementarnye formy religioznoj zhizni: totemicheskaya sistema v Avstralii / per. s franc. A. Appolonova i T. Kotel'nikovoj; pod nauch. red. A. Appolonova. M.: Izdatel'skij dom «DelO» RANKhIGS, 2018. 736 s.
5. Leach E. Anthropological aspects of language: animal categories and verbal abuse // *New Directions in the Study of Language* / Ed. Eric H. Lenneberg. Chicago: University of Chicago Press, 1964.
6. Mauss M. Obshchestva. Obmen. Lichnost'. Trudy po social'noj antropologii / per. s franc. A. B. Gofmana. M.: KDU, 2011. 416 s.
7. Freud Z. Totem i tabu / per. s nem. M. V. Vul'fa. SPb: Azbuka-klassika, 2005. 256 s.
8. Malinovsky B. Izbrannoe: Argonavty zapadnoj chasti Tikhogo okeana / per. s angl. V. N. Porusa. M.: «Rossijskaya politicheskaya ehnciklopediya» (ROSSPEHN), 2004. 552 s.
9. Malinovsky B. Izbrannoe: Dinamika kul'tury / per. s angl. I. ZH. Kozhanovskoj, V. N. Porusa, D. V. Trubochkina. M.: «Rossijskaya politicheskaya ehnciklopediya» (ROSSPEHN), 2004. 959 s.
10. Levy-Bryhl L. Pervobytnyj mentalitet / per. s franc. E. Kal'shchikova. SPb.: «Evropejskij DoM», 2002. 400 s.
11. Cassirer E. Filosofiya simvolicheskikh form. Tom 2. Mifologicheskoe myshlenie / per. s nem. S. A. Romashko. M.; SPb.: Universitetskaya kniga, 2002. 280 s.
12. Levi-Strauss K. Pervobytnoe myshlenie / per. s franc. A. B. Ostrovskogo. M.: Respublika, 1994. 384 s.
13. Bauman Z. Globalization. The Human Consequences. New York City: Columbia University Press, 1998.
14. Levinas EH. Zametki o smysle // (Post)fenomenologiya: novaya fenomenologiya vo Francii i za ee predelami / per. s franc. A. V. Yampol'skoj; sost. S. A. Sholokhova, A. V. Yampol'skaya. M.: Akademicheskij proekt, 2014. S. 18-38.
15. Levinas EH. Izbrannoe. Total'nost' i Beskonechnoe / per. s franc. I. S. Vdovinoj, B. V. Dubina, N. B. Man'kovskoj, A. V. Yampol'skoj. M.; SPb.: Universitetskaya kniga, 2000. 416 s.
16. Bernet R. Travmirovannyj sub'ekt // (Post)fenomenologiya: novaya fenomenologiya vo Francii i za ee predelami / per. s franc. A. V. Yampol'skoj; sost. S. A. Sholokhova, A. V. Yampol'skaya. M.: Akademicheskij proekt, 2014. S. 123-144.
17. Henry M. Neintencional'naya fenomenologiya: zadacha fenomenologii budushchego // (Post)fenomenologiya: novaya fenomenologiya vo Francii i za ee predelami / per. s franc. A. V. Yampol'skoj; sost. S. A. Sholokhova, A. V. Yampol'skaya. M.: Akademicheskij proekt, 2014. S. 43-57.
18. Samarina T. S. Fenomenologiya, noumenologiya, postfenomenologiya religii. M.: IF RAN, 2019. 296 s.
19. Otto R. Svyashchennoe. Ob irracional'nom v idee bozhestvennogo i ego sootnoshenii s racional'nym / per. s nem. A. M. Rutkevich. SPb.: ANO «Izd-vo S.-Peterb. un-tA», 2008. 272 s.
20. Pylaev M. A. Zapadnaya fenomenologiya religii. Teoretiko-metodologicheskie osnovaniya i perspektivy postroeniya religiovedeniya kak nauki o svyatom. M.: RGGU, 2006. 97 s.

21. Losev A. F. Dialektika mifa / Sost., obshch. red. A. A. Takho-Godi, V. P. Troickogo. M.: Mysl', 2001. 558 s.

22. Eliade M. Svyashchennoe i mirskoe // Izbrannye sochineniya: Mif o vechnom vozvrashchenii; Obrazy i simvoly; Svyashchennoe i mirskoe / per. s franc. N. K. Garbovskogo. M.: Lodomir, 2000. S. 251-392.

Dobronravov Kirill Olegovich – Candidate Sciences in Philosophy, Associate Professor, Department of Theatre Arts and Sociocultural Processes, F. M. Dostoevsky Omsk State University, Omsk.

E-mail: KirillDobronravov07@gmail.com

Fedorov Sergey Vladimirovich – Candidate Sciences in Philosophy, Associate Professor, Department of Philosophy, History, Economic Theory, and Law, Omsk State Agrarian University named after P. A. Stolypin, Omsk.

E-mail: jettull@mail.ru

УДК 130.32

DOI: 10.29039/2413-1695-2025-11-4-25-34

ЭКЗИСТЕНЦИАЛЬНАЯ ИНТЕРПРЕТАЦИЯ ФОРМАЛЬНОЙ ОНТОЛОГИИ: Э. ШТАЙН И Р. ИНГАРДЕН

Чурин Г. А.

Аннотация: В статье предпринимается попытка ответить на хайдеггеровский упрек в адрес Гуссерля об отсутствии должной проработки вопроса о бытии в рамках феноменологии. Для этого мы совершаем краткий библиографический экскурс, обращаясь к гуссерлевским «Прологоменам к чистой логике», где Гуссерль излагает свой проект «чистой логики», и третьему «Логическому исследованию», содержащему первичный набросок формальной онтологии. Обращаясь к специфике самой формальной онтологии, мы рассматриваем ее в паре с материальной онтологией, уточняя существенные отличия одной онтологической системы от другой. На основании этого мы делаем первичный вывод о том, что для Гуссерля существовать – быть одной из мереологических констант, частью или целым. Гуссерлевская позиция в вопросе о значении бытия была развита его непосредственными учениками – в первую очередь речь идет об Э. Штайн и Р. Ингардене. Каждый из них, сохраняя основной облик гуссерлевских онтологических штудий, предложил свою альтернативу проекту мэтра классической феноменологии, сделав основной упор на экзистенциальные мотивы в формальной онтологии, что в дальнейшем позволит перейти от рассмотрения формальной онтологии как одного из подвидов онтологических систем к формальной онтологии как метаонтологии.

Ключевые слова: Гуссерль, экзистенциальная онтология, Штайн, Ингарден, формальная онтология.

Введение

Достаточно часто можно встретиться с мыслью о том, что феноменология, ограничивающая предметное поле рамками сознания и его данностей, либо не занимается исследованием онтологических вопросов, либо не считает их вопросами первоочередной значимости, примером чего может послужить хайдеггеровский упрек в адрес Гуссерля из «Прологомен к истории понятия времени». По его мнению, хотя Гуссерль и задается вопросом о бытии в некоторых параграфах второго раздела шестого «Логического исследования» (в § 39 и §§ 43-44), но не проясняет значение этого термина [1, с. 52-79]. Такую интерпретацию наследия Гуссерля мы находим ошибочной и предлагаем альтернативную ей, которую условно можно назвать «экзистенциальной» постольку, поскольку она направлена на прояснение смысла термина «бытие» в гуссерлевских онтологических экспликациях. Раскрытие этого тезиса и составляет цель настоящей статьи. Для реализации нашего замысла мы предпримем экскурс в третье «Логическое исследование» и первый раздел «Идей I», где прорабатываются проекты формальной и региональной онтологий соответственно.

В своих исследовательских изысканиях мы целенаправленно игнорируем раздел о «категориальном созерцании» из шестого «Логического исследования», что может быть аргументировано следующим образом. С одной стороны, шестое «Логическое исследование» выступает скорее в качестве дополнения к теории значения Гуссерля и отвечает на вопрос о том, осуществляется ли акт придания значения во всех актах сознания, или же он характерен лишь для ограниченного спектра интенциональных актов. С другой стороны, несмотря на тот факт, что основным источником для хайдеггеровской критики Гуссерля служит именно раздел о категориальном созерцании, проблематика существования во втором разделе шестого исследования вводится в контексте дистинкции видов созерцаний: чувственного и категориально оформленного. Высказывания даже об обыденных фактах опыта, включающие в качестве необходимого допущения копулу, т. е. связку «есть», уже говорят в пользу предварительной формально- категориальной фильтрации предметов нашего опыта, ввиду чего следует в первую очередь обратиться к дисциплине, исследующей предметно-формальные категории, а именно – к формальной онтологии, на концептуальный фундамент которой уже имплицитно опирается основная канва шестого «исследования».

Определение формальной и материальной онтологий

Впервые свой набросок формальной онтологии Гуссерль излагает в третьем «Логическом исследовании». При всем при этом следует оговориться, что самого термина «формальная онтология» в тот период Гуссерль еще не использует, объясняя это существованием более удачного и уже распространенного к тому времени майнонговского эвфемизма – «априорная теория предметов». «Тогда (в период создания и написания «Логических исследований» – Ч.Г.) я еще не решился принять сомнительное по историческим причинам выражение «онтология» и (см. с. 222 первого издания) обозначил это Исследование как фрагмент «априорной теории предметов как таковых», что А. фон Майнонг сократил до «Теории предмета». В отличие от прежнего, принимая во внимание изменившуюся ситуацию, я считаю правильное вновь вернуть права старинному выражению “онтология”» [2, S. 28].

Можно сказать, что под формальной онтологией Гуссерль в первую очередь, как это следует из приведенного фрагмента, понимает теорию, обеспечивающую нам возможность говорить о предметах как о предметах и об отношениях, в которые предметы в нашем опыте вступают между собою.

Впервые предметно-формальные категории вводятся Гуссерлем в дискурсивное поле феноменологии под самый занавес 1 тома Логических исследований – в главе под названием «Идея чистой логики». К их числу относятся такие категории, как «предмет», «положение дел», «единство», «множество», «количество», «отношение», «соединение» и т. д. [3, с. 211]. Их появление на авансцене «Логических исследований» обусловлено общим тоном «Прологомен», выдержанных в полемике с психологизмом и его предрассудками. Предметно-формальные категории формальной онтологии призваны избавить нас от категориальной ошибки, связанной с некорректным отождествлением категорий предмета и категорий значения. «Ни в какой другой области познания эквивокация не имеет столь рокового значения, нигде спутанность понятий не задерживала до такой

степени успехов познания, нигде она не тормозила так сильно даже самое его начало – постижение его истинных целей, как в логике. Критические анализы этих пролегомен показали это повсюду» [3, с. 212]

Категории значения в контексте идеи чистой логики оказываются конститутивными элементами, обеспечивающими идеальное теоретическое единство науки. Они выводятся посредством элементарных понятий (Гуссерль называет их «понятиями о понятиях» – это «понятие», «истина», «положения» и др. [3, с. 211]) и простейших форм их соединения в лице дизъюнктивных, конъюнктивных и гипотетических положений, образующих дедуктивное единство теории и теоретической связи положений этой теории друг с другом. Всего Гуссерль выделяет два основных вида наук (теорий): абстрактные и конкретные.

Абстрактными науками могут быть названы те дисциплины, что содержат в себе родовые истины, которые отвечают за дедуктивную связь между истинами всех теоретических дисциплин. В подчинении родовым истинам находятся истины индивидуальные. Преимущественно индивидуальные истины контингенты, т.к., во-первых, эти истины являются истинами лишь при определенных условиях, в силу чего в одних случаях они могут быть существующими, а в других – нет; во-вторых, из-за их относительности они находятся в подчинении истинам родовым, которые обеспечивают «возможность (исходя из одних понятий) заключать о возможном существовании индивидуального», т.е. буквально выступают неким априорным базисом для обоснования связи между вещными единичностями [3, с. 199]. Индивидуальные истины, в отличие от истин родовых, формируются вокруг единства вещи, «то есть соединяют все те истины, которые по своему содержанию относятся к одной и той же индивидуальной предметности или к одному и тому же эмпирическому роду» [3, с. 199]. Именно здесь мы впервые встречаемся с прообразом отношения фундированности, играющего в формальной и материальной онтологиях фундаментальную роль

Оба типа онтологических систем взаимно ограничивают друг друга: формальная онтология интегрирует материальные рода в логическое пространство, в то время как материальная онтология наполняет пустые формальные категории содержанием, объяснить которое исходя из чисто логических отношений представляется невозможным. Так, мы не можем объяснить причину, из-за которой некий цвет (допустим, что красный) обладает именно таким, а не иным окрасом, но зато мы можем говорить о его логических характеристиках. Так, например, оттенок красного в логической иерархии выступает элементом вида «красное», подчиняющегося в свою очередь роду «цвет».

Различие между обоими видами онтологий завязано на разграничении аналитических и синтетических суждений. «...Разграничение между «формальной» и «содержательной», или материальной, сферой сущностей отражает истинное различие между аналитически-априорными и синтетически-априорными дисциплинами и, соответственно, законами и необходимостями» [4, с. 227]. Использование «классической» пары понятий аналитическое-синтетическое, закрепившееся в философии за именем Канта, позитивно переосмысливается Гуссерлем: он выделяет новый критерий аналитичности и, как следствие, новый строгий критерий для построения онтологий [4, с. 231]

Как известно, для Канта аналитическими суждениями можно назвать тот ряд утверждений, в которых предикат В «мыслится» включенным в субъект А в имплицитном виде. Второе название аналитических суждений – суждения «проясняющие», т.к. именно аналитические суждения делают связь между субъектом и предикатом явной. Связь между субъектом и предикатом зиждется на законе тождества. Напротив, синтетические суждения, именуемые Кантом также суждениями «расширяющими», суть те, в которых предикат В находится за пределами субъекта А, хотя, конечно, и связан с ним. В отличие от аналитических суждений, связь между субъектом и предикатом в суждениях синтетических не обеспечивается законом тождества.

Гуссерль сохраняет логический критерий аналитичности в виде закона тождества, но в корне не согласен с кантовским психологизмом, выражением которого является утверждение «мыслимости» предиката В в субъекте А. Для этого он обращается к следующему примеру, уже частично затронутому нами прежде: «...цвет не может быть без чего-то, что имеет цвет, или цвет не может быть без некоторой покрытой им протяженности и т.д., то различие бросается в глаза. Цвет – не относительное выражение, значение которого включало бы представление об отношении к чему-то еще. Конечно, цвет «немыслим» без того, что окрашено, но существование чего-то окрашенного, конкретнее – протяженности, «аналитически» не коренится в понятии “цвет”» [4, с. 228]. Иначе говоря, Гуссерль выступает против гипостазирования связей между предметами, завязанной на лингвистической игре терминов в аналитических суждениях. В противовес этому он желает закрепить за аналитичностью жёсткие логические характеристики, что позволило бы нам освободиться от произвольных измышлений и ошибочного постулирования аналитичности там, где ее нет.

Так, Гуссерль предлагает свою альтернативу интерпретации аналитических и синтетических суждений, сохраняя критерий тождественности, но переводя его на язык формальной онтологии. По мнению Гуссерля, то, что закрепилось в философской традиции за «аналитическими суждениями» лучше было бы назвать «аналитическими необходимостями». Аналитические необходимости суть те суждения, которые формируются в качестве следствия осуществления операции спецификации (т.е. нацеленности содержанием) формальных и пустых аналитических законов формальной онтологии. Иначе говоря, аналитические суждения – суть не то, что предполагает наличие предиката в субъекте, а во – первых, нечто, что не требует обязательного допущения существования какого-либо предмета как в случае с суждениями синтетическими, т.к. они сохраняют свою константность только лишь за счет принадлежности к классу предметно – формальных категорий; а во-вторых, работают исходя из принципа взаимозаменяемости, согласно которому значение контекста А сохраняется при переводе выражения в контекст В¹. Можно проиллюстрировать это на гуссерлевском примере суждения «существование этого дома включает существование его крыши, его стен и остальных частей» [4, с. 230]. На первый

¹ Следует оговориться, что сам Гуссерль не использует выражение «принцип взаимозаменяемости». Взамен этого он строит цельное повествование своего наброска формальной онтологии в третьем «Логическом исследовании». Обращаясь к «принципу взаимозаменяемости» в контексте Гуссерля, мы лишь пытаемся подобрать наиболее удачный философский эвфемизм для мыслей отца-основателя классической феноменологии

взгляд может показаться, что это суждение обладает синтетическим характером, поскольку является суждением опыта, в пользу чего говорит индексикал «этот». Но, если мы обратимся к формальной структуре этого положения, зависимой от трюизма «существование целого включает существование его частей», то нам станет ясно, что дом как целое обладает такими составными элементами (частями), как крыша, стены и пр.т.п. части. И за счет этого выражение, в содержание которого входило местоимение «этот», что указывало прежде на его спецификацию и предположение об индивидуальном полагании существования предмета «дом», при переводе на язык предметно-формальных категорий приобретает статус аналитического, поскольку срабатывает условие взаимозаменяемости. За счет этого все термины в высказывании беспрепятственно переводятся на предметно-формальный язык

Таким образом, можно сказать, что именно принцип взаимозаменяемости в гуссерлевской доктрине приходит на смену кантовскому критерию тождества и отныне он определяет характер аналитичности суждения. Содержательно – нагруженные суждения же, не допускающие формализации входящих в него составных частей *salva veritate*, называются синтетическими. Спецификация таких суждений приводит нас не к аналитическим, а к синтетическим потребностям, которые являются каркасом материальной онтологии.

Любое утверждение материальной онтологии осуществляет процедуру спецификации первоначально пустых формальных категорий, наделяя их содержательным аспектом. В силу того, что эта спецификация происходит в рамках логического пространства – в материальной онтологии мы имеем дело не с просто синтетическими суждениями, а с априорно синтетическими суждениями, фундированными априорно-аналитическими суждениями формальной онтологии. Таким образом, можно сказать, что именно предметно-формальные категории формальной онтологии, фундирующие предметы онтологии материальной, закрепляют за суждениями материальной онтологии априорно-синтетический характер.

Фундаментальными для формальной онтологии понятиями является мерологическая пара часть и целое. Предметы либо могут быть частью какого-то одного целого, либо же в качестве части могут быть фундированными целым. Целое и часть открывают нам простор для введения и закрепления новых категорий. Такой парой категорий являются самостоятельные и несамостоятельные предметы. Предмет называется самостоятельным, если мы можем представить его себе обособленно от целого, и несамостоятельным, если такой операции осуществить нельзя [4, с. 207]. На основании новой дистинкции самостоятельных и несамостоятельных предметов мы приобретаем целый спектр категорий, допускающих различные трактовки самостоятельности: абсолютную и относительную. Наиболее репрезентативными среди них являются «фрагмент» (в терминологии «Идей I» – «конкрет») и «момент» (в «Идеях I» за этим термином закреплена категория «абстракт»). «Фрагмент» является самостоятельной частью относительно какого-либо целого, что допускает двойственную интерпретацию самой части (т.е. самостоятельной в относительном и абсолютном смысле), в то время как момент суть абсолютно несамостоятельная часть – «несамостоятельная сущность именуется абстракт» [5, с. 60]. На основании фундаментальных категорий формальной онтологии Гуссерля мы можем дать первичный ответ о значении “бытия” в его доктрине: быть = быть частью или целым.

Экзистенциальная же интерпретация формальной онтологии, составляющая предмет настоящей статьи, не удовлетворяется сухим ответом Гуссерля, предпринимая попытку адаптировать полноту окружающей действительности к логическим категориям, следствием чего становится смещение акцента в рамках формальной онтологии с топики предметности на условия возможности этой предметности, т.е. допускает имплицитный переход от онтологии к метаонтологии.

Экзистенциальная интерпретации формальной онтологии: Э. Штайн и Р. Ингарден

Одними из первых и наиболее ярких реципиентов проекта «формальной онтологии» Гуссерля были его непосредственные ученики – Э. Штайн и Роман Ингарден. Во многом именно им удалось уловить первичные экзистенциальные мотивы формальной онтологии.

Э. Штайн в своей посмертно опубликованной книге «Potency and Act: Studies toward a Philosophy of Being» [6] одну из частей своей работы посвятила проблеме того, как мы можем говорить об акте и потенции с позиции формальной онтологии. По ее мнению, рубеж между онтологической формой и онтологическим содержанием устанавливает понятие полноты (нем. «Fülle») [6, pp. 27-28]. Если мы, встречаясь с объектом в рамках нашего опыта, полностью абстрагируемся от его содержания, оставляя лишь форму, то мы имеем дело с одним из видов его онтологической формы. В противном случае, когда мы взаимодействуем с качественной и количественной полнотой объектов, т.е. специфицируем их формальные характеристики, как сказал бы Гуссерль, то мы имеем дело уже не с формальной, а с материальной онтологией. Различие между качественной и количественной полнотой объекта мы можем проиллюстрировать на следующем примере. Допустим, что перед нами находится желтый мяч диаметром 20 сантиметров и весом в четверть фунта. В данном случае мы имеем дело с индивидуальным бытием объекта, который полностью детерминирован в отношении своих физических характеристик. Качественными аспектами этого мяча выступают его желтизна и круглая форма, а количественными – его диаметр и вес. Всего в формальной онтологии Штайн выделяет три базовые категории: «нечто» (aliquid) или «объект» (Gegenstand), «что это есть» (quod quid est) и «существование» (sein) [6, p. 28].

Проект Штайн безусловно наследует гуссерлевским интуициям, подтверждением чему служит сохранение дистинкции материальной и формальной онтологий. Однако, несмотря на все гуссерлевские реминисценции, Штайн усиливает интерпретацию формальной онтологии как вспомогательного ресурса, позволяющего определить, что есть и каким образом это самое «есть» существует. Во многом такой подход мотивирован выделением содержательного критерия «полноты» в качестве аналога гуссерлевского принципа взаимозаменяемости – разграничительного принципа для аналитических и синтетических суждений, о чем мы уже упоминали прежде. Поскольку «бытие» является формальной категорией в системе Штайн, постольку любое экзистенциальное суждение о том или ином предмете предполагает формальную онтологию в качестве своей предпосылки, т.к. именно формальная онтология, содержащая фундаментальную категорию «бытие», задает условие существования для всех объектов.

Роман Ингарден, еще один ученик Гуссерля, в своей главной работе «Controversy over the Existence of the World» [7, 8], следуя букве своего учителя, предпринял попытку увеличить количество онтологических систем, добавив к материальной и формальной онтологии еще одну – онтологию экзистенциальную. Экзистенциальная онтология занимается исследованием модусов существования. По замыслу Ингардена выделение особого вида экзистенциальных категорий вводит разнообразие в саму структуру бытия, гарантируя нам экзистенциальную полноту мира. Так, например, «бытие идеальным» конституируется экзистенциальной онтологией, т.к. эта дисциплина проводит различие между идеальным, реальным, материальным и др. способами существования. Следовательно, в ингарденовской экзистенциальной онтологии разрабатываются гуссерлевские предметно-формальные категории вроде «отношения» и «положение дел», например.

Во втором томе «Controversy over the Existence of the World» [8] Ингарден строго проводит различие между формальной и материальной онтологией. Если для Штайн основной принцип суждений материальной онтологии был основан на допущении о полноте (как качественной, так и количественной), то у Ингардена материальная онтология исследует качественность как таковую, «чистую качественность» [9]. Так, например, под область действия материальной онтологии подпадает вопрос о том, почему два свойства у двух разных объектов мы причисляем к категории ширины (например), а не высоты или длины. Формальная онтология же, в свою очередь, задается вопросом о том, почему свойство как категория «свойство» существует таким, а не иным образом. Иначе говоря, онтологическую иерархию Ингардена можно представить следующим образом: экзистенциальная категория определяет категории существования, материальная онтология рассматривает содержательную структуру экзистенциальных категорий, а формальная онтология определяет условия существования для той или иной экзистенциальной категории. Подобного рода структуризация и упорядочивание категориального аппарата в трудах Гуссерля лишний раз наводит нас на мысль об имплицитном многообразии онтологических тезисов в его трудах, выявить которые было под стать двум его непосредственным ученикам.

Продолжая развивать интуиции Штайн и Ингардена, К. Мажолино, анализируя логическую часть региональной онтологии «Идей I» [10], которая во многом схожа с материальной онтологией из «Логических исследований», упрекает своих философских предшественников (в первую очередь, конечно, Хайдеггера) в поспешном обвинении Гуссерля в отсутствии проработки вопроса о бытии. По его мнению, вся региональная онтология (вместе с логическими категориями), занимающаяся исследованием материальных (в противовес формальным и чисто логическим) родов, открывает хотя и опосредованно, способы существования предмета. Если для региональной онтологии основной задачей является поиск наивысшего материального рода, то делать это стоит через понятие «бытия», выступающего наивысшим обобщающим регионом [10, p. 47]

Бытие как наивысший регион синтезирует в себе сущностное многообразие объектов в едином «wesenseinheitliche Verknüpfung» [2, S. 36-38], т.е. в «сущностно едином сочета-

нии наивысших родов», включающего в себя как эйдетические сущности, так и парадигму индивида, выполняющего функцию *Urgegenstand*'а, «праобъекта», с которого и начинается категориальный анализ сущностей [10, p. 41]

Прототипом для тезиса об онтологической генерализации сущего в философии Гуссерля, полагает Мажолино, послужило аристотелевское «*pros hen*», связанное с метафизическим проектом Стагирита для построения науки о бытии как бытии, *being qua being*, и получившее свое развитие в диссертации Ф. Brentano, учителя Гуссерля

Свой тезис Мажолино развивает за счет того, онтология для Гуссерля – это не мейнонговская теория предметов, например, а синтез содержательных и логических категорий: «все – начиная с того, что Гуссерль присвоил себе аристотелевское *tode ti* – ясно указывает на то, что... «быть» – это быть-индивидуумом, или быть-абстрактной-частью индивидуума, или быть-связанным-с-индивидуумом» [10, p. 49]

Как мы можем заметить, проект экзистенциальной онтологии Р. Ингардена согласуется с тезисами Claudio Majolino, несмотря на тот факт, что Ингарден для экзистенциальной трактовки категорий вводит отдельный регион бытия, а Мажолино пытается представить его как нечто, содержащееся в региональной онтологии в свернутом виде. Скорее, экзистенциальная онлогия Ингардена выступает дериватом онтологии формальной, т.к. закрепляет за собой все предметно-формальные категории, но оставляет за формальной онтологией ее синтаксический аппарат, определяющий условия существования вещи. И в таком случае можно сказать, что позиция Ингардена и Штайн сходятся в вопросе интерпретации формальной онтологии, а именно – как метаонтологической структуры, определяющей условия существования для предметов, несмотря на расхождения в способах определения формальности (в случае с Штайн – это отсутствие качественной и количественной полноты, в то время как для Ингардена формальное суть нечто абсолютно бескачественное: «это то что остается от сущности, когда мы абстрагировались от всего качественного» [8, p. 26].

Заключение

Таким образом, можно заметить, что первоначальная задача формальной онтологии из «Прологомен», связанная с фиксацией предметно-формальных категорий, при расширении ее интерпретативного круга, как мы это показали на материале работ Э. Штайн (включение категории «бытие» в список предметно-формальных категорий) и Р. Ингардена (наравне с формальной и материальной онтологиями он добавил еще одну – экзистенциальную онтологию), позволяет осуществить переход от строго онтологических вопросов («что есть?», например) к вопросам метаонтологическим, а именно – к вопросу «что значит ответить на вопрос “что есть?”»

Список литературы

1. Хайдеггер М. Прологомены к истории понятия времени. Томск: Издательство «Водолей», 1998. – 384 с.
2. Husserl, E. (1976). Ideen zu einer reinen Phänomenologie und phänomenologischen Philosophie I: Allgemeine Einführung in die reine Phänomenologie. Martinus Nijhoff.
3. Гуссерль Э. Логические исследования. Т. I: Прологомены к чистой логике/ Пер. с нем. Э. А. Бернштейн под ред. С. Л. Франка. Новая редакция Р. А. Громова. – М.: Академический Проект, 2011. – 253 с.
4. Гуссерль Э. Логические исследования. Т. II. Ч. 1: Исследования по феноменологии и теории познания / Пер. с нем. В. И. Молчанова. – М.: Академический Проект, 2011. – 565 с.
5. Гуссерль Э. Идеи к чистой феноменологии и феноменологической философии. Книга первая / Пер. с нем. А. В. Михайлова; Вступ. ст. В. А. Куренного. – М.: Академический Проект, 2009. – 489 С. (Философские технологии)
6. Stein E. (2009). Potency and Act: Studies toward a Philosophy of Being. ICS Publications.
7. Ingarden R. (2013). Controversy over the Existence of the World: Volume I. Peter Lang.
8. Ingarden R. (2016). Controversy over the Existence of the World: Volume II. Peter Lang.
9. Hakkarainen J., Keinänen, M. (2023). Formal Ontology. Cambridge University Press.
10. Majolino C. (2015). Individuum and region of being: On the unifying principle of Husserl's «headless» ontology: Section I, chapter 1, Fact and essence // A. Staiti (Ed.), Commentary on Husserl's «Ideas I (pp. 33-50). De Gruyter.

Сведения об авторе

Чурин Георгий Андреевич – студент направления «Культурология», Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова, Российская Федерация, г. Москва
E-mail: churingeorge1917@gmail.com

Churin G. A.

EXISTENTIAL INTERPRETATION OF FORMAL ONTOLOGY: E. STEIN AND R. INGARDEN

Abstract: *The article attempts to respond to Heidegger's reproach against Husserl for the lack of proper study of the question of being within the framework of phenomenology. To do this, we make a brief bibliographic digression, referring to Husserl's "Prolegomena to Pure Logic", where Husserl outlines his project of "pure logic", and the third "Logical Study", which contains a draft of formal ontology. Turning to the specifics of the formal ontology, we consider it in conjunction with material ontology, clarifying the essential differences between one ontological system and another. Based on this, we draw the primary conclusion that for*

Husserl to exist is to be one of the mereological constants, a part or a whole. Husserl's position on the question of the meaning of being was developed by his direct students, primarily E. Stein and R. Ingarden. Each of them, while maintaining the basic appearance of Husserl's ontological studies, offered his own alternative to the project of the master of classical phenomenology, focusing on existential motives in formal ontology, which in the future will allow us to move from considering formal ontology as one of the subspecies of ontological systems to formal ontology as meta-ontology.

Key words: Husserl, existential ontology, Stein, Ingarden, formal ontology.

References

1. Heidegger M. *Prolegomeny k istorii ponyatiya vremeni* [Prolegomena to the History of the Concept of Time]. Tomsk: Izdatel'stvo «Vodoley», 1998. 384 s.
2. Husserl E. *Ideen zu einer reinen Phänomenologie und phänomenologischen Philosophie I: Allgemeine Einführung in die reine Phänomenologie*. The Hague: Martinus Nijhoff, 1976.
3. Gusserl' E. *Logicheskie issledovaniya. T. I: Prolegomeny k chistoy logike* [Logical Investigations. Vol. I]. Moscow: Akademicheskij Proyekt, 2011. 253 s.
4. Gusserl' E. *Logicheskie issledovaniya. T. II. Ch. 1: Issledovaniya po fenomenologii i teorii poznaniya* [Logical Investigations. Vol. II, Pt. 1]. Moscow: Akademicheskij Proyekt, 2011. 565 s.
5. Gusserl' E. *Idei k chistoy fenomenologii i fenomenologicheskoy filosofii. Kniga pervaya* [Ideas Pertaining to a Pure Phenomenology and to a Phenomenological Philosophy. Book I]. Moscow: Akademicheskij Proyekt, 2009. 489 s.
6. Stein E. *Potency and Act: Studies toward a Philosophy of Being*. Washington, D.C.: ICS Publications, 2009.
7. Ingarden R. *Controversy over the Existence of the World: Volume I*. Frankfurt am Main: Peter Lang, 2013.
8. Ingarden R. *Controversy over the Existence of the World: Volume II*. Frankfurt am Main: Peter Lang, 2016.
9. Hakkarainen J., Keinänen M. *Formal Ontology*. Cambridge: Cambridge University Press, 2023.
10. Majolino C. Individuum and region of being: On the unifying principle of Husserl's «headless» ontology: Section I, chapter 1, Fact and essence. In: Staiti A. (ed.) *Commentary on Husserl's Ideas I*. Berlin: De Gruyter, 2015, pp. 33-50.

Churin Georgii Andreevich – a student in Cultural Studies, Moscow State University, Russian Federation.

E-mail: churingeorge1917@gmail.com

УДК 141

DOI: 10.29039/2413-1695-2025-11-4-35-50

ФОРМАЛИЗАЦИЯ ОНТОЛОГИЧЕСКИХ ПОЗИЦИЙ НАБЛЮДАТЕЛЕЙ В СОЦИАЛЬНО-ГУМАНИТАРНОМ ЗНАНИИ

Абдрафиков Р. Р.

Аннотация: *Вопрос о фундаментальных различиях онтологических взглядов субъектов, по-разному определяющих «что есть социальная реальность», возникает у нас в связи с задачей создания компьютерной модели социальных взаимодействий. Воспроизводство человеческой субъективности в виртуальной среде требует рационального представления самых глубоких метафизических оснований. В качестве базового метода используется «интервальный подход». Для достижения поставленной цели решаются следующие задачи: 1. Опираясь на данные нейробиологии, делается уточнение функциональных особенностей рассудка и разума и их роль в направленности взглядов субъектов. В качестве примеров рассматриваются взгляды Платона и Аристотеля, а также представителей «новой онтологии». 2. Проводится совмещение классификации наблюдателей в «интервальном подходе» с инструментом компьютерных наук. Итогом работы является модель, объясняющая выбор элементов и языка конструирования социальной реальности.*

Ключевые слова: *онтология, позиция наблюдателя, «интервальный подход», «спекулятивный поворот», MDA-framework.*

1. Введение

Необходимость формализовать онтологические позиции наблюдателей у нас возникла в процессе разработки компьютерной модели социальной реальности. Взгляд самого разработчика на создаваемую программу сравним с «метаинтервальной» позицией, предложенной авторами «интервального подхода», Ф. В. Лазаревым и М. М. Новоселовым [1].

Сравнивая «интервальные (познавательные) ситуации» (ИС), представляющие субъективные системы отсчета или контексты рассмотрения, только в пределах которых и можно что-то говорить о наблюдаемой/исследуемой реальности [2, с. 271], Ф. В. Лазарев приходит к необходимости произвести обобщение ИС наблюдателей из метаинтервальной позиции («над интервалом») [3, с. 147].

Таким способом, с точки зрения «интервального подхода» предлагается попытка классификации познавательных позиций для социально-гуманитарного знания:

- видение реальности общественным индивидом – «изнутри»;
- видение реальности ученым-обществоведом (социологом, политологом, футурологом) – «извне»;
- видение реальности методологом – «над интервалом» [4, с. 19].

Массовый индивид находится «изнутри» своей интервальной ситуации и не может

увидеть возможности перехода в другие перспективы видения. Профессиональный ученый также оказывается под воздействием различных социальных условий. Для обнаружения и исследования данных условий, имеющих объективный интервальный характер, необходима метатеоретическая позиция методолога – «над интервалом», учитывающая зависимость выводов ученого-социолога от социальных предпосылок [Там же].

Вообще, нет смысла говорить о реальности, не учитывая позицию наблюдателя. Но предложенной классификации недостаточно, чтобы произвести строгую формализацию субъектных оснований. С точки зрения «интервального подхода», мировоззренческие ограничения ставятся в зависимость от интервальной структуры реальности, от социальных условий, но при этом данные ограничения для субъекта остаются его *фундаментальными онтологическими убеждениями*, не рефлекслируемыми на уровне сознания. Возникает вопрос, *что обуславливает выбор субъектом той или иной интервальной ситуации?* Чтобы формализовать данные ограничения, их необходимо перевести на уровень сознания, т.е. найти рациональное объяснение тому, что есть эта вера.

Казалось бы, проще всего пойти путем определения понятия, ответив «что есть реальность?», и тогда между субъективными позициями уже возникнет связь. Но вопрос о реальности можно считать самым сложным вопросом в философии, поскольку это всегда вопрос о всеобщем, о чем в принципе можно мыслить, о том, с чего начинается картина мира любого человека. Ответить на поставленный вопрос используя одну лишь логику, невозможно.

Любое наше представление о реальности, о мире базируется на вере. Именно привычка верить является нашей первичной онтологической установкой. Исторически сложилось три варианта убеждений о доступе к реальности:

1. Через чувственные восприятия реальность определяется как предметный мир, вещи;
2. Умозрительно реальность видится как единый, текучий поток становления;
3. И в третьем варианте мы можем мыслить о мире получая данные только от органов чувств, и поскольку прямой доступ к объективной реальности невозможен, у человека остается только его субъективная, трансцендентальная реальность.

Итак, проблему представляет то обстоятельство, что данные варианты фундаментальных онтологических убеждений не рефлекслируются в качестве дедуктивных оснований. Исходный пункт онтологии, это не просто точка зрения, не просто то, что определяет направление взгляда, это еще и принцип, который собирает в единство и формирует определенную картину мира. Известно выражение И. Канта относительно этой веры, как о «скандале для философии» [5, с. 36], ввиду необходимости доверять чувствам, и невозможности какого-то их логического доказательства.

Мы постараемся взглянуть на данные паттерны мышления используя интервальный подход. У нас появляется две задачи: 1. провести объективацию стороны субъекта, чтобы увидеть, как формируются фундаментальные убеждения на уровне мышления, и 2. соотнести представленные варианты веры с классификацией авторов интервального подхода.

2. Решение задачи – 1: объективация мышления¹ [6]

2.1 Вопрос объективного основания различий рассудка и разума

Занимаясь моделированием социальных взаимодействий в компьютерной среде, мы пришли к необходимости представления в алгоритмических кодах когнитивных способностей. Мы исходим из того, что мышление как функция высшей нервной деятельности является частью психики, которая, в свою очередь, представляет для нас последовательный результат эволюционного процесса, воплотившегося в уровнях психических потребностей (часть нашей теоретической модели представлена в статье [7]). Таким образом, мышление определяется нами как эволюционная надстройка психики (высший уровень потребностей), социальная программа, функция управления, прогнозирования, планирования, принятия решений, постановки целей для более эффективного выживания в среде. Говоря в терминах современных компьютерных технологий, мышление – это программное обеспечение, носителем которого является мозг. Мыслительная деятельность, даже когда мы думаем о прошлом, всегда направлена в будущее.

Несмотря на общую направленность, уже с древности, с Гераклита, который различал способы мышления («один видит частное, другой целое»), обнаруживаются функциональные различия в уровнях понятийного мышления – рассудка и разума. Разумеется, данные понятия являются спекулятивными, но наша задача состоит в создании виртуальной модели их различий. Нам предстоит ответить на два вопроса: является ли это различие объективным, и если это так, то что лежит в их основе.

О соотношении рассудка и разума размышляли Платон, Аристотель, Н. Кузанский, Дж. Бруно, их функции уточняли И. Кант, И. Г. Фихте, Ф.В.Й. Шеллинг, Г.В.Ф. Гегель, и др. С эпохи Возрождения разум стал считаться более высоким уровнем познания, чем рассудок. Более детально их функциональные различия сформулированы в немецкой классической философии.

Но анализ, сформировавшихся в течении прошлого столетия, взглядов на функциональные различия рассудка и разума, показывает, что какого-то ясного, объективного понимания о деятельности данных уровней мышления до сих пор не достигнуто. «Чаще всего в рассудке усматривают способность мышления, общую для человека и животных. При этом одни говорят о полном (следовательно, метафизическом) преодолении его вместе с отчужденным обществом, другие утверждают о неразрывной «диалектической» связи рассудка с разумом, о постоянном процессе «снятия» их друг другом. Объединяет же эти точки зрения представление о метафизически-механистической сущности рассудка, который является «низшей» ступенью по сравнению с вечно «диалектическим» по своей сути разумом». [8, с. 69].

2.2 Разум и рассудок на основании данных нейробиологии

Стараясь прояснить вопрос об объективных основаниях функциональных различий рассудка и разума, мы решили обратиться к исследованиям нейробиологов в области природы понятийного мышления. К. В. Анохин в своей теории «Мозг и Разум»

---

¹ В основе данного параграфа используются материалы доклада на VII Международном форуме «Cognitive Neuroscience – 2024».

называет разум – гиперсетью или «когнитомом», элементами которой (–ого) являются «коги» – единицы качественно специфического опыта, своеобразные ментальные кванты в совокупной системе когнитума [9, с. 27]. Понятие разум им используется не в строго философском смысле и служит синонимом мышления вообще. Фактически, он говорит о пучках когнитивных связей между нейронами, активность которых и обуславливает наш опыт и в сумме дает нам представления об объектах, т. е. понятия.

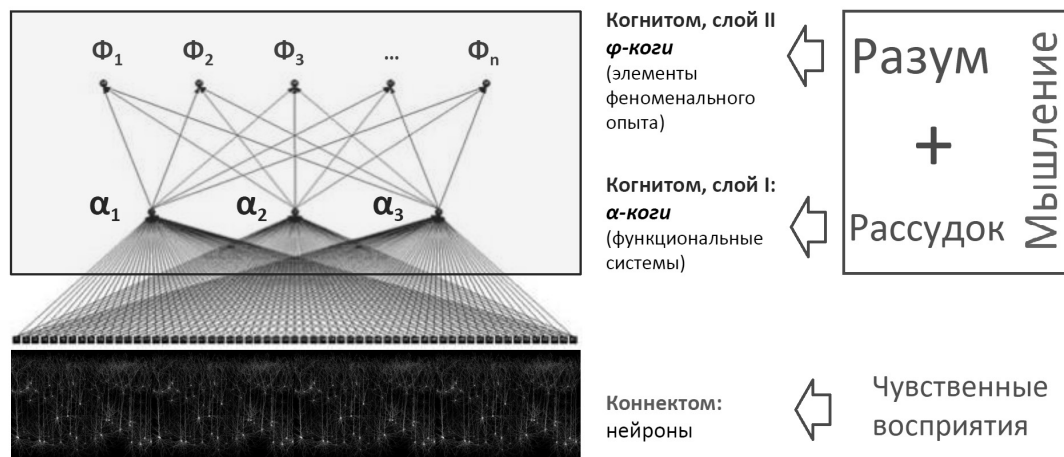

Рисунок 1. Дополненный рисунок из презентации К. В. Анохина [привод. по 10].

В свою очередь, обнаруженные слои когнитума дают нам основания полагать, что возможно именно они фактически определяют функциональные различия рассудочного и разумного мышления. Для моделирования когнитивных процессов важно понимать, что данное различие более не является спекулятивным, а имеет под собой объективную основу. С одной стороны, наличие объективной структуры должно служить детерминантой для мышления и указывать на закономерности его развития. С другой, это означает, что и рассудок, и разум функционируют в пределах одной системы, и развитый разумный стиль мышления вовсе не исключает функции рассудка, но обратное возможно по причине того, что разум, в определенной степени, остается рассудочной надстройкой.

2.3 Источник данных для разума

Возвращаясь к прошлым представлениям, вспомним, что при всем различии взглядов в одном все же Гегель соглашался с Кантом, а именно в том, что мышление на уровне разума никак не связано с внешним источником чувственных данных.

Сегодня есть все основания полагать, что это не так и связь все же есть. Нами выдвигается гипотеза, что понятия разума, которым Кант дает характеристику «априорных» и «синтетических», также, как и рассудочные универсалии, имеют свой источник. Наиболее ранним из таких понятий является «единое». Но в отличие от категорий рассудка, формируемых методом индукции на основе данных органов чувств, источник данных для

разумного уровня мышления не обнаруживает себя в качестве органа. Однако, наличие, хоть и не очевидного, *ощущения порядка (интервальности)* невозможно отрицать. Именно это ощущение лежит в основе не только понятий разума (таких, как единство, порядок, гармония, симметрия, мера, красота), но и ритм, рифма, мелодия создаются благодаря этому чувству. Даже речь, как набор разрозненных звуков, а соответственно, и понятийное мышление, и логика, становятся возможными благодаря ему же. Можно назвать данное ощущение *протомышлением (интуиция)*. Не замечать данное ощущение стало древнейшей традицией начиная с Аристотеля, что противопоставило его метафизику платоновской и, по сути, определило дальнейшую тенденцию всей мировой философии, а за ней и науки.

Возникает вопрос, *что непосредственно в самой реальности является объектом восприятия для данного ощущения порядка?* И здесь мы можем сослаться не только на объективные интервалы реальности, в «интервальном подходе», но и на представителя «новой онтологии», Леви Р. Брайнта, который задается вопросом «доступа к знанию». Суть его позиции сводится к объективному существованию «различий», которые обязательно имеют значение. Рассуждая о природе объектов, Л. Брайнт заключает, что они являются «структурированными различиями», а природа самих различий – это деятельность. Отсюда существование им мыслится в платоновском духе, «как своего рода действие или движение» [11, с. 265].

Итак, взгляды независимых исследователей сходятся на том, что «различия» (интервалы) не просто объективны, они еще определенным образом структурированы (упорядочены), что и позволяет их субъективно абстрагировать, а в процессе компьютерного моделирования реального мышления именно различия или интервалы и становятся объектами кодирования.

2.4 Функции рассудка и разума

С учетом названного источника данных для разумного мышления, рассмотрим более подробно функции рассудка и разума.

Доверие чувственным восприятиям является необходимой функцией для выживания во внешнем мире. Для мыслящего субъекта эта вера становится *критерием существования* или *способом объективации*, которым он, в большинстве случаев не рефлексировав этого, обнаруживает для себя границы жизни и познаваемости мира. Доверие чувствам не только определяет различные онтологические перспективы, мировоззрения и картины мира, а создает изначальный контекст рассмотрения любых вопросов, границы видения, за пределами которых для человека реальности нет. В рассудочном следовании данная вера становится определяющей для его субъект-объектной логики.

Таким образом, материал для рассудка предоставляют чувственные восприятия, которые задают ему направленность и систему координат. По этой причине рассудочное мышление становится образным и функционирует как бы в «трех измерениях».

Функция Рассудка связана с *аналитической* обработкой очевидных результатов чувственных восприятий, обнаружением (конструированием) *причин по следам, т.е. результатам*, созданием *индуктивных обобщений*. Индукция на этом уровне мышления является приоритетным логическим методом.

В ходе выведения причин из следствий и результатов деятельности рассудок сам того не замечая уходит в «прошлое», в ретроспективу. Парадокс заключается в том, что ретроспективно выведенные причины оформляются в фундаментальные понятия, и для последующих поколений становятся незыблемыми истинами, из которых строится уже их причинно-следственная логика. Насколько данные понятия действительно соответствуют реальности, средствами этой же логики проверить невозможно.

Ретроспективный характер рассудка проявляется в любой исследовательской деятельности. К примеру, физика уходит к поиску оснований во взаимодействиях элементарных частиц. На аналогичную проблему в изучении истории обращает внимание В. Е. Кемеров: «На первом плане у нас – результаты, на втором – средства, на третьем – условия и лишь на четвертом – сам процесс деятельности людей. Так формируется «изнаночный» образ истории, ее видение в обратной перспективе, открывающей и высвечивающей деятельность людей через призму ее результатов» [12, с. 39]. Но на пути рассудочного следования абсолютное начало, из которого было бы возможно дедуктивно вывести любые следствия, и, к примеру, подтвердить наличие логической связи между биологической и социальной природой человека, мозгом и сознанием, оказывается недостижимым. Поэтому, дедукция на уровне рассудка также используется, но только для решения частных задач и краткосрочного прогнозирования.

Направление для деятельности разума, как мы считаем, задается на досознательном уровне *ощущением порядка (интервальности)*, (что привычно называют интуицией, без конкретного определения ее объекта). Кроме ощущения порядка, материал для разума предоставляет рассудок в виде общих понятий (универсалий). Усматривая во всем порядок и взаимосвязь вещей в потоке их становления, разум добавляет к рассудочной системе координат четвертое измерение времени. Отсюда вопрос об объективном существовании – *знании чего-то самого по себе (для себя, собственное существование)*, это именно вопрос разума о цели существования познаваемого объекта, а не вопрос на уровне рассудка о существовании объекта для нас (для субъекта). Разум, в противоположность рассудку, *перспективен*, т.е. ориентирован на целеполагание, но зависим от деятельности рассудка. *Функция разума* состоит в поиске *диалектических* связей между рассудочными обобщениями, достижении целостного видения мира, упорядочивании рассудочных понятий, *постановке целей* для создания как можно более далекого *горизонта планирования* деятельности человека и общества. Отсюда приоритетным логическим методом разума становится дедукция, т.е. стремление вывести и подчинить единству и порядку все то множество индуктивных обобщений, предоставляемых рассудком.

В зависимости от того, чему субъект познания отдает приоритет в познавательной деятельности на основе привычки верить (единству мира или множеству доступных чувствам вещей), формируются разумный или рассудочный стили мышления и различные онтологические картины мира.

С позиции рассудка порядок есть лишь априорная форма мыслительной деятельности, инструмент или средство установления правил. Рассудок не способен осознавать его не только как цель, но и как собственную форму. На ранней стадии формирования

рассудочного мышления существование объективного порядка вещей не осознается. Разумным мышление стремится стать в тот момент, когда начинает обращать внимание на неочевидную всеобщую взаимосвязь и единство среди множества различий.

Наиболее яркое проявление противоположных взглядов, основанных на разумном и рассудочном мышлении, обнаруживается уже в античности. С точки зрения «интервального подхода» мы провели сравнение познавательных позиций Платона и Аристотеля [13]. Важнейшим достижением Аристотеля стало создание им системы категорий и формальной логики, т. е. первого и единственного системного способа мышления в языковых понятиях.

Итог рассудочной формальной логики Аристотеля: рационально (в причинно-следственных связях) мыслятся только понятия о чувственно воспринимаемых или представляемых вещах. Все остальное (сами чувства, мышление, разум, сознание, психика, ценности, душа, смысл жизни, отношения между людьми и т. д.) рационально не познается. Между сознанием и телом создается разрыв. Сознание – как самостоятельный центр мышления, чувств, желаний, фактически подменяет собой всего человека. Но потребность объяснения духовного мира людей остается [13, с. 195].

Аристотелевская позиция, как наиболее очевидная, в последующем стала определяющей для естественно-научного познания в опыте, но на ее основе оказалось невозможным познание движущих сил, внутреннего мира человека и любых ненаблюдаемых эмерджентных процессов.

Отказ Платона от чувственного познания вечно становящегося предметного мира, напротив, нами понимается и как отказ от чувственно-рассудочных понятий, что заставляет его опираться исключительно на возможности разума. На наш взгляд, задача Платона была тождественна нашей. Занимая «метаинтервальную» позицию, он также пытался создать модель мира, используя известные на то время научные средства геометрии и математики, и начинал «с чистого листа». В диалогах Теэтет, Софист, Парменид, Филеб и Тимей нами прослеживается системность взглядов Платона, его стремление создать универсальный метод рационального познания становящейся природы и человека [13].

2.5 Позиция антиреализма

Итак, при дискурсе о реальности, с точки зрения доступа к ней с позиций рассудочного и разумного мышления, исторически первыми сформировались две противоположные позиции реализма: либо реальность чувственно познаваема, либо реальность чувственно непознаваема. Впервые такое противоречие возникло еще у Аристотеля и Платона. Реальность для Аристотеля представлял мир вещей, а реальностью для Платона был единый поток становления вещей.

Остается нерассмотренным третий вариант веры называемым в философии антиреализмом. С появлением эмпиризма, скептицизма и позиции Канта мировоззрение философов раскалывается на два лагеря, сторонников возможности доступа к реальности через чувственные восприятия и сторонников полного отсутствия доступа к реальности, т. е. продолжателей идеи Канта. Фактически Кант, отрицая возможность непосредственного доступа к реальности, вынужден был создать иную, субъективную реальность, которая

конструируется каким-то априорным способом. Таким образом, в отсутствие доступа к всеобщей реальности появляется индивидуализированная феноменальная реальность внутреннего мира субъекта, противостоящая объективному миру.

Для естественнонаучного познания в опыте противостояние субъекта и объекта является необходимым теоретическим методом и проблемы не представляет. Но такое же *проникновение со стороны рассудочного следования во внутренний мир человека*, и, соответственно, определение причин социальных взаимодействий путем экспериментальных наблюдений невозможны. Поэтому, для познания человека и общества такая оппозиция означает необходимость объективировать самого субъекта в качестве предмета для рационального познания. Данная цель стояла перед философией на протяжении, как минимум, всего прошедшего столетия. Преодоление данного противостояния диктовалось логикой субъект-субъектных отношений человеческих индивидов, и вначале за пределы идеальных феноменологических представлений в понятиях не выходила (феноменология, герменевтика, структурализм, постструктурализм). Антиреалистическая философия доступ к внутреннему миру субъекта находила в описании языковой деятельности (дискурса) и в наблюдении социальных действий. Итак, можно констатировать, что *предметом для философии этого периода стал не сам человек в единстве души и тела, а его деятельность*.

Однако, в отсутствии иных возможных методов, единственным средством «наук о духе» (по классификации Дильтея) для описания социальной деятельности оставался естественный язык. Однако, созданная Аристотелем модель мышления на основе понятийных связей между сущностями вещей была предназначена для объяснения *причин видимого мира*. Данные категории не подходили для объяснения внутреннего мира человека и социальной реальности.

В результате обнаруживаемых с позиции рассудочного (ретроспективного) антиреализма социальных закономерностей («интервалов абстракций»), создавались новые обобщающие понятия, которые закладывались в основания теорий («интервальных ситуаций»), но данные понятия оказывались взаимно несогласуемыми и не способными охватить все многообразие человеческой жизни.

Возможна ли соизмеримость между знанием о социальной реальности и его выражением путем естественного языка? К примеру, Т. Г. Керимов приходит к выводу об «избыточности социального относительно любых его описаний» [14, с. 124]. Данное заключение им делается из «принципа “недоопределенности” теории эмпирическими данными» [Там же], выдвинутого У.В.О. Куайном. Таким образом, социальная реальность, являясь «гетерогенной» и «контингентной», остается «недоопределенной» теориями, т. е. «избыточной», что говорит об ограниченности любых языковых спекуляций в естественном языке.

2.6 «Новая онтология»

К концу прошлого века, рассудочные представления последователей антиреалистической философии, замкнутые в языковом дискурсе, постепенно трансформировались в сеть понятий и уже следующим шагом в новом тысячелетии стал «спекулятивный поворот» [15], обозначивший новый взгляд на реальность как на сеть функциональных

взаимосвязей не только людей, но и вообще любых существ и вещей. «Новая онтология» как взгляд на реальность через призму сетевых предметных связей преодолевает не только родовидовую формальную логику, но и любые постмодернистские языковые дискурсы.

Однако, взгляды представителей «новой онтологии» также оказываются зависимы от направлений рассудочного и разумного следования. В результате, между сторонниками видеть реальность как сеть предметных взаимодействий возникают ожесточенные споры.

Яркими представителями рассудочного направления оказываются автор Акторно-Сетевой Теории, Бруно Латур, и создатель «объектно-ориентированной онтологии», Грем Харман. Они предлагают путем наблюдения за акторами (вещами) и «пересборки» связей между ними определить, что такое социальное, что есть общество, какова социальная структура, социальный порядок [16]. Г. Харман считает, что доступ к объектам невозможен без чувственного восприятия – чувственной интенции [17]. В результате, *поле зрения данных исследователей ограничивается словесным описанием локальных, наблюдаемых связей вещей, которое не может объяснить причины этих взаимодействий.*

Поэтому не вызывает удивления критика Г. Хармана в адрес коллег (Иен Гамильтон Грант и Мануэль Деланда), занимающих аналогичную Платону разумную позицию «становления». Г. Харман искренне не понимает их взгляда на реальность, спрашивая: «почему генетическому процессу должен быть отдан приоритет перед полностью сформировавшимися индивидами» [18, с. 12].

Как уже было сказано, И. Г. Грант и М. ДеЛанда являются не менее яркими продолжателями позиции платоновского «становления». И. Г. Грант уточняет, что для рассмотрения любого объекта необходимо учитывать «условия, от которых зависит его существование». Они «не принадлежат этому объекту – это не “его” условия, а условия, которые его делают возможным» [19, с. 43]. Причем, это такие условия, которые всегда находятся в становлении, в ненаблюдаемых «скачках» или, как у Уайтхеда, «переходах» [20] от стадии к стадии.

М. ДеЛанда идет еще дальше своего коллеги И. Г. Гранта и ищет методы, как познавать те самые ненаблюдаемые эмерджентные «переходы» – условия системных связей. Наблюдаемая – «линейная» причинность давно изучается естественными науками путем экспериментальных методов, однако ненаблюдаемая – «эмерджентная» причинность сегодня представляет проблему не только для естественных наук [21], но и для социально-гуманитарных. Новое эмерджентное свойство целого «порождается причинными взаимодействиями между его составными частями. Т.е. взаимодействия, в которых части проявляют свою способность воздействовать и подвергаться воздействию, составляют механизм возникновения свойств целого» [22, с. 385]. Объяснение, прямо в духе платоновского Теэтета, но без ссылок на Платона, должно учитывать «не только способность сущности воздействовать, но и ее способность подвергаться воздействию» [22, с. 384].

Вариантов таких взаимодействий возможно великое множество, однако их результат, «во многом является продуктом истории процесса», который, по мнению М. ДеЛанда, невозможно вывести из отдельного уравнения. С большим воодушевлением мы обнаруживаем у М. ДеЛанда, что «один из способов подойти к изучению структуры этих более

сложных пространств возможностей – выйти за рамки математических моделей и перейти к компьютерному моделированию» [22, с. 391]. Компьютерные модели позволяют, не отказываясь от физикализма, использовать целые совокупности уравнений и таким способом установить междисциплинарные связи между естественными и социально-гуманитарными науками.

Рассмотренные функциональные особенности уровней мышления актуальны для моделирования интеллектуальных процессов («сильного ИИ») в виртуальной среде, что позволит в перспективе получить доступ к созданию моделей социальных взаимодействий.

3. Решение задачи – 2: попытка формализации позиций наблюдателей

3.1 MDA-framework

Для формализации уровней рефлексии воспользуемся инструментом геймдизайнеров – «MDA-framework» [23]. В контексте настоящей статьи данный инструмент удачно иллюстрирует онтологические позиции и гносеологическую направленность взглядов рассудочного и разумного следований, обнаруживаемые в качестве различных фундаментальных убеждений (интервальных ситуаций). То, на что направлены взгляды субъектов – интервальная структура реальности – представлена схемой MDA. Данная схема позволяет проследить *зависимость субъективных позиций от объективных интервалов*.

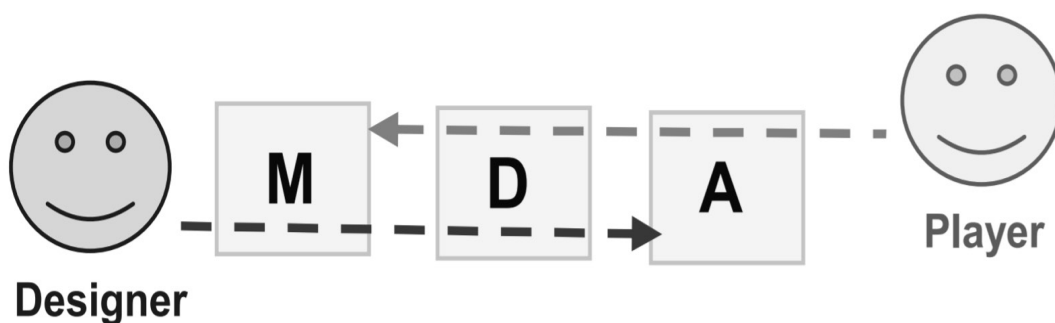

Рисунок 2. MDA-framework [привод. по 23].

«Механика» – это правила игры, алгоритмы действий, которые прописываются программными кодами. На примере шахмат, механика – это пространственные характеристики (размеры и структура игрового поля), правила перемещения фигур, их статус (правила взаимодействия с другими фигурами), правила победы/поражения. Как видим, механика – это еще не само движение, а только его условия, алгоритмы или интервалы.

Движение начинается на уровне «Динамики», когда игра начинается/запускается. В этом режиме происходит взаимодействие механик (правил), но это может «видеть» только создатель игры. Причем, даже сам создатель не может знать, предвидеть заранее, какие взаимодействия и позиции будут возникать из первичных условий. А со стороны игрока это выглядит как завораживающий, ничем не регулируемый или управляемый «свыше» поток.

«Эстетика» – это все ощущения и переживания игрока от процесса, в который он погружен. Важно отметить, что *взгляд игрока, живущего в своих ощущениях, не проникает глубже уровня «Динамики»*. Динамика со стороны эмпирии (рассудочный взгляд игрока) воспринимается совсем не так, как со стороны механик (разумный взгляд дизайнера). Здесь это движение видимых объектов в пространстве, а не взаимодействие механик. Именно через поведение объектов игрок старается разгадать и обнаружить законы/причины их движений.

На мой взгляд, не существует разницы в алгоритмах (интервалах), которыми создается виртуальная реальность, и алгоритмах взаимодействий в физической реальности. Принципиальным здесь является направленность взглядов игрока и дизайнера.

3.2 Применение «MDA-framework» к моделированию позиций субъектов

Транслируя схему MDA на социальную реальность, получаем: *Механика* – это природные эволюционные алгоритмы (эмерджентные взаимодействия) и языковые способы кодирования мозга; *Динамика* – любые наблюдаемые движения и социальные связи (линейные взаимодействия), включая языковые практики; *Эстетика* – уровень эмпирии, субъективных ощущений и переживаний.

Как показал текущий обзор «новых онтологий», метод, позволяющий занять «мета-интервальную» позицию, наметился через сборку и конструирование условий взаимодействий (интервалов). Но на этом пути обнаруживается двойная трудность, связанная с *выбором элементов и языка конструирования*.

Схема MDA позволяет увидеть варианты данного выбора.

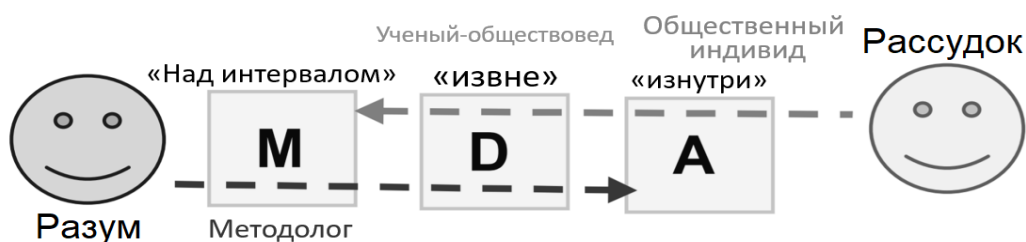

Рисунок 3. Интегрированная схема MDA и классификации субъективных позиций в «интервальном подходе».

Акцент наблюдателя может быть сосредоточен на одном из этих блоков MDA. Каждый из них соотносим с интервалами познавательных ситуаций: М – «над интервалом», D – «извне» интервала, А – «изнутри» интервала.

1. На наш взгляд, позиция «изнутри» (акцент на эмпирии со стороны рассудка) может быть характерна не только общественному индивиду, но и специалистам естественных наук. Если «вопрос доступа» к наблюдаемым в реальности объектам получает положительный ответ, то это именно тот случай. Далее позитивистская логика подсказывает, исходя из существования эмпирических объектов, поставить вопрос о причинах их движения. Причем, наблюдаемость позволяет ставить вопрос лишь о т. н. «линейной» причинности (кроме химии).

В зависимости от своего предмета естественные и общественные науки здесь расходятся. Исходя из наблюдаемой причинности «наукам о природе» легче удастся перейти на язык математических формул. Динамика социальных связей ученому-естественнику в качестве предмета не интересна, потому что она не формализуема. По этой причине, взгляд такого специалиста на социальную реальность может не сильно отличаться от взгляда обывателя «изнутри» интервала.

2. Взгляд ученого-обществоведа, ограниченный *существованием реальных объектов*, идет также со стороны рассудочного следования, но проходит дальше до блока «Динамика». Его внимание «извне» обыденности сосредоточено на *наблюдаемой динамике* социальных взаимодействий. Признание существования социальной динамики еще не означает доступность ее познания, но независимо от ответа на «вопрос доступа», направленность рассудка на предмет общественных наук требует ухода от физикализма к языковым практикам. Кроме языка «дающего названия вещам» и формальной логики другого инструмента описания социальной реальности на этой позиции просто нет. Все многообразие социологических, психологических и философских взглядов на человека и общество, и с доступом, и без доступа к реальности, рассыпаются на причудливый, но все равно не полный калейдоскопический узор не согласующихся между собой описаний. За направленностью рассудочного взгляда, по сути, скрывается *вопрос о причине движения объектов*. Если первоначально объективируется предметный мир, то такая постановка вопроса выглядит вполне логичной.

3. Методолог, единственный, кто смотрит со стороны дизайнера «над интервалом» сквозь *механику инвариантных условий* на динамику социальных связей. На наш взгляд, и Л. Брайант, и М. ДеЛанда, заявляя о возможности создания реальности различий (интервалов) в виртуальном пространстве компьютера, занимают позицию методолога. Данный ракурс требует отказаться от естественного языка и перейти на технический.

На современном этапе «новой онтологии» задача философа, по всей видимости, состоит в переносе реальных различий (интервалов) в механику кодов. Под его «прицелом» оказываются инвариантные условия – правила предметных взаимодействий. Отвечая на вопрос «какова онтологическая “система координат”, в соответствии с которой определяются “единицы” социального анализа? Существует ли вообще такая “система координат”?» [14, с. 119], на наш взгляд, методолог ответит: если учитывать время и момент становления не вещей, а самой этой сети, тогда она перестает быть локальной. Для этого необходимо брать в расчет уровни сборки сети, поскольку ей предшествует другая сеть. Каждая новая вещь, каждый новый объект, новая книга вносят новые связи и сеть уже необратимо меняется. Между уровнями сети прослеживается эмерджентная причинность, и социальный анализ, по нашему мнению, необходимо начинать с уровня организации человеческих потребностей, представляя их в виде эмерджентных элементов алгоритмической системы психики [7]. Собственно, это и будут порождающие механизмы или правила взаимодействия на уровне индивидов, которые при взгляде со стороны «механики инвариантных условий» выглядят как неподвижные и покоящиеся константы.

И если уж вести речь о создании онтологии множественности как социальности, то придется создавать сами социальные связи. Соответственно необходимо, чтобы это виртуальное общество породило и те же проблемы, актуальные для реального общества. Как нам видится, это, не в последнюю очередь, создание динамики изменений самой философской мысли, рождение понимания или даже скорее непонимания человеком самого себя. Это будет моделированием условий социальных проблем, как они вообще становятся возможны. Именно создание моделей социальных проблем, это и есть, на наш взгляд, становление множественности, которую она достигает в своем социальном пределе.

Список литературы

1. Новоселов М. М. Логика абстракций (методологический анализ). Часть 1. М.: ИФРАН, 2000.
2. Лазарев Ф. В. Понятие относительности знания в интервальной эпистемологии // Культура народов Причерноморья. Симферополь, 2003, № 43. С. 270-276.
3. Лазарев Ф. В. Интервальная методология: логики становления, базовые концепты и методы // Ученые записки Крымского фед. у-та им. В. И. Вернадского. Философия. Политология. Культурология. Том 2 (68). 2016. № 3. С. 136-149.
4. Лазарев Ф. В. Вопросы методологии социально-гуманитарных наук: современный контекст // Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. Социология. Педагогика. Психология. Том 1 (67). 2015. № 4. С. 13-28.
5. Кант И. Собрание сочинений: В 8 т.: Юбилейное издание 1794-1994 гг. Т. 3. Критика чистого разума /Под общей ред. А. В. Гулыги. М.: ЧОРО, 1994.
6. Абдрафиков Р. Р. Уточнение функциональных особенностей разумного и рассудочно-го мышления на основании данных нейробиологии [запись доклада] // VII Международный форум «Cognitive Neuroscience – 2024», Екатеринбург, 2024. URL: <https://bbb-claster.urfu.ru/playback/presentation/2.3/e598169d4964ce55b4c5913066817a97bcc00333-1734080017014> (дата обращения: 20.05.2025).
7. Абдрафиков Р. Р. Модель нравственных оснований в природе человека // Koіnon. 2024. Т. 4. № 1-2. С. 18-38.
8. Булычев И. И. Разум и рассудок: новый взгляд на старую проблему // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки, № 3, 1999. С. 64-70.
9. Анохин К. В. Когнитом: в поисках общей теории когнитивной науки // Шестая конференция по когнитивной науке: «Калининград 2014» / Экспериментальная психология. 2014. Том 7. № 4. С. 26-28.
10. Анохин К. В. Когнитом – гиперсетевая модель мозга. URL: https://scorcher.ru/neuro/anohin_cognitom/Anokhin2015.pdf (дата обращения: 20.05.2025).
11. Bryant L. R. The Ontic Principle: Outline of an Object-Oriented Ontology. // The speculative turn: continental materialism and realism, edited by Levi Bryant, Nick Srnicek and Graham Harman. re.press Melbourne, 2011.
12. Кемеров В. Е. Социальная философия: учебник для вузов. М.; Екатеринбург: Академический Проект: Деловая книга, 2004.

13. Абдрафиков Р. Р. Непонятый рационализм Платона – интервальный подход: Платон vs Аристотель // XXXII науч. конф. «Универсум Платоновской мысли». Тезисы докл. Санкт-Петербург, 20-21 июня 2024 г. СПб.: «Платоновское философское общество»; Изд-во РХГА, 2024. С. 195-200.
14. Керимов Т. Х. «Онтологический поворот» в социальных науках: возвращение эпистемологии // Социологическое обозрение. 2022. Том 21. № 1. С. 109-130.
15. The speculative turn. The speculative turn: continental materialism and realism, edited by Levi Bryant, Nick Srnicek and Graham Harman. re.press Melbourne, 2011.
16. Латур Б. Пересборка социального: введение в акторно-сетевую теорию / Пер. с англ. И. Полонской. М.: ВШЭ, 2014. – 384 с.
17. Харман Г. О замещающей причинности, пер. с англ. А. Маркова, Изд-во «Новое литературное обозрение», 2007.
18. Харман Г. Сети и ассамбляжи: возрождение вещей у Латура и Деланда // Логос. 2017. Том 27. № 3. С. 1-34.
19. Grant I. H. Mining Conditions: A Response to Harman. // The speculative turn: continental materialism and realism, edited by Levi Bryant, Nick Srnicek and Graham Harman. re.press Melbourne, 2011.
20. Уайтхед А. Н. Философия процесса // Избранные работы по философии / общ. ред. и вступ. ст. М. А. Кисселя. М.: Прогресс, 1990.
21. Rovelli C. Physics needs philosophy. Philosophy needs physics // Foundations of Physics. 2018. Vol. 48. № 5. С. 481-491.
22. DeLanda M. Emergence, Causality and Realism. // The speculative turn: continental materialism and realism, edited by Levi Bryant, Nick Srnicek and Graham Harman. re.press Melbourne, 2011.
23. Hunicke R., LeBlanc M., Zubek R. MDA: A Formal Approach to Game Design and Game Research. 2004. URL: <https://users.cs.northwestern.edu/~hunicke/pubs/MDA.pdf> (дата обращения: 20.02.2025).

Сведения об авторе

Абдрафиков Руслан Рафилевич – преподаватель, преподаватель-исследователь, АНО ПО Уральский Колледж Экономики и Права.

E-mail: abdrafikov.ru@yandex.ru

Abdrafikov R. R.

FORMALIZATION OF ONTOLOGICAL POSITIONS OF OBSERVERS IN SOCIAL AND HUMANITARIAN KNOWLEDGE

Abstract: *The question of fundamental differences in the ontological views of subjects who define “what social reality is” in different ways arises in connection with the task of creating a computer model of social interactions. Reproduction of human subjectivity in a virtual*

environment requires a rational representation of the deepest metaphysical foundations. The “interval approach” is used as a basic method. The following tasks are solved to achieve this goal: 1. Based on neurobiological data, the functional features of reason and intellect and their role in the direction of subjects’ views are clarified. The views of Plato and Aristotle, as well as representatives of the “new ontology”, are used as examples. 2. A combination of the classification of observers in the “interval approach” with a computer science tool is carried out. The result of the work is a model that explains the choice of elements and the language of constructing social reality.

Keywords: ontology, observer’s position, “interval approach”, “speculative turn”, MDA-framework.

References

1. Novoselov M. M. Logika abstraktsiy (metodologicheskii analiz). Chast’ 1 [Logic of Abstractions (Methodological Analysis). Part 1]. Moscow: IFRAS, 2000.
2. Lazarev F. V. Ponyatiye otnositel’nosti znaniya v interval’noy epistemologii [The Concept of Relativity of Knowledge in Interval Epistemology] // Kul’tura narodov Prichernomor’ya. Simferopol’, 2003, № 43. P. 270-276.
3. Lazarev F. V. Interval’naya metodologiya: logiki stanovleniya, bazovyye kontsepty i metody [Interval Methodology: Logics of Formation, Basic Concepts and Methods] // Uchenyye zapiski Krymskogo fed. u-ta im. V. I. Vernadskogo, Filosofiya. Politologiya. Kul’turologiya. Vol. 2 (68). 2016. № 3. P. 136-149.
4. Lazarev F. V. Voprosy metodologii sotsial’no-gumanitarnykh nauk: sovremennyy kontekst [Methodology Issues of Social and Humanitarian Sciences: Modern Context] // Uchenyye zapiski Krymskogo federal’nogo universiteta imeni V. I. Vernadskogo. Sotsiologiya. Pedagogika. Psikhologiya. Vol. 1 (67). 2015. № 4. P. 13-28.
5. Kant I. Sobraniye sochineniy: V 8 t.: Yubileynoye izdaniye 1794-1994. T. 3. Kritika chistogo razuma [Collected Works: In 8 volumes: Anniversary edition 1794-1994. Vol. 3. Critique of Pure Reason] / Under the general editorship of A. V. Gulyga. Moscow: CHORO, 1994.
6. Abdrafikov R. R. Utochneniye funktsional’nykh osobennostey razumnogo i rassudoch’nogo myshleniya na osnovanii dannykh neyrobiologii (zapis’ doklada) (Clarification of the functional characteristics of rational and rational thinking based on neurobiological data [report recording]) // VII Mezhdunarodnyy forum «Cognitive Neuroscience – 2024», Yekaterinburg, 2024. Available at: <https://bbbclaster.urfu.ru/playback/presentation/2.3/e598169d4964ce55b4c5913066817a97bcc00333-1734080017014> (accessed 20 May 2025).
7. Abdrafikov R. R. Model’ nraavstvennykh osnovaniy v prirode cheloveka [Model of Moral Foundations in Human Nature] // Koinon. 2024. V. 4. № 1-2. P. 18-38.
8. Bulychev I. I. Razum i rassudok: novyy vzglyad na staruyu problem [Reason and Understanding: a New Look at an Old Problem] // Vestnik Tambovskogo universiteta. Seriya: Gumanitarnyye nauki, № 3, 1999. P. 64-70.
9. Anokhin K. V. Kognitom: v poiskakh obshchey teorii kognitivnoy nauki [Cognitome: in

Search of a General Theory of Cognitive Science] // Shestaya konferentsiya po kognitivnoy nauke: «Kaliningrad 2014» / Eksperimental'naya psikhologiya. 2014. Vol. 7. № 4. P. 26-28.

10. Anokhin K. V. Kognitom – gipersetevaya model' mozga (Cognitome – a hypernetwork model of the brain). Available at: https://scorcher.ru/neuro/anohin_cognitom/Anokhin2015.pdf (accessed 20 May 2025).

11. Bryant L. R. The Ontic Principle: Outline of an Object-Oriented Ontology. // The speculative turn: continental materialism and realism, edited by Levi Bryant, Nick Srnicek and Graham Harman. re.press Melbourne, 2011.

12. Kemerov V. Ye. Sotsial'naya filosofiya: uchebnik dlya vuzov [Social Philosophy: a Textbook for Universities]. Moscow: Yekaterinburg: Akademicheskii Proyekt: Delovaya kniga, 2004.

13. Abdrafikov R. R. Neponyatyy ratsionalizm Platona – interval'nyy podkhod: Platon vs Aristotel' [Misunderstood Rationalism of Plato – Interval Approach: Plato vs Aristotle] // XXXII nauch. konf. «Universum Platonovskoy mysli». Tezisy dokl. Sankt-Peterburg, 20-21 iyunya 2024 g. SPb.: «Platonovskoye filosofskoye obshchestvo»; Izd-vo RKHGA, 2024. P. 195-200.

14. Kerimov T. Kh. «Ontologicheskii povorot» v sotsial'nykh naukakh: vozvrashcheniye epistemologii [“The Ontological Turn” in the Social Sciences: The Return of Epistemology] // Sotsiologicheskoye obozreniye. 2022. Vol. 21. № 1. P. 109-130.

15. The Speculative Turn: Continental Materialism and Realism, edited by Levi Bryant, Nick Srnicek and Graham Harman. re.press Melbourne, 2011.

16. Latur B. Peresborka sotsial'nogo: vvedeniye v aktorno-setevuyu teoriyu [Reassembling the Social: Introduction to Actor-Network Theory] / trans by Engl. I. Polonskoy. Moscow: VSHE, 2014.

17. Harman G. O zameshchayushchey prichinnosti [On Substitute Causality] / trans by Engl. A. Markova, Izd-vo «Novoye literaturnoye obozreniye», 2007.

18. Harman G. Seti i assamblyazhi: vozrozhdeniye veshchey u Latura i Delanda [Networks and Assemblages: The Revival of Things in Latour and DeLanda] // Logos. 2017. Vol. 27. № 3. P. 1-34.

19. Grant I. H. Mining Conditions: A Response to Harman // The speculative turn: continental materialism and realism, edited by Levi Bryant, Nick Srnicek and Graham Harman. re.press Melbourne, 2011.

20. Whitehead A. N. Filosofiya protsessa [Philosophy of Process] // Izbrannyye raboty po filosofii / obshch. red. i vstup. st. M. A. Kisselya. Moscow: Progress, 1990.

21. Rovelli C. Physics needs philosophy. Philosophy needs physics // Foundations of Physics. 2018. Vol. 48. № 5. P. 481-491.

22. DeLanda M. Emergence, Causality and Realism. // The speculative turn: continental materialism and realism, edited by Levi Bryant, Nick Srnicek and Graham Harman. re.press Melbourne, 2011.

23. Hunicke R., LeBlanc M., Zubek R. MDA: A Formal Approach to Game Design and Game Research. 2004. Available at: <https://users.cs.northwestern.edu/~hunicke/pubs/MDA.pdf> (accessed 20 February 2025).

Abdrafikov Ruslan R. – lecturer, lecturer-researcher, ANO PE Ural College of Economics and Law.

E-mail: abdrafikov.ru@yandex.ru

УДК 124.3+575.8

DOI: 10.29039/2413-1695-2025-11-4-51-70

**ОТ АЛЬФЫ К ОМЕГЕ: ЗАКОНЫ СЛОЖНОСТИ-СОЗНАНИЯ И
РЕКУРРЕНЦИИ П. Т. ДЕ ШАРДЕНА В КОНТЕКСТЕ
ЗЕРКАЛЬНО-СИММЕТРИЧНОЙ СХЕМЫ ДИЭРЕЗИСА
ЧАСТЬ 1**

Зудилина Н. В.

Аннотация: В статье рассмотрены законы сложности-сознания и рекуррентности П. Т. де Шардена в контексте зеркально-симметричной схемы диэрезиса, отображающей великий цикл развития от Точки Альфа до Точки Омега. Согласно Пьеру Тейяру де Шардену, «ткань универсума» имеет две стороны: внутреннюю и внешнюю. Внутреннее – это духовное, психическое, ментальное сознательное, качественное, свободное, а внешнее – материальное, телесное, количественное, детерминированное. В контексте схемы диэрезиса, внутреннее понимается как интенсивное, а внешнее как экстенсивное. Шарден формулирует закон сложности сознания следующим образом: сознание тем совершеннее, чем более сложное и лучше организованное материальное строение оно сопровождает. Мы интерпретируем связь, постулируемую законом сложности-сознания, как причинно-следственную связь: усложнение материи является следствием (или функцией) роста сознания. Развитие по закону рекуррентности не прямолинейно, а спирально: великий цикл развития от Альфы до Омеги может быть отображён как сферическая спираль, восходящая вокруг вертикальной оси. Витки сферической спирали – это малые циклы развития: этапы геогенеза, биогенеза, психогенеза, ноогенеза. Великий цикл и малые циклы развития Вселенной можно рассматривать как лежащие в ортогональных плоскостях. Рекуррентное развитие означает, что на каждом витке сохраняется прежнее и добавляется новое. Закон сложности-сознания и закон рекуррентности связаны: на основе закона рекуррентности реализуется закон сложности-сознания. Рекуррентное развитие осуществляется через дискретные этапы, каждый из которых завершается критической точкой, в которой сложность и сознание скачкообразно возрастают. Для отображения великого цикла развития, происходящего по законам рекуррентности и сложности-сознания, применена зеркально-симметричная схема диэрезиса в первичной перспективе. На этапе геогенеза эволюция внутреннего (I) вызывает эволюцию внешнего, т.е. увеличение размера материи (0). Критическая точка перехода от геогенеза к биогенезу – возникновение жизни. На этапе биогенеза дальнейшая интериоризация внутреннего (II) вызывает усложнение организации материи (0I), а экспансия внутреннего вширь (10) вызывает ассоциацию материи в агрегаты, тела (00). Критическая точка перехода от биогенеза к психогенезу – возникновение рефлексии. На этапе психогенеза центрация сознания (II) вызывает свёртывание материальной сложности (0I), а объединение мира (10) вызывает социализацию (00). Критическая

точка при переходе от психогенеза к ноогенезу – возникновение ноосферы. На этапе ноогенеза инволюция сознания путём слияния умов в ноосфере (1) вызывает инволюцию материи путём слияния социума в массу (0). Критическая точка – возникновение Сверхличного, слияние с Омегой.

Ключевые слова: развитие, сознание, материя, закон сложности-сознания, закон рекуррентности, диэрезис, зеркально-симметричная схема диэрезиса, фрактал, интенсивное, экстенсивное, точка Альфа, точка Омега, эволюция, инволюция, Пьер Тейяр де Шарден.

Введение

Возможные виды взаимосвязи развития материи и сознания – это сегодня одна из ключевых проблем в науке и философии. Одной из наиболее последовательных попыток рассмотреть развитие сознания и материи, в их взаимосвязи, как единый космический процесс, является концепция Пьера Тейяра де Шардена. Согласно Шардену, у «ткани» универсума есть две стороны – внутренняя (сознание) и внешняя (материя). Мыслитель формулирует два закона: 1) закон сложности-сознания, выражающий сопряжённость развития внутренней и внешней сторон, и 2) закон рекуррентности, на основе которого реализуется закон сложности-сознания. Развитие Вселенной – это не случайный, а *направленный* процесс, восходящий от изначального состояния (точки Альфа) к высшему синтезу (точке Омега).

Данная статья является первой частью диптиха, рассматривающего законы сложности-сознания и рекуррентности Пьера Тейяра де Шардена в контексте зеркально-симметричной схемы диэрезиса. Первая часть завершается представлением этой зеркально-симметричной схемы диэрезиса, отображающей реализацию законов сложности-сознания и рекуррентности в их взаимосвязи. Во второй статье, на основе идей Шардена, будут рассмотрены пары аспектов, сопряжённых по закону сложности-сознания, с учётом рекуррентного развития этапов от Точки Альфа к Точке Омега.

Целью данной статьи является рассмотрение, в контексте зеркально-симметричной схемы диэрезиса, фрактальной и рекуррентной структуры аспектов реализации законов сложности-сознания и рекуррентности, на всех этапах великого цикла от Точки Альфа до Точки Омега.

В подразделе 1.1 исследован закон сложности-сознания и его возможные интерпретации. В подразделе 1.2 рассмотрен закон рекуррентности и выявлена его связь с законом сложности-сознания. В подразделе 2.1 представлена общая схема диэрезиса в первичной и вторичной перспективах как способы отображения законов сложности-сознания и рекуррентности. В подразделе 2.2 зеркально-симметричная схема диэрезиса в первичной перспективе применяется для отображения реализации законов сложности-сознания и рекуррентности на эволюционном и инволюционном этапах великого цикла.

1. Законы сложности-сознания и рекурренции в формулировках П.Т. де Шардена и их возможные интерпретации

1.1. Закон сложности-сознания и его возможные интерпретации

В эссе «Феномен человека» Пьер Тейяр де Шарден пишет: «...у вещей имеется не только внешнее, но и сопротяженное ему, нечто внутреннее» [1, с. 161]. Он называет внешнее и внутреннее двумя «листами», или «слоями» (*feuillet*), универсума, и связывает «...не только по положению (точка в точку), но и... по развитию две стороны мира – внешнюю и внутреннюю» [1, с. 165] [...*non plus seulement en position (point par point), mais encore, ...dans le mouvement, les deux feuillets externe et interne du Monde.*] [2, p. 57]. Иными словами, любой элемент универсума в каждой точке пространства и в каждый момент времени проявляется в этих двух аспектах – внутреннем и внешнем.

Шарден пытается преодолеть дуализм, утверждая, что «...материальная и духовная энергия *чем-то* связаны между собой и продолжают друг друга. В самой основе *каким-то* образом должна существовать и действовать в мире единая энергия» [1, с. 169]. Он прибегает к особому рода панпсихизму¹ или «полевому монизму» (энергетизму), называя в качестве такой единой энергии психическую (ментальную) энергию: «...по существу всякая энергия имеет психическую природу» [1, с. 170]. Однако монизм Шардена – особого толка, потому что он утверждает, что два «лика» (*faces*) этого единого несводимы друг к другу: «...детерминированные извне и “свободные” изнутри предметы обладают двумя несводимыми друг к другу и несоизмеримыми сторонами...»² [1, с. 163] [*Déterminés au dehors, et « libres » au dedans, les objets seraient-ils par leurs deux faces, irréductibles et incommensurables...*] [2, p. 54].

Тем не менее, поскольку внутреннее и внешнее имеют один источник, а значит, связаны друг с другом, Шарден выводит закон сложности-сознания (франц. *la loi de complexité-conscience*), формулируемый следующим образом: «...концентрация сознания изменяется обратно пропорционально простоте материального соединения, которое оно сопровождает. Или, иначе, сознание тем совершеннее, чем более сложное и лучше организованное материальное строение оно сопровождает» [1, с. 165] [*La concentration d'une conscience, ...varie en raison inverse de la simplicité du composé matériel qu'elle double. Ou encore : une conscience est d'autant plus achevée qu'elle double un édifice matériel plus riche et mieux organisé.*] [2, p. 57].

---

1 В частности, Шарден приводит высказывание английского биохимика Дж.Б.С. Холдейна: «Мы не находим в том, что мы называем материей, никакого очевидного следа ни мысли, ни жизни. ...И потому эти свойства мы изучаем преимущественно там, где они обнаруживаются с наибольшей очевидностью. Но если современные перспективы науки верны, то следует ожидать, что они будут в конце концов обнаружены, по крайней мере в рудиментарной форме, во всей Вселенной» [1, с. 162].

2 В конце данного предложения стоит вопросительный знак, но это вопрос риторический, ибо Шарден уже дал утвердительный ответ: в разных сферах опыта (физической, химической, биологической, психической) то одна, то другая сторона (то внутренняя, то внешняя) выходит на первый план, и делает незаметной вторую сторону. В действительности же, по его мнению, обе стороны – внутренняя и внешняя – присутствуют всегда. Тем не менее, мы полагаем, что о несводимости этих двух сторон Шарден пишет только применительно к периоду между Точкой Альфа и Точкой Омега, и поэтому эта несводимость не является абсолютной.

Действительно, связь сознания и сложности материи, подтверждается современными научными исследованиями: материя человеческого мозга (которая является фрактальной, масштабно-инвариантной системой и по своей структуре, и по динамике) рассматривается учёными как один из самых сложноорганизованных (наряду с мозгом дельфина и других высших млекопитающих) типов материи во Вселенной, и эта сложность коррелирует с соответствующим уровнем развития сознания, присущим виду *Homo sapiens* (одним из наивысших среди земных существ).

Шарден называет закон сложности-сознания «качественным законом развития», способным «...объяснить при переходе от одной сферы к другой вначале невидимое состояние, затем появление и постепенное преобладание внутреннего вещей над их внешним» [1, с. 166]. Французский мыслитель называет эти аспекты мира двумя «лика́ми» (*face*) Вселенной: внутренняя сторона есть «...сознательная...сторона. Она с необходимостью везде дублирует “материальную”, внешнюю сторону...» [1, с. 163] [...*face interne consciente qui double nécessairement, partout, la face externe, « matérielle »...*] [2, p. 55].

Шарден систематически применяет метод выделения во внутреннем и внешнем качественных и количественных аспектов (что согласуется с методом диэрезиса, о чём речь пойдёт далее). Однако в целом, как и многие другие мыслители (например, Аристотель, Фома Аквинский), Шарден связывает внутреннее, прежде всего, с качеством, а внешнее – с количеством. Так, например, он размышляет, «...по каким качественным законам изменяется и нарастает в своих проявлениях то, что мы называли внутренним вещей» [1, с. 163] [...*suivant quelles lois qualitatives varie et grandit, dans ses manifestations, ce que nous venons d'appeler le Dedans des Choses.*] [2, p. 54], или поясняет, что эволюция материи происходит «...по определенным количественным правилам» [1, с. 155].

Итак, согласно Шардену, *внутреннее* – это духовное, психическое, ментальное сознательное, качественное, свободное, а *внешнее* – материальное, телесное, количественное, детерминированное. В контексте схемы диэрезиса, рассматриваемой далее, *внутреннее* есть также интенсивное (направленное вглубь путём деления), а *внешнее* есть экстенсивное (направленное вширь путём сложения).

Связь сознания (внутреннего) и сложности материи (внешнего), постулируемую законом сложности-сознания, можно трактовать, как минимум, тремя способами, из которых сам Шарден придерживался первых двух. Рассмотрим их.

Способ 1 (корреляция): связь сознания и материи интерпретируется как (всего лишь) сопряжение, корреляция, соответствие, не подразумевающее причинно-следственной связи двух сторон «ткани универсума». Шарден часто прибегает к этому менее обязывающему способу в своих формулировках закона сложности-сознания. Например, он пишет о *сопряжённости* материального и духовного фокусов у любого существа: «...каждое существо построено (в феноменальном плане) подобно эллипсу вокруг двух сопряженных (*conjugués*³) фокусов – фокуса материальной организации и фокуса психической сосредоточенности; при этом оба фокуса изменяются согласованно, в одном и том же направлении» [1, с. 166]. Или говорит о *соответствии*: «...более развитому

3 См. Le Phénomène Humain [2, p. 57].

сознанию всегда будет соответствовать (*correspondera*⁴) более содержательный и лучше устроенный остов» [1, с. 165]. Или, например, о корреляции: «...это специфическое свертывание “сложности” (*enroulement de «complexite»*), как показывает опыт, связано с соответствующим увеличением (*augmentation correlative*⁵) внутренней сосредоточенности (интерьеризации), то есть психики (*psyche*) или сознания» [1, с. 408].

Способ 2 (причинно-следственная связь в материалистической трактовке): связь сознания и материи интерпретируется материалистически, как причинно-следственная связь, в которой изменение сознания является следствием (или функцией) изменения материи. Этот способ также используется Шарденом. По сути, с позиции материализма, он пишет о повышении «...Сознания во Вселенной как функции сложности...» [3, р. 169]. Поскольку значение функции – это величина, которая зависит от другой величины, развитие сознания (в масштабах Вселенной, а не только на индивидуальном уровне) зависит, по мнению Шардена, от развития материи, обусловлено им. Аналогичным образом, в «Феномене человека» Шарден утверждает, что «Радиальное – функция тангенциального⁶» [1, с. 385]. Таким образом, Шарден постулирует причинно-следственную связь как зависимость *роста* сознания (или даже его *возникновения*⁷) от усложнения материи-причины.

Материалистические тенденции во взглядах Шардена проявляются и в следующей формулировке закона сложности-сознания: «...жизнь, по-видимому, есть не что иное, как привилегированное преувеличение фундаментальной космической тенденции (столь же фундаментальной, как энтропия или гравитация), которую можно назвать “Законом сложности/сознания” и которую можно выразить следующим образом: “Предоставленная достаточно долго самой себе, под влиянием длительной и всеобщей игры случая, материя проявляет свойство организовываться во все более и более сложные группировки, и в то же время, в постоянно углубляющиеся слои сознания; это двойное и комбинированное движение физического развертывания и психической интериоризации (или центрации), однажды начавшись, продолжается, ускоряется и возрастает до своей наивысшей степени”» [4, р. 139]. В данном высказывании есть две материалистических идеи: 1) материя предоставлена самой себе, находится не под влиянием замысла, а под влиянием случая; 2) одно из свойств материи – организовываться в постоянно углубляющиеся слои сознания. Первая идея может показаться классическим дарвинизмом⁸, однако Шарден интерпре-

---

4 См. *Le Phénomène Humain* [2, с. 56].

5 См. *Le Phénomène Humain* [2, с. 334].

6 Тангенциальная энергия – это физическая энергия, радиальная энергия – это духовная энергия.

7 Практически в терминологии современного эмерджентного материализма, Шарден определяет сознание как «...специфический эффект организованной сложности...» [1, с. 408]. Это противоречит его высказываниям о двух сторонах или «ликах» ткани универсума – внутренней и внешней, ибо две *стороны* чего-либо подразумевают их *равноправный* онтологический статус, и одну из этих сторон нельзя назвать лишь «эффектом» сложности второй, то есть чем-то производным от второй.

8 Сам Шарден полагал, что в его взглядах «...не преминут увидеть явное влияние ламаркизма...» в связи с утверждением «...влияния “внутреннего” на органическое строение тел...» [1, с. 260], и попытался трактовать это влияние не как отрицание дарвинизма, а как его функциональное дополнение [см. 1, с. 260]. Однако и Ламарк, и Шарден, во многом оказались правы, предвосхитив эпигенетику – изучение негенетических систем наследования и фенотипической пластичности.

тирует эту идею особым образом – в русле, задаваемом законом сложности-сознания: «Верно..., что жизнь развивается путем игры шансов, но шансов узанных и схваченных, то есть психически отобранных шансов» [1, с. 260].

Способ 3 (причинно-следственная связь в идеалистической трактовке): связь сознания и материи интерпретируется идеалистически, как причинно-следственная связь, в которой изменение материи является следствием изменения сознания. Поскольку мы ставим развитие материи в зависимость от развития сознания, то в нашей интерпретации, усложнение материи – это функция роста сознания, или, более кратко: (материальная) сложность – это функция сознания. Этот способ интерпретации соответствует схеме диэрезиса (поскольку в ней исходным является интенсивное, ментальное ($1 = \perp$)), в контексте которой мы рассмотрим далее реализацию закона сложности-сознания.

Подчеркнём, что речь при выделении этих трёх способов идёт не об индивидуальном уровне, то есть не о *взаимовлиянии* сознания и материи мозга в человеке, которое очевидно и неоспоримо, а об *онтологических* основаниях (идеализм, материализм) – происхождении и развитии Вселенной, исходя из которых закон сложности-сознания, как было показано, можно трактовать тремя фундаментально различными способами.

Подведём итоги подраздела 1.1. Согласно Шардену, *внутреннее* – это духовное, психическое, ментальное сознательное, качественное, свободное, а *внешнее* – материальное, телесное, количественное, детерминированное. В контексте схемы диэрезиса, *внутреннее* понимается как интенсивное (направленное вглубь путём деления), а *внешнее* есть *экстенсивное* (направленное вширь путём сложения). Шарден формулирует закон сложности сознания: сознание тем совершеннее, чем более сложное и лучше организованное материальное строение оно сопровождает. Связь внутреннего (сознания) и внешнего (материальной сложности), постулируемую законом сложности-сознания, можно интерпретировать тремя способами: 1) связь сознания и материи – это всего лишь сопряжение, корреляция, соответствие, не подразумевающее причинно-следственной связи; 2) связь сознания и материи – это причинно-следственная связь: рост сознания является следствием (или функцией) усложнения материи; 3) связь сознания и материи – это причинно-следственная связь: усложнение материи является следствием (или функцией) роста сознания. Шарден придерживался первых двух интерпретаций; мы придерживаемся третьей.

1.2. Закон рекуррентности и его связь с законом сложности-сознания

Шарденовская модель развития Вселенной телеологична. Рассуждая о конечной цели развития Вселенной и способе движения к ней, он отмечает, что «...становится всё более необходимым прийти к согласию относительно природы и общего направления потока, который нас несёт. Что это – замкнутый вихрь, бесконечная спираль, расширяющийся взрыв? ... есть ли у нас хоть какая-то точка зрения, с которой мы могли бы увидеть, куда несёт нас космический поток?» [5, р. 78]. В качестве «путеводной нити» Шарден и предлагает закон рекуррентности (франц. *la loi de récurrence*)

или «эмпирический закон рекуррентности»⁹): «Спроецированный в будущее, этот закон рекуррентности позволяет нам представить себе будущее состояние Земли, в котором человеческое сознание, достигнув пика своей эволюции, обретёт максимальную сложность и, как результат, концентрацию посредством полного “отражения” (или планетизации) самого себя на самого себя» [6, р. 117-118].

Развитие по закону рекуррентности не прямолинейно, а спирально: «...с научной точки зрения правильное было бы еще раз распознать под этими последовательными вибрациями великую спираль жизни, неуклонно поднимающуюся путем смены форм по магистральной линии своей эволюции. Сузы, Мемфис, Афины могут погибнуть. Но все более организованное сознание универсума передается из рук в руки, и его блеск увеличивается» [1, с. 324]. Это спиральное, вихревое развитие Вселенной от Точки Альфа к Точке Омега, задаваемое законом рекуррентности, представляет собой «...не плавный дрейф к равновесию и покою, а непреодолимый “Вихрь”, который закручивает в себя, всегда в одном и том же направлении, всю Материю (Stuff) вещей, от самых простых до самых сложных...» [7, р. 33].

Геометрически этот **великий цикл** развития от Альфы до Омеги может быть отображён как сферическая спираль, восходящая вокруг вертикальной оси, называемой Шарденем осью «...космического вихря интерьеризации» [1, с. 413]. Исходная точка сферической спирали (нижний «полюс») – это Альфа, завершающая точка (верхний «полюс») – Омега. Развитие, восходящее по спирали от Точки Альфа до «экватора» – это эволюционная, дивергентная часть великого цикла (движение от единого к множеству), а от «экватора» до точки Омега – инволюционная, конвергентная часть цикла (движение от множества к единому). На эволюционной половине цикла витки спирали увеличиваются, а на инволюционной – уменьшаются.

Витки сферической спирали – это **малые циклы развития**: этапы геогенеза, биогенеза, психогенеза, ноогенеза¹⁰. На каждом из этих этапов достигается новый уровень сознания и сложности материи, по закону сложности-сознания. Каждый виток возвращаясь на круг, символизирует сохранение предыдущего уровня. Но поскольку каждый новый виток выше, чем предыдущие, то к прежнему добавляется новое. При упрощённом подходе, великий и малые циклы развития Вселенной можно рассматривать как лежащие в ортогональных плоскостях.

Закон рекуррентности действует одинаковым образом на разных уровнях сложности, на разных этапах развития: «Мы видим, как Природа объединяет молекулы и клетки в живом организме для создания отдельных особей, и та же Природа, упорно следуя тем же путём,

---

9 В своём обращении к читателю в «Феномене человека», Шарден пишет: «Установить вокруг человека, взятого за центр, закономерный порядок, связывающий последующее с предыдущим, открыть среди элементов универсума не систему онтологических причинных связей, а эмпирический закон рекуррентности (*une loi expérimentale de récurrence*. – Н.З.), выражающий их последовательное возникновение в течение времени – вот что, и только это, я попытался сделать» [1, с. 136].

10 Закон рекуррентности, несомненно, проявляется в малых циклах, в витках спирали развития. Но может ли закон рекуррентности проявляться во вселенском масштабе, как повторение великого цикла, от Альфы до Омеги, остаётся открытым вопросом (так, например, многоуровневая цикличность развития Вселенной утверждается в индуизме (например, Манвантара сменяется Пралайей, и этот цикл повторяется вновь).

но на более высоком уровне, объединяет особей в социальные организмы для получения более высоких психических результатов. Химические и биологические процессы продолжают без перерыва в социальной сфере» [6, р. 124]. Таким образом, закон рекуррентности – это универсальный закон развития во Вселенной, действующий на всех масштабах¹¹.

Законы рекуррентности и сложности-сознания связаны: «...как только мы принимаем общий Закон Рекуррентности, связывающий рост сознания с продвижением сложности в процессе всеобщей эволюции, ничто не может задержать логическую последовательность, в которой два мира, которые мы привыкли считать совершенно отдельными, сближаются и дополняют друг друга» [6, р. 124]. Таким образом, развитие Вселенной осуществляется по законам сложности-сознания и рекуррентности, а именно – на основе закона рекуррентности реализуется закон сложности-сознания. Развитие происходит путём рекуррентных синтезов: при возрастании сознания происходит переупорядочивание, перереорганизация, усложнение материальной организации на каждом витке развития.

Вселенная в целом, как и системы, элементы меньшего масштаба, рекуррентно развиваются через дискретные этапы, где на каждом переходе от одного этапа к другому, то есть на каждой *критической точке*, в которой достигается пороговое значение сложности-сознания, сложность и сознание скачкообразно возрастают: «Путем ли организации частей, путем ли приобретения еще одного измерения присущая космическому элементу степень внутренней углубленности (interiorite) вполне может измениться настолько, что произойдет резкий переход на новую ступень [1, с. 194].

Рекуррентность – это свойство фракталов. *Фрактал* – это физический и / или математический объект или процесс, ключевыми характеристиками которого является точное или приближённое самоподобие (и, следовательно, та или иная степень масштабной инвариантности), а также, чаще всего, но не всегда, дробная хаусдорфова (т.е. метрическая, а не топологическая) размерность [см. 9]. Как отмечает Чарльз Веббер, «по определению, фрактальные структуры обладают рекуррентными закономерностями (patterns). На разных уровнях рекуррентные закономерности можно визуализировать при большем увеличении» [10, р. 1].

В согласии с этим, С. Хайтун рассматривает модель развития Вселенной, предложенную Шарденом, как модель фрактальной эволюции: «Фрактальная эволюция означает, что эволюция происходит через каскад точек ветвления, внутри которых зарождаются альтернативные эволюционные ветви. Эта идея – один из основных тезисов книги Пьера Тейяра де Шардена “Феномен человека” ...» [11].

Таким образом, шарденовский закон рекуррентности согласуется с самоподобием Вселенной как фрактальной системы¹², и в том числе, с рекуррентностью её динамики

11 Одним из подтверждений этому являются результаты, полученные группой исследователей, показывающие, что «...рекуррентные сети могут использоваться биологическими системами, от клеток до мозга, для сложной обработки информации» [8, р. 1].

12 Сам Шарден не использовал понятие «фрактал». Это понятие было введено в 1975 году [см. 12] Бенуа Мандельбротом (показавшим, что сама геометрия природы фрактальна [см. 13]), уже после смерти П.Т. де Шардена.

на всех масштабах, выражающей повторение самоподобных этапов усложнения (или свёртывания усложнения), но каждый раз с добавлением нового. И поскольку само развитие Вселенной фрактально, для его графического отображения можно использовать другой фрактал – схему диэрезиса. В следующем подразделе мы перейдём к её рассмотрению.

Подведём итоги подраздела 1.2. Развитие по закону рекуррентии происходит не прямолинейно, а спирально, поэтому великий цикл развития от Альфы до Омеги может быть отображён как сферическая спираль, восходящая вокруг вертикальной оси. Витки сферической спирали – это малые циклы развития: этапы геогенеза, биогенеза, психогенеза, ноогенеза. Великий и малые циклы развития Вселенной можно рассматривать как лежащие в ортогональных плоскостях. На эволюционной половине цикла витки сферической спирали увеличиваются, а на инволюционной – уменьшаются. В каждом витке сохраняется предыдущее, и добавляется новое. Закон рекуррентии действует одинаковым образом на разных уровнях сложности, на разных этапах развития, то есть является универсальным законом развития. Рекуррентное развитие осуществляется через дискретные этапы, где на каждом переходе от одного этапа к другому, т.е. на каждой критической точке, в которой достигается пороговое значение сложности-сознания, сложность и сознание скачкообразно возрастают. Рекуррентность – свойство фракталов. Модель развития Вселенной, предложенная Шарденом, может рассматриваться как модель фрактальной эволюции. Закон сложности-сознания и закон рекуррентии связаны: основе закона рекуррентии реализуется закон сложности-сознания.

2. Зеркально-симметричная схема диэрезиса как отображение реализации законов сложности-сознания и рекуррентии на этапах великого цикла

2.1. Общая схема диэрезиса в первичной и вторичной перспективах как способы отображения законов сложности-сознания и рекуррентии

Шарден применяет метод повторяющегося выделения внутреннего (интенсивного) и внешнего (экстенсивного) аспектов реализации закона сложности-сознания, то есть, фактически, применяет метод диэрезиса. *Диэрезис* – это повторяющееся деление на два (в одной и той же пропорции или в одном и том же отношении) каждой получаемой в результате такого деления части или аспекта.

В результате применения Шарденом этого метода выстраивается фрактальная структура ветвящихся аспектов реализации закона сложности-сознания. Как уже было сказано, схема диэрезиса – это фрактал, и именно по этой причине она пригодна для графического отображения фрактальных структур. Поэтому для отображения аспектов реализации закона сложности-сознания, применим платоновскую схему диэрезиса линии¹³, и для начала покажем её в общем виде. Обозначим внутреннее, или интенсивное, числом «1», а внешнее, или экстенсивное, – числом «0». Укажем этот

---

13 См. Книгу 6 диалога Платона «Государство» (Plat. Rep. 509d [см. 14, с. 292]).

исходный вариант схемы диэрезиса, как расположенный вдоль *первичных* осей интенсивности и экстенсивности, а саму схему назовём *схемой диэрезиса в первичной перспективе*. Эта схема выглядит так¹⁴:

Первичн. ось интен.	1 = ⊥ Первичное интенсивное				0
	0 Экстенсивное		1 Интенсивное		1
	00 Экстенсивно-экстенсивное	01 Интенсивно-экстенсивное	10 Экстенсивно-интенсивное	11 Интенсивно-интенсивное	2
	Первичная ось экстенсивности				

Таблица 1. Общий вид схемы диэрезиса в первичной перспективе

На первом и втором уровнях диэрезиса, у связанных, согласно закону сложности-сознания, пар аспектов, цвета секторов одинаковы: $1 \rightarrow 0$; $11 \rightarrow 01$; $10 \rightarrow 00$.

Напомним, что при упрощённом подходе, великий и малые циклы развития Вселенной можно рассматривать как лежащие в ортогональных плоскостях. Поэтому великому циклу от Альфы до Омеги соответствует схема диэрезиса в первичной перспективе (в её зеркально-симметричной форме); в этой схеме в малые циклы развития (геогенез, биогенез, психогенез и ноогенез), на которых реализуется закон сложности-сознания, отображены как уровни диэрезиса. Малым же циклам, на которых осуществляется реализация ветвящихся аспектов закона сложности-сознания, для их полного отображения, требуется схема диэрезиса во вторичной перспективе.

Отобразим схему диэрезиса во вторичной перспективе (т.е. расположенную относительно вторичных осей интенсивности и экстенсивности). Для этого развернём схему диэрезиса на 90° влево (или, что то же, на 270° вправо):

Вторичная ось интенсивности	Нулевой	Первый	Второй этап диэрезиса	
	1 Первичное интенсивное	1 Интенсивное	11 Интенсивно-интенсивное	
			10 Экстенсивно-интенсивное	
		0 Экстенсивное	01 Интенсивно-экстенсивное	
			00 Экстенсивно-экстенсивное	
	Вторичная ось экстенсивности			

Таблица 2. Общий вид схемы диэрезиса во вторичной перспективе

¹⁴ В схеме диэрезиса, математически, может быть *любое* количество уровней. Так, например, на третьем уровне диэрезиса будут следующие сегменты: 000 – экстенсивно-экстенсивно-экстенсивное; 001 – интенсивно-экстенсивно-экстенсивное; 010 – экстенсивно-интенсивно-экстенсивное; 011 – интенсивно-интенсивно-экстенсивное; 100 – экстенсивно-экстенсивно-интенсивное; 101 – интенсивно-экстенсивно-интенсивное; 110 – экстенсивно-интенсивно-интенсивное; 111 – интенсивно-интенсивно-интенсивное. Однако любая физическая система имеет ограниченное число уровней.

Как и в предыдущей схеме, на первом и втором уровнях дизрезиса, у связанных согласно закону сложности-сознания пар аспектов, цвета секторов одинаковы ($1 \rightarrow 0$; $11 \rightarrow 01$; $10 \rightarrow 00$) и значения чисел (субстанция, качество/количество) – тоже.

Таким образом, малым циклам, в течение которых осуществляется реализация ветвящихся аспектов закона сложности-сознания, для их полного отображения, требуется схема дизрезиса во вторичной перспективе. Для отображения великого цикла требуется зеркально-симметричная схема дизрезиса в первичной перспективе, и в этой схеме малые циклы развития отображены как уровни дизрезиса. В подразделе 2.2 мы применим эту схему.

Подведём итоги подраздела 2.1. Шарден применяет метод повторяющегося выделения внутреннего (интенсивного) и внешнего (экстенсивного) аспектов в аспектах реализации закона сложности-сознания, т.е. метод дизрезиса. В результате применения этого метода выстраивается фрактальная структура ветвящихся аспектов реализации закона сложности-сознания. Поскольку схема дизрезиса – это фрактал, то она пригодна для отображения фрактальной структуры аспектов реализации закона сложности-сознания. Великому циклу соответствует схема дизрезиса в первичной перспективе (в её зеркально-симметричной форме); малые циклы развития, на которых реализуется закон сложности-сознания, отображены в этой схеме как уровни дизрезиса. Малым же циклам, на которых осуществляется реализация ветвящихся аспектов закона сложности-сознания, для их полного отображения, требуется схема дизрезиса во вторичной перспективе.

2.2. Зеркально-симметричная схема дизрезиса как отображение реализации законов сложности-сознания и рекуррентии на эволюционном и инволюционном этапах великого цикла

Согласно Шардену, Вселенная прошла в своём развитии три этапа, и пребывает на четвёртом: **ноогенез** (ноосфера) – это новая эра, эра развития духа, которой предшествовали **геогенез** (преджизнь), **биогенез** (жизнь) и **психогенез** (разум) [см. 1, с. 292]. Как уже было сказано, эти четыре этапа можно рассматривать как витки великой спирали развития, как малые циклы, входящие в великий цикл «Альфа-Омега». К эволюционной половине цикла относятся преджизнь и жизнь, а к инволюционной – разум и ноосфера. Эти две половины цикла разделены «экваториальной линией».

Для отображения великого цикла развития, происходящего по законам рекуррентии и сложности-сознания, требуется зеркально-симметричная схема дизрезиса в первичной перспективе (то есть схема дизрезиса в первичной перспективе и её зеркальное отражение). По-иному эту схему можно описать как два зеркально-симметричных дерева, «кроны» которых соприкасаются друг с другом, а «стволы» символизируют начальную (Альфа) и конечную (Омега) точки великого цикла развития¹⁵. Обозначим вертикальную

---

15 Если следовать логике Шардена, то одним из возможных вопросов по поводу великого цикла развития, является вопрос *реальности времени*: согласно выдвинутому Шарденом закону сложности-сознания, процессы *развёртывания* материи и *свёртывания* сознания, *одновременны*. И поскольку, на основе принципа подобия, эволюционную часть цикла развития Вселенной, можно интерпретировать как *развёртывание* материальной сложности, а инволюционную часть цикла её развития – как *свёртывание* (центрацию) сознания, то можно предположить, что развёртывание (эволюция) и свёртывание (инволюция) Вселенной на самом деле *одновременны*, хотя для нас, наблюдателей, находящихся внутри этой системы, эти процессы кажутся *последовательными*.

ось, вокруг которой восходит сферическая спираль великого цикла, как первичную ось интенсивности в зеркально-симметричной схеме диэрезиса. Тогда вдоль первичной оси экстенсивности будут отображены четыре малых цикла, или этапа развития (геогенез, биогенез, психогенез и ноогенез), которые берут своё начало в Точке Альфа, и завершаются в Точке Омега:

Первичная ось интенсивности →	1 = 1 Психическая (ментальная) энергия, Любовь, Точка Омега, Сверхличность			0	
	0 Инволюция материи: слияние социума в массу + социализация, ассоциация, сжатие внешнего размера; + свёртывание сложности, усложнение организации, внутренней структуры материи		1 Инволюция сознания: слияние сознаний в ноосфере + объединение сознаний, охват умом, экспансия внутреннего вширь; + центрация, интериоризация сознания, развитие внутреннего. Критическая точка – возникновение Сверхсознания, слияние с Омегой	4. Ноогенез	
	00 Социализация, планетарное сжатие + ассоциация,	01 Свёртывание сложности (фрактализация, компактификация) + усложнение организации, внутренней структуры материи	10 Объединение мира, увеличение количества коммуникаций, связей + экспансия внутреннего вширь	11 Центрация: свёртывание сознания вглубь + интериоризация+ развитие внутреннего. Критическая точка: возникновение ноосферы	3. Психогенез
	«Экватор»: переход от эволюции (развёртывания) к инволюции (свёртыванию) Рефлексия				
	00 Ассоциация в материальные агрегаты, тела + увеличение размера	01 Усложнение организации, внутренней структуры материи	10 Экспансия внутреннего вширь	11 Интериоризация + развитие внутреннего. Критическая точка: возникновение рефлексии	2. Биогенез
	0 Эволюция внешнего (материи): увеличение размера		1 Эволюция (развитие) внутреннего. Критическая точка – возникновение жизни		1. Гео
	1 = 1 Психическая (ментальная) энергия, Любовь, Точка Альфа				0
Первичная ось экстенсивности →					

Таблица 3. Зеркально-симметричная схема диэрезиса как отображение реализации законов сложности-сознания и рекурренции на этапах великого цикла

Зеркально-симметричная схема диэрезиса в Таблице 3 отображает направленное развитие мира, великий цикл от Точки Альфа к Точке Омега, который состоит из двух половин,

каждая из которых, в свою очередь, состоит из двух этапов (малых циклов): 1) эволюционная половина, движение от единого к многому (преджизнь, жизнь), или развёртывания, дивергенции; 2) инволюционная половина, движение от многого к единому (разум, ноосфера), или свёртывания, конвергенции, и эти половины разделены «экватором» развития.

Эти четыре малых цикла, в течение которых реализуется закон сложности-сознания, отображены как уровни диэрезиса, вдоль первичной оси экстенсивности. Шарден не только применяет повторяющееся выделение внутреннего (интенсивного) и внешнего (экстенсивного) аспектов развития сложности и сознания, но и устанавливает связь между парами этих аспектов, согласно закону сложности-сознания. В результате этого, в образовавшейся фрактальной структуре зеркально-симметричной схемы диэрезиса можно выделить пары связанных аспектов реализации закона сложности-сознания: $1 \rightarrow 0$; $11 \rightarrow 01$; $10 \rightarrow 00$. Эти пары одинаковы на эволюционной (геогенез, биогенез) и инволюционной (психогенез, ноогенез) половинах великого цикла. В согласии с идеалистической интерпретацией закона сложности-сознания, те аспекты в этих парах, числовое обозначение которых начинается с нуля, зависят от аспектов, числовое обозначение которых начинается с единицы. Шарден показывает стадии и аспекты реализации закона сложности-сознания на всех четырёх этапах великого цикла, развивающегося по закону рекуррентии. Как и в предыдущих схемах, в зеркально-симметричной схеме диэрезиса в Таблице 3, на первом и втором уровнях, у связанных, согласно закону сложности-сознания, пар аспектов, цвета секторов одинаковы.

При содержательной интерпретации схемы диэрезиса, числовые обозначения читаются слева направо. **Первое число** – это субстанция: «1» – это развитие (рост) внутреннего, сознания, «0» – это развитие (усложнение) внешнего, материи. **Второе число** (при его наличии) – это качество/количество: «1» – качественное развитие. «0» – количественное развитие.

В зеркально-симметричной схеме диэрезиса отображены только *движущие силы развития*¹⁶ Вселенной, в центре которых, согласно Шардену, находится человек: «Человек – не статический центр мира, ...а ось и вершина эволюции, что много прекраснее» [1, с. 142] (и ось эта, мы бы добавили, – это первичная ось интенсивности).

Исходя из вышесказанного, то, например, что на этапе ноогенеза отображены только ноосфера и масса, не следует понимать в том смысле, что всего остального не существует. Напротив, всё остальное, по-прежнему существует, но находится не «на острие» оси развития, а на «периферии». Как поясняет Шарден, «*своей осевой живой частью Вселенная одновременно и равномерно дрейфует в сторону сверх-сложности, сверх-средоточия, сверх-сознания*» [1, с. 500].

Напомним, что согласно закону рекуррентии, на каждом витке развития повторяется прежнее и добавляется новое. Поэтому в зеркально-симметричной схеме диэрезиса

---

¹⁶ Эволюционную и инволюционную половины цикла, взятые в целом, мы называем «развитием», а не «эволюцией», а слово «эволюция» резервируем только для соответствующей, эволюционной половины цикла, в отличие от Шардена, который часто называет «эволюцией» развитие в целом, а не только эволюционную половину цикла развития.

жирным шрифтом выделены новые аспекты проявления закона сложности-сознания, а после знака «+» перечислены те аспекты, которые сохраняются с предшествующих этапов развития. Поэтому в соответствии с законом рекурренции, чем ближе этап к Точке Омега, тем больше проявляется «накопительный эффект» – сохранение предшествующего, свойственное, свойственное (наряду с добавлением нового) рекурренции.

Как видно на Таблице 3, критические точки идут по линии интенсивного, психического, внутреннего: 1 и 11 на эволюционной половине цикла, 11 и 1 на инволюционной половине цикла. Это согласуется со словами Шардена: эволюция – «...это в первую очередь психическая трансформация...» [1, с. 276]. Философ утверждает: «Эволюция, основанная на материи, не спасает человека, ибо все причинно-следственные связи, собранные вместе, не в силах дать ни грана свободы. Эволюция же, основанная на Духе, сохраняет в силе все установленные физикой законы, приводя, однако, прямо к Мысли... Она спасает сразу и человека, и материю. Следовательно, ее нужно принять» [1, с. 462].

Реализация закона сложности-сознания, согласно зеркально-симметричной схеме диэрезиса, движется от этапа к этапу по линии количества (один сектор на нулевом этапе → два на первом; два на первом → четыре на втором), но этапы, соседствующие с «экваториальной линией», изменяются не количественно (четыре сектора на втором этапе → четыре сектора на третьем), а качественно. Затем от третьего ко четвёртому, и от четвёртого к завершающему этапу – опять происходит количественное изменение.

В целом, на этапе эволюции (геогенез и биогенез) ведущим аспектом является количественный, материальный (что вызывает развёртывание, распространение вширь, экстенсификацию), а на этапе инволюции (психогенез и ноогенез) – качественный, ментальный (что вызывает свёртывание, углубление, интенсификацию). В отношении инволюционной половины цикла Шарден утверждает: «...все, что восходит, должно сойтись» [15, р. 186].

В завершающем подразделе мы рассмотрели зеркально-симметричную схему диэрезиса в общем. Содержательную интерпретацию каждого из секторов этой схемы, на основе идей Шардена, мы дадим во второй части этой статьи.

Подведём итоги подраздела 2.2. Для отображения великого цикла развития, происходящего по законам рекурренции и сложности-сознания, применена зеркально-симметричная схема диэрезиса в первичной перспективе. Шарден применяет повторяющееся выделение внутреннего (интенсивного) и внешнего (экстенсивного) аспектов развития сложности и сознания и устанавливает связь между парами этих аспектов, согласно закону сложности-сознания. В результате можно выделить пары связанных аспектов реализации закона сложности-сознания: 1→0; 11→01; 10→00. Эти пары одинаковы на эволюционной (геогенез, биогенез) и инволюционной (психогенез, ноогенез) половинах великого цикла. В согласии с идеалистической интерпретацией закона сложности-сознания, материальные аспекты зависят от ментальных. На этапе геогенеза эволюция внутреннего (1) вызывает эволюцию внешнего, т.е. увеличение размера материи (0). Критическая точка перехода от геогенеза к биогенезу – возникновение жизни. На этапе биогенеза интериоризация внутреннего (11) вызывает усложнение организации материи (01), а экспансия внутреннего вширь (10) вызывает ассоциацию материи в агрега-

ты, тела (00). Критическая точка перехода от биогенеза к психогенезу - возникновение рефлексии. На этапе психогенеза центрация сознания (11) вызывает свёртывание материальной сложности (01), а объединение мира (10) вызывает социализацию (00). Критическая точка при переходе от психогенеза к ноогенезу – возникновение ноосферы. На этапе ноогенеза инволюция сознания путём слияния сознаний в ноосфере (1) вызывает инволюцию материи путём слияния социума в массу (0). Критическая точка – возникновение Сверхличного, слияние с Омегой.

Выводы

1. Согласно Шардену, *внутреннее* – это духовное, психическое, ментальное сознательное, качественное, свободное, а *внешнее* – материальное, телесное, количественное, детерминированное. В контексте схемы диэрезиса, *внутреннее* понимается как интенсивное (направленное вглубь путём деления), а *внешнее* есть *экстенсивное* (направленное вширь путём сложения). Шарден формулирует закон сложности сознания: сознание тем совершеннее, чем более сложное и лучше организованное материальное строение оно сопровождает. Связь внутреннего (сознания) и внешнего (материальной сложности), постулируемую законом сложности-сознания, можно интерпретировать тремя способами: 1) связь сознания и материи – это всего лишь сопряжение, корреляция, соответствие, не подразумевающее причинно-следственной связи; 2) связь сознания и материи – это причинно-следственная связь: рост сознания является следствием (или функцией) усложнения материи; 3) связь сознания и материи – это причинно-следственная связь: усложнение материи является следствием (или функцией) роста сознания. Шарден придерживался первых двух интерпретаций; мы придерживаемся третьей.

2. Развитие по закону рекуррентности происходит не прямолинейно, а спирально, поэтому великий цикл развития от Альфы до Омеги может быть отображён как сферическая спираль, восходящая вокруг вертикальной оси. Витки сферической спирали – это малые циклы развития: этапы геогенеза, биогенеза, психогенеза, ноогенеза. Великий и малые циклы развития Вселенной можно рассматривать как лежащие в ортогональных плоскостях. На эволюционной половине цикла витки сферической спирали увеличиваются, а на инволюционной – уменьшаются. В каждом витке сохраняется предыдущее, и добавляется новое. Закон рекуррентности действует одинаковым образом на разных уровнях сложности, на разных этапах развития, то есть является универсальным законом развития. Рекуррентное развитие осуществляется через дискретные этапы, где на каждом переходе от одного этапа к другому, т.е. на каждой критической точке, в которой достигается пороговое значение сложности-сознания, сложность и сознание скачкообразно возрастают. Рекуррентность – свойство фракталов. Модель развития Вселенной, предложенная Шарденом, может рассматриваться как модель фрактальной эволюции. Закон сложности-сознания и закон рекуррентности связаны: основе закона рекуррентности реализуется закон сложности-сознания.

3. Шарден применяет метод повторяющегося выделения внутреннего (интенсивного) и внешнего (экстенсивного) аспектов в аспектах реализации закона сложности-сознания, т.е. метод диэрезиса. В результате применения этого метода выстраивается фрактальная структура ветвящихся аспектов реализации закона сложности-сознания.

Поскольку схема диэрезиса – это фрактал, то она пригодна для отображения фрактальной структуры аспектов реализации закона сложности-сознания. Великому циклу соответствует схема диэрезиса в первичной перспективе (в её зеркально-симметричной форме); малые циклы развития, на которых реализуется закон сложности-сознания, отображены в этой схеме как уровни диэрезиса. Малым же циклам, на которых осуществляется реализация ветвящихся аспектов закона сложности-сознания, для их полного отображения, требуется схема диэрезиса во вторичной перспективе.

4. Для отображения великого цикла развития, происходящего по законам рекуррентности и сложности-сознания, применена зеркально-симметричная схема диэрезиса в первичной перспективе. Шарден применяет повторяющееся выделение внутреннего (интенсивного) и внешнего (экстенсивного) аспектов развития сложности и сознания и устанавливает связь между парами этих аспектов, согласно закону сложности-сознания. В результате можно выделить пары связанных аспектов реализации закона сложности-сознания: $1 \rightarrow 0$; $11 \rightarrow 01$; $10 \rightarrow 00$. Эти пары одинаковы на эволюционной (геогенез, биогенез) и инволюционной (психогенез, ноогенез) половинах великого цикла. В согласии с идеалистической интерпретацией закона сложности-сознания, материальные аспекты зависят от ментальных. На этапе геогенеза эволюция внутреннего (1) вызывает эволюцию внешнего, т.е. увеличение размера материи (0). Критическая точка перехода от геогенеза к биогенезу – возникновение жизни. На этапе биогенеза интериоризация внутреннего (11) вызывает усложнение организации материи (01), а экспансия внутреннего вширь (10) вызывает ассоциацию материи в агрегаты, тела (00). Критическая точка перехода от биогенеза к психогенезу – возникновение рефлексии. На этапе психогенеза центрация сознания (11) вызывает свёртывание материальной сложности (01), а объединение мира (10) вызывает социализацию (00). Критическая точка при переходе от психогенеза к ноогенезу – возникновение ноосферы. На этапе ноогенеза инволюция сознания путём слияния сознаний в ноосфере (1) вызывает инволюцию материи путём слияния социума в массу (0). Критическая точка – возникновение Сверхличного, слияние с Омегой.

В данной статье мы рассмотрели зеркально-симметричную схему диэрезиса в общем. Содержательную интерпретацию каждому из секторов этой схемы, на основе идей Шардена, мы дадим во второй части этой статьи.

Список литературы

1. Шарден П.Т. де. Феномен человека: сб. очерков и эссе: Пер. с фр. / П. Тейяр де Шарден / Сост. и предисл. В.Ю. Кузнецов. – М.: ООО «Издательство АСТ», 2002. – 553,[7] с. – (Philosophy). – ISBN 5–17–009886–3.
2. Teilhard de Chardin P. Le Phénomène Humain. – Paris: Les Éditions du Seuil, 1956. – 348 p.
3. Teilhard de Chardin P. Formation of the Noosphere. A Plausible Biological Interpretation of Human History / Pierre Teilhard de Chardin // Future of Man. – New York, London, Toronto, Sydney, Auckland: Image Books Doubleday. – P. 149–178.

4. Teilhard de Chardin P. The Phyletic Structure of the Human Group // The Appearance of Man. Transl. by J. M. Cohen. – New York: Harper & Row Publishers, 1965. – P. 132–171.
5. Teilhard de Chardin P. The New Spirit / Pierre Teilhard de Chardin // Future of Man. – New York, London, Toronto, Sydney, Auckland: Image Books Doubleday. – P. 74–89.
6. Teilhard de Chardin P. A Great Event Foreshadowed: The Planetization of Mankind / Pierre Teilhard de Chardin // Future of Man. – New York, London, Toronto, Sydney, Auckland: Image Books Doubleday. – P. 117–132.
7. Teilhard de Chardin P. The Heart of the Matter // The Heart of the Matter. Transl. by Rene Hague. – San Diego, New York, London: A Harvest Book, A Helen and Kurt Wolff Book, Harcourt Brace & Company, 1976. – P. 15–79.
8. Vidal-Saez M.S., Vilarroya O., Garcia-Ojalvo J. Biological Computation through Recurrence // Biochemical and Biophysical Research Communications. – Vol. 728. – 2024. – P. 1–7.
9. Зудилина Н.В. О неатрибутивности индикаторов фрактальности, связанных с хаусдорфовой размерностью // Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. Серия «Философия. Политология. Культурология». – Том 3 (69). – 2017. – № 4. – С. 66–83.
10. Webber Charles L. Jr. Recurrence Quantification of Fractal Structures // Frontiers in Physiology – Vol. 3. – 2012. – P. 1–11.
11. Haitun S.D.. Is Human Space Exploration Doomed? // ROOM: The Space Journal. – 2018. – Available online : <https://room.eu.com/article/is-human-space-exploration-doomed>.
12. Mandelbrot B. B. Les Objets Fractals: Forme, Hasard et Dimension. (French) [Fractal Objects: Form, Chance, and Dimension]. 1e éd. Paris, Flammarion, 1975, 192 p. – ISBN 2–08–210647–0.
13. Mandelbrot B. B. The Fractal Geometry of Nature / Benoît B. Mandelbrot. – Updated and Augmented ed. – New York: W. H. Freeman and Company, 1983. – XII + 461 + XVI p. – ISBN 978–0–7167–1186–9.
14. Платон. Государство // Собр. соч. в 4 т. Т. 3 / Пер. с др.- греч.; Общ. ред. А.Ф. Лосева, В.Ф. Асмуса, А.А. Тахо-Годи; Авт. вступ. ст. и ст. в примеч. А.Ф. Лосев; Примеч. А.А. Тахо-Годи. – М.: Мысль, 1994. – С. 79–420. – (Филос. наследие). – ISBN 5-244-00385-2.
15. Teilhard de Chardin P. Faith in Man / Pierre Teilhard de Chardin // Future of Man. – New York, London, Toronto, Sydney, Auckland: Image Books Doubleday. – P. 179–187.

Сведения об авторе

Зудилина Надежда Викторовна – кандидат философских наук, доцент кафедры философии, Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского.

E-mail: nadiya.zudilina@gmail.com

Zudilina N.V.

FROM ALPHA TO OMEGA: P.T. DE CHARDIN'S LAWS OF COMPLEXITY-CONSCIOUSNESS AND RECURRENCE IN THE CONTEXT OF THE MIRROR-SYMMETRICAL DIAERESIS SCHEME. PART 1

Abstract: *The article examines P.T. de Chardin's laws of complexity-consciousness and recurrence in the context of a mirror-symmetrical diaeresis diagram, displaying the great cycle of development from the Alpha Point to the Omega Point. According to Pierre Teilhard de Chardin, the "fabric of the Universe" has two sides: internal and external. The internal is the spiritual, psychic, mental, conscious, qualitative, and free, while the external is material, corporeal, quantitative, and determined. In the context of the diaeresis scheme, the internal is understood as the intensive, and the external as the extensive. Chardin formulates the law of complexity-consciousness as follows: the more perfect consciousness is, the more complex and better organized the material structure it accompanies. We interpret the relationship postulated by the law of complexity-consciousness as a cause-and-effect relationship: the increasing complexity of matter is a consequence (or function) of the growth of consciousness. Development according to the law of recurrence is not linear, but spiral: the great cycle of development from Alpha to Omega can be depicted as a spherical spiral ascending around a vertical axis. The turns of the spherical spiral are minor cycles of development: the stages of geogenesis, biogenesis, psychogenesis, and noogenesis. The great cycle and minor cycles of the Universe's development can be considered as lying in orthogonal planes. Recurrent development means that at each cycle, the previous is preserved and the new is added. The law of complexity-consciousness and the law of recurrence are linked: the law of complexity-consciousness is realized on the basis of the law of recurrence. Recurrent development occurs through discrete stages, each culminating in a critical point at which complexity and consciousness abruptly increase. To display the great cycle of development, which occurs according to the laws of recurrence and complexity-consciousness, a mirror-symmetrical diaeresis scheme is used in the primary perspective. At the stage of geogenesis, the evolution of the internal (1) causes the evolution of the external, i.e., an increase in the size of matter (0). The critical point of the transition from geogenesis to biogenesis is the emergence of life. At the stage of biogenesis, the further internalization of the internal (11) causes a complexification of the organization of matter (01), and the expansion of the internal in breadth (10) causes the association of matter into aggregates, bodies (00). The critical point of the transition from biogenesis to psychogenesis is the emergence of reflection. At the stage of psychogenesis, the 'centration' of consciousness (11) causes the involution of material complexity (01), and the unification of the world (10) causes socialization (00). The critical point in the transition from psychogenesis to noogenesis is the emergence of the noosphere. At the stage of noogenesis, the involution of consciousness through the fusion of minds in the noosphere (1) causes the involution of matter through the fusion of society into the mass (0). The critical point is the emergence of the Hyper-Personal, merging with Omega.*

Keywords: *development, consciousness, matter, law of complexity-consciousness, law of recurrence, diaeresis, mirror-symmetrical diaeresis scheme, fractal, the intensive, the extensive, the Alpha Point, the Omega Point, evolution, involution, Pierre Teilhard de Chardin.*

References

1. Teilhard de Chardin P. The Phenomenon of Man: collect. of essays: Trans. from French / P. Teilhard de Chardin / Comp. and preface V. Yu. Kuznetsov. – M.: ООО “AST Publishing House”, 2002. – 553, [7] p. – (Philosophy). – ISBN 5–17–009886–3.
2. Teilhard de Chardin P. Le Phénomène Humain. – Paris: Les Éditions du Seuil, 1956. – 348 p.
3. Teilhard de Chardin P. Formation of the Noosphere. A Plausible Biological Interpretation of Human History / Pierre Teilhard de Chardin // Future of Man. – New York, London, Toronto, Sydney, Auckland: Image Books Doubleday. – P. 149–178.
4. Teilhard de Chardin P. The Phyletic Structure of the Human Group // The Appearance of Man. Transl. by J. M. Cohen. – New York: Harper & Row Publishers, 1965. – P. 132–171.
5. Teilhard de Chardin P. The New Spirit / Pierre Teilhard de Chardin // Future of Man. – New York, London, Toronto, Sydney, Auckland: Image Books Doubleday. – P. 74–89.
6. Teilhard de Chardin P. A Great Event Foreshadowed: The Planetization of Mankind / Pierre Teilhard de Chardin // Future of Man. – New York, London, Toronto, Sydney, Auckland: Image Books Doubleday. – P. 117–132.
7. Teilhard de Chardin P. The Heart of the Matter // The Heart of the Matter. Transl. by Rene Hague. – San Diego, New York, London: A Harvest Book, A Helen and Kurt Wolff Book, Harcourt Brace & Company, 1976. – P. 15–79.
8. Vidal-Saez M.S., Vilarroya O., Garcia-Ojalvo J. Biological Computation through Recurrence // Biochemical and Biophysical Research Communications. – Vol. 728. – 2024. – P. 1–7.
9. Zudilina N.V. On the Non-Attributiveness of the Indicators of Fractality, Related to Hausdorff Dimension // Scientific Notes of V. I. Vernadsky Crimean Federal University. Series “Philosophy. Political science. Culturology”. – 2017. – Vol. 3 (69). – № 4. – P. 66–83.
10. Webber Charles L. Jr. Recurrence Quantification of Fractal Structures // Frontiers in Physiology –Vol. 3. – 2012. – P. 1–11.
11. Haitun S.D.. Is Human Space Exploration Doomed? // ROOM: The Space Journal. – 2018. – Available online : <https://room.eu.com/article/is-human-space-exploration-doomed>.
12. Mandelbrot B. B. Les Objets Fractals: Forme, Hasard et Dimension. (French) [Fractal Objects: Form, Chance, and Dimension]. 1e éd. Paris, Flammarion, 1975, 192 p. – ISBN 2–08–210647–0.
13. Mandelbrot B. B. The Fractal Geometry of Nature / Benoît B. Mandelbrot. – Updated and Augmented ed. – New York: W. H. Freeman and Company, 1983. – XII + 461 + XVI p. – ISBN 978–0–7167–1186–9.

14. Plato. Republic [Государство] // Collected works in 4 vol. Vol. 3 / Transl. from ancient Greek; General eds. A.F. Losev, V.F. Asmus, A.A. Takho-Godi; Introductory article by A.F. Losev; Notes by A.A. Takho-Godi. – Moscow: Mysl', 1994. – P. 79–420 – (Filosofskoe nasledie). – ISBN 5-244-00385-2.

15. Teilhard de Chardin P. Faith in Man / Pierre Teilhard de Chardin // Future of Man. – New York, London, Toronto, Sydney, Auckland: Image Books Doubleday. – P. 179–187.

Zudilina Nadezhda Victorovna – Candidate of Sciences (Philosophy), Associate Professor, Faculty of Philosophy, Department of Philosophy, V.I. Vernadsky Crimean Federal University.
E-mail: nadiya.zudilina@gmail.com

КУЛЬТУРОЛОГИЯ

УДК 81'44

DOI: 10.29039/2413-1695-2025-11-4-71-82

ИМЯ СОБСТВЕННОЕ КАК НОСИТЕЛЬ КУЛЬТУРНОГО КОДА (НА МАТЕРИАЛЕ УЧЕБНОГО ТЕКСТА)

Макарова О. В., Черных Ю. С.

Аннотация: Учебный текст играет важную роль в трансляции культурных норм и ценностей того или иного народа, при этом подходы к отбору учебного материала в разных культурах варьируются. Цель работы – сопоставить национально-культурные особенности употребления онимов в учебных текстах по иностранным языкам: русскому и арабскому. В результате сравнительного и компонентного видов анализа 22 учебных пособий осуществлена выборка 2188 ономастических единиц, выявлены дифференциальные и универсальные особенности антропонимов, топонимов и других категорий имен собственных. Проведен опрос 39 студентов для верификации отбора антропонимов в качестве учебного материала. Исследование показало, что в учебных пособиях используются онимы, имеющие символические и этнические компоненты смысла. Выбор имен собственных в учебных текстах по арабскому языку как иностранному соотносится с религиозными и традиционными устоями арабской культуры. Корпус, включающий онимы, извлечённые из учебных текстов по русскому языку для иностранных обучающихся, демонстрирует связь со значимыми историческими личностями, литературными текстами, научными фактами и культурными реалиями России. Онимы в учебных текстах по изучению иностранного языка выполняют аллюзивную функцию, при этом их восприятие способствует расширению словарного запаса и пониманию элементов культуры изучаемого языка. Проверка объективности выбора антропонимов в учебных текстах подтверждает тезис о включении в пособия по изучению иностранного языка самых значимых в культурном отношении имен собственных. Учебные материалы по русскому языку как иностранному и арабскому языку как иностранному являются значимым объектом исследования, так как содержат аутентичную информацию о культуре изучаемого языка, особенно в условиях возрастающей потребности в межкультурном взаимодействии.

Ключевые слова: имена собственные, учебный текст, этнокультурный компонент, русский язык как иностранный, арабский язык как иностранный, межкультурная коммуникация.

Введение в проблему исследования. Онимы играют важную роль в сохранении и передаче традиций и ценностей народа, поэтому их изучение способствует более глубокому пониманию уникальных особенностей национальной культуры того или иного

этноса. Кроме того, правильное употребление и восприятие имен собственных в речи влияют на успешную коммуникацию в межкультурном диалоге, отправной точкой к которому являются учебные тексты по освоению иностранного языка. Учебные материалы включают наиболее значимые в культурном отношении имена собственные, поэтому их изучение представляет особый интерес для авторов.

Существует достаточное количество работ, подтверждающих причину отбора онимов для включения их в учебник по обучению языку для иностранных граждан с учетом культурной обусловленности и знаковости имени. Так, исследователи: Н.В. Бубнова [1], Е.Ю. Прохорова, А.М. Мезенко [2] и др. – отмечают, что ведущим принципом изучения иностранного языка является включение в этот процесс социокультурного компонента: невозможно изучать язык без его связи с культурой народа. Абстрактное изучение языка, без погружения в языковую среду и без формирования системы фоновых знаний приводит к дезадаптации иностранцев. Поэтому именно «включённое» обучение, под которым мы понимаем обращение к этнокультурной среде, способствует эффективному обучению иностранному языку. Таким элементом включения и являются имена собственные, обладающие высокой культурологической ценностью. Отбор системы имен для учебного текста может быть субъективным, в силу специфики учебного заведения, в котором составляется материал учебника. Имеем в виду, что если обучение происходит, например, на базе военного училища, то система антропонимов в текстах этого вуза будет связана с военными деятелями. В связи с этим возникает необходимость поиска объективных принципов для включения в учебники онимов, соответствующих той части концептосферы этноса, которая совпадает у большинства носителей одной культуры. В нашей работе предпринята попытка верификации принципа объективности при отборе онимов, представленных в изученных нами учебных текстах.

Концептологические основания исследования. Вслед за авторами: Н.А. Буре, М.В. Быстрых, С.А. Вишняковой [3, с. 42] – считаем, что учебный текст полифункционален и содержит прагматическую и мотивационную составляющие. Тексты учебных изданий по иностранному языку должны не только заинтересовать в освоении дисциплины, но и включать фоновую информацию, экспликация которой способствует формированию концептосферы народа изучаемого языка. Каждое имя включает универсальные базовые смыслы, характерные для всех языков, однако выражаются они индивидуально, согласно особенностям каждой культуры. Обнаруживаемые повсюду семантические примитивы, по мнению А. Вежбицкой [4, с. 34], свидетельствуют как о единстве восприятия окружающего мира людьми разных народов, так и о перспективах взаимопонимания между ними в межкультурном взаимодействии. Согласно теории Анны Вежбицкой, значения слов и выражений разных культур разложимы на универсальные базовые элементы, такие как человек, делать, хороший, можешь и другие. Выявление элементарных смыслов в структуре имени собственного также позволяет обнаруживать ядерные компоненты значения, так, онимы – *Александр* и *Мохамед* – включают сему «добро». Однако этимологический анализ данных имен свидетельствует о разноаспектности про-

явления этой моральной категории: «желающий добра» (перспективное значение) – у имени *Александр*; «оцениваемый положительно за добрые поступки» (ретроспективный план) – у *Мохамеда*. В нашей работе мы обращаемся к поиску этнокультурных смыслов, что не соотносится с теорией А.Вежбицкой, ориентированной на поиск универсалий, поэтому используем сопоставительный метод русских и арабских имен собственных на материале учебных текстов с учетом методики лингвокультурного анализа.

Постановка проблемы. Проблема исследования заключается в недостаточной изученности учебного текста как источника культурно обусловленной информации, несмотря на его ключевую роль в процессе познания другой культуры и освоения национального языка иностранцами. Полагаем, что изучение ономастических единиц в учебном дискурсе, обладающих высокой степенью этноспецифичности и отражающих уникальные черты национальных культур, позволяет глубже понять особенности представителей различных лингвокультурных общностей.

Цель исследования – выявление и сопоставление национально-культурных особенностей употребления имен собственных в учебных текстах по русскому языку как иностранному (далее – РКИ) и арабскому языку как иностранному (далее – АКИ).

Методология. Для анализа онимов, функционирующих в учебных пособиях, применяется сопоставительный метод, приемы контекстуального, компонентного анализа. В результате анализа 22 актуальных учебных пособий по РКИ и АКИ осуществлена выборка имен собственных из учебных текстов – 2188 ономастических единиц, выделено 11 микросистем среди всего корпуса онимов – концептуальных моделей для анализа языковых единиц, объединённых общей функцией: номинацией людей, животных, локаций и др., составлен список наиболее частотных имен собственных (далее – ИС) в исследуемых языках, выявлены дифференциальные и универсальные особенности онимов, проведен опрос 39 студентов из РФ и арабских стран для верификации отбора антропонимов в качестве учебного материала.

Результаты исследования. Выделенные нами типы онимов (антропонимы, топонимы, ИС учреждений, зоонимы, ИС праздников, произведений, кампаний, блюд, космонимы мифонимы) связаны с объектами материальной и духовной культуры и, с точки зрения авторов [2; 5], ориентированы на лучшее понимание мировосприятия носителей изучаемого языка.

В данной работе изучение этнокультурных особенностей групп онимов на материале учебного корпуса по РКИ и АКИ представлено по убыванию – по количеству упоминаний в учебных текстах, и опирается на линейный сопоставительный анализ имен собственных.

Наиболее значимой группой, судя по частотности ономастических единиц (66% номинаций в текстах по РКИ, 60% – в текстах по АКИ) и возможности передавать культурные особенности того или иного этноса, являются антропонимы. Эта группа связана с этнокультурной принадлежностью онимов. Русские имена зачастую заимствованы из греческого, например, *Александр*, *Виктор*, *Евгений* и др. Среди женских имен в учебных текстах наибольшей частотностью обладает имя *Мария*, связанное с историей христианства и особой ролью в нем *Девы Марии* как матери Иисуса Христа.

В учебных текстах по РКИ находим не только имена персонажей, но и номинации известных в различных областях деятелей: *Александра Пушкина, Павла Бажова, Дмитрия Ивановича Менделеева, Антона Павловича Чехова*.

Арабские имена отражают исламскую культуру: являются символом веры и духовности, а также актуализацией ценностей и убеждений, в частности: *Мохамед* (напоминает о первом имени пророка), *Ая* (о главе Корана), *Абдалла* (о человеке от Бога), *Фатима* (о матери пророка). Наиболее употребляемое имя – *Ахмед* (90% из списка мужских имен) – является одним из наименований пророка *Мохамеда*, означает 'просветленный'. Исходя из уважительного отношения к пророку, мусульмане избегают использования его имени в речи и на страницах учебников, в том числе.

Среди женских имен в пособии по АКИ доминируют онимы *Фатима* и *Зейнаб* (قمطاف و بن يز و). *Фатима Захра* (عارفلا قمطاف) – четвёртая дочь пророка Мохамеда, имя которой означает 'отнятое от груди дитя'. Имя *Зейнаб* (بن يز) означает 'украшение отца' и включает такие смысловые компоненты, как: *красивая, для отца*. Это имя связано с литературным персонажем – *Али-Бабой*, жену которого звали *Зейнаб*, что скорее является исключением из общего правила о связи арабского имени с мифом.

Этнокультурной особенностью антропонимов в русской традиции является их историко-культурный контекст: онимы связаны с именами известных личностей из русской истории и литературы; в арабской культуре имяназвания доминирует религиозный аспект: имена ассоциированы с исламскими традициями и верованиями.

Процесс определения базовых понятий в структуре онима на уровне восприятия имени применим, скорее, к арабским именам, которые всегда обусловлены определенным и понятным для всех носителей арабского языка смыслом. В русской культурной традиции имена соотносятся не столько со смысловыми компонентами, сколько с реализацией ими эстетической функции. Хотя, безусловно, все русские имена тоже включают базовые смысловые компоненты, выявляемые в результате этимологического анализа.

Семантические особенности антропонимов в обоих языках свидетельствуют: 1) об их производности от слов разных частей речи; 2) о положительной оценочности всех базовых смысловых компонентов, входящих в структуру имени. Так, многие русские имена образованы от глаголов или прилагательных, имеющих мелиоративную окраску: например, *Владимир* – 'владеть миром'. Этот антропоним является самым распространённым в учебных текстах по РКИ. Арабские имена тоже образованы от корней с положительной коннотацией, например, *Али* 'высокий, благородный', *Хабиба* 'любимая', *Омния* 'желанная', *Хади* 'спокойный', *Салиха* 'благочестивая', *Ая* 'чудо', *Амр* 'процветающий', *Махер* 'профессионал, мастер' и др.

Структурные особенности ономастических единиц характеризуются включением в состав антропонима разного количества компонентов. Русские имена трёхкомпонентные: включают имя, отчество, фамилию, чаще всего односложные или двусложные: *Иван, Анна*. Антропонимы в арабском языке, как правило, многосложные: *Абдуллах, Мохамед*, состоят из четырех, пяти и даже шести компонентов, в зависимости от пожеланий родителей: имени (исм – اسمال), фамилии (нисба – نسبسن), отчества (насаб – ناسبسن);

наследственного имени (лакаб – بقلل). Факультативным компонентом может быть второе имя ребенка, второе имя отца, имя прадедушки, которое при переводе с арабского на русский язык выступает в качестве фамилии. Например, *Шарафелдин (имя прадедушки) Мохамед (имя) Резк (отчество) Халифа (имя дедушки); Абобрака Ахмед Мохамед Мохамед Юнес Хассан*. Причем по семантике компонентов можно определить происхождение носителя арабского имени: если в его структуре имеется компонент 'имя матери' или 'фамилия матери', то этот человек из Сирии: *Альюнис (фамилия) Мохамед (имя) Ахмед Рамадан (имя отца) Хагер (имя матери)*; если все компоненты патронимического характера, то гражданин – из Египта.

В отличие от текстов по русскому языку, в учебниках по АКИ встречаются разные формы обращений к человеку по имени: 1) с использованием звательной частицы йа: *йа Бадр (ردب اي)*, *йа Фатима (قمطاف اي)* [для сравнения в русской культуре для обращения используется особая звательная интонация – вокативная: «Владимир, где находится деканат?»]; 2) с добавлением слов *абу* 'папа' или *ума* 'мама' при обращении к тем, у кого есть сын или дочь: *Абу Салех (حل اص وب)* – 'папа Салеха', *Абу Мустафа (يفطصم وب)* – 'папа Мустафы', *Ума Карим (ميرك م)* – 'мама Карима'; 3) с добавлением слова *устаз* (ذاتسأ) 'учитель' при обращении к преподавателю или человеку с высшим образованием: *устаз Мурад (دارم ذاتسأ)*; 4) с включением в официально-деловой речи вежливой формы обращения: шейх, саид (ديس), саида (قديس), аниса (قسنأ) 'незамужняя женщина': *саид абу Махер (رهام وبأ ديس)*, *саида Самира (قريمس قديس)*; 5) с присоединением артикля аль-, указывающего на происхождение или место жительства человека: *ат-Туниси (يسن وتلا)* ('тунисец'), *аль-Масри (يرصملا)* 'египтянин'; 6) с упоминанием прозвищного имени (лакаб, кунья), которое может указывать на разные характеристики человека: *ас-Сиддики (قيدصلال)* 'первый муж Айши', *аль-Харизми (ميرزاوخلال)* 'математик, создатель системы цифр'.

С точки зрения компонентного анализа, для структуры русского антропонима актуальны семы: *ты, часть, отец, семья*; в арабском языке структура имени является более сложным понятием и включает больше семантических частей: помимо указанных выше, также значимо наличие у человека детей, уровень его образования, происхождение и социальный статус, отличительные особенности внешности или характера. В результате добавления к антропониму частиц и элементов вежливости, уважения в арабском языке передаются эмоциональные компоненты: 'чувствовать', 'говорить'. В русских именах такие компоненты смысла появляются в результате деривационных отношений между онимами: употребляются уменьшительно-ласкательные формы (*Сашенька, Машенька*), что отражает особую эмоциональную окраску отношений между людьми. В обеих культурах происходит варьирование имен в зависимости от ситуации и отношений с собеседником. Так, в формальной обстановке лучше использовать полные имена *Михаил, Александр, Мохамед*, а в неформальной – краткие или прозвища: *Миша, Саша, Хамуди*.

Анализ топонимов в учебных текстах – второй по значимости группы онимов (23% упоминаний) – показал, что в текстах по РКИ номинации имеют светский характер: ИС связаны с историческим наследием России и искусством: *Москва, Петербург, Эрми-*

таж, Большой театр, балет «Жизель», «Лебединое озеро»; в текстах по АКИ топонимы (18% употреблений) ассоциированы с религиозным аспектом жизни арабского общества и его ключевыми локациями: Меккой, Мединой, мечетью аль-Харам. Если в учебных текстах по РКИ упоминаются только два самых известных города РФ и знаковые достопримечательности, связанные с культурой и знакомые любому иностранцу, то в текстах по арабскому языку видим демонстрацию знаковых объектов с религиозной точки зрения – названия священных мест. Среди топонимов можно выделить и названия улиц, которые в арабских странах всегда связаны с известными личностями: членами королевской семьи, президентами, военными и др. Например, улица *Тарика ибн Зияда* (دايز بن قراط عراش).

Группа «ИС праздников» показывает, что в российской культуре к знаковым событиям относится широкий круг понятий: *Новый год, День рождения, Пасха, День победы*. Для мусульман праздниками считаются только священные с религиозной точки зрения события: *Эид аль-Фитр* (араб. عيد رُفطْل – 'праздник прекращения поста'), *Эид аль-ад-ха* (عيد الضال دي ع) 'праздник жертвоприношения').

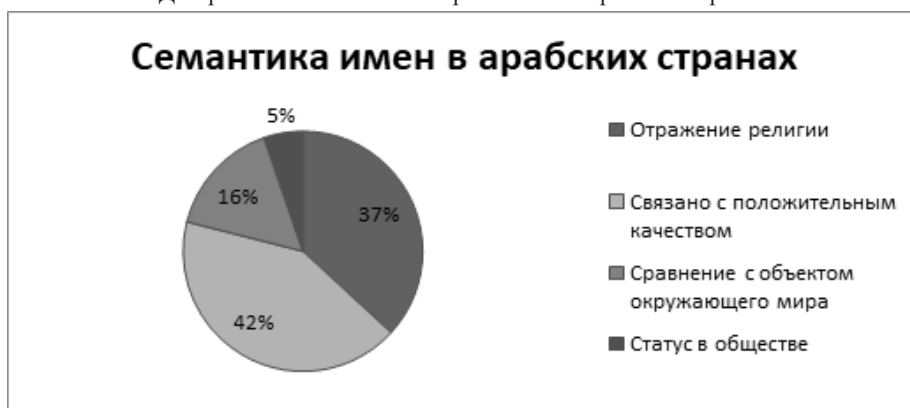
Отметим также несколько, с нашей точки зрения, групп онимов, изучение которых свидетельствует о значимых особенностях анализируемых культур. Так, в текстах по РКИ находим зоонимы (*Дружок, Мурка* – 3% употреблений), что обусловлено наличием тесной связи человека и животного, воспринимаемого как члена семьи; в арабской культуре наблюдается отсутствие такой связи (0% употреблений). Среди репрезентантов русской культуры встречаются мифонимы: *Баба Яга, Дед Мороз, Снегурочка* – без обращения в текстах к этим персонажам сложно осознать такую русскую национальную черту, как веру в чудо, волшебство, надежду на русский авось; в учебниках по арабскому как иностранному находим упоминание лишь одного персонажа фольклорных историй – *Джуху*. Исламская мифология носит вторичный характер, восходит к древнеаравийской традиции, поэтому использование мифонимов неактуально для арабских авторов учебников, ориентированных на начальный уровень обучения. Ряд образов, ассоциаций, демонстрирующих связь с мистической стороной жизни в текстах по АКИ, наблюдаем при репрезентации космонимов: *солнце* (شمس), *Луна* (قمر); в текстах по РКИ отсутствуют такие культурные коннотации, наблюдается прямое использование онима: *солнечная система*. Среди «ИС блюд» в текстах по РКИ используются универсальные наименования, не специфичные для русской кухни, демонстрирующие ее повседневность: *«Оливье», картофель, пирожное*; в текстах по АКИ употребляются номинации традиционных восточных кушаний, акцентирующие экзотичность: *«Табула» (салат), Кубба (блюдо из мяса), Мулухия*.

Анализ показывает, что онимы, характеризующие русскую культуру, связаны в большей степени со светским характером обозначения знаковых реалий. Специфическими особенностями онимов в учебных по РКИ является связь с семейными ценностями, историко-литературным контекстом, тогда как онимы, связанные с изучением арабского языка, основаны преимущественно на исламских традициях, уважении к авторитетам и религиозным идеалам.

Для проверки гипотезы об объективности отбора онимов в изучаемых учебных текстах мы провели опрос среди русских и арабских носителей языков. Это студенты Тюменского государственного медицинского университета, в котором обучается на данный момент 326 студентов из арабских стран. Вопросы, предложенные респондентам, касались изучения специфики антропонимов как самой репрезентативной группы в учебниках по РКИ и АКИ.

Исследование показало, что отбор антропонимов, упоминаемых в учебниках по арабскому языку, можно считать объективным, несмотря на год издания пособий. Опрос свидетельствует, что среди мужских имен наиболее популярны *Мохамед* и *Ахмед*. Согласно диаграмме 1, мусульмане часто выбирают имена, связанные с исламскими традициями (37%): *Мохамед*, *Ахмед*, *Юссеф*, *Момен* – онимы ассоциированы с именами пророков. Все так же актуальны имена, имеющие положительную коннотацию, связанные с благословением и удачей (42%). Кроме этого, часть респондентов отметила в качестве причин имянаречения: уважение к старшим членам семьи (26%), почитание религиозных деятелей (37%). Отметим, что арабское имя, как правило, обладает рядом смысловых компонентов, которые семантически насыщены для своего носителя. Кроме того, среди респондентов из арабских стран не было выявлено уникальных и зарубежных имен, что свидетельствует о почитании национальных традиций.

Диаграмма 1. Семантика антропонимов в арабских странах

Патронимическая модель исламского общества проявляется также в наличии приоритета в имянаречении ребенка: имена дают мужчины – отец, редко дедушка – 68%, женская часть семьи – матери, бабушки, сестры – участвует в процессе имянаречения иногда – 32%.

Сопоставив результаты опроса респондентов и анализ антропонимов, извлеченных из учебных текстов, видим, что частотные женские имена в учебниках по РКИ: *Мария*, *Ирина*, *Анна* и др. – не в полной мере совпадают с актуальным списком имен. Среди женских имен наиболее популярно сейчас – *Анастасия*, а также антропонимы: *Екатерина*, *Евгения*, *Жанна*, *Карина* и др.

Основным фактором при выборе имени ребенка в России является благозвучность, субъективное восприятие имени, иногда – соотношение с календарем именин в честь православного святого (Диаграмма 2). Большинство российских имен греческого или латинского происхождения, поэтому семантику имени сложно проследить без обращения к словарям личных имен.

Диаграмма 2. Семантика имен в России

Среди причин в пользу выбора имени в РФ респонденты в основном указали на положительное отношение к имени исходя из личного опыта и особенностей восприятия (45% респондентов), причем 30% опрошенных вообще не знают причины выбора своего имени родителями. Однако в России считают, что имя может положительно влиять на характер и жизнь его носителя. Такая мысль подтверждается различными исследованиями в области фоносемантики [6; 7].

Обсуждение. Общие этнокультурные особенности российских и арабских онимов, которые репрезентируются в учебных текстах, связаны с отражением национальной идентичности. Основные группы онимов: антропонимы, топонимы – присутствуют в обеих культурах и выполняют схожие функции: антропонимы способствуют сохранению памяти о выдающихся людях, внесших вклад в историю и культуру нации; топонимы отображают значимые пространственные ориентиры, формирующие культурный ландшафт и национальные символы.

Полагаем, что более высокая частотность антропонимов и топонимов среди всех типов ИС обусловлена жанровой спецификой учебного текста: обучение языку на начальном этапе подразумевает знакомство с человеком, его бытом, культурой и традициями, локациями, наиболее значимыми для носителей изучаемого языка.

Отличительная особенность ономастических единиц в учебных текстах разных культур выявляется при изучении их соотношенности с оппозицией «светский – религиозный». Так, в текстах по АКИ постоянно присутствует отсылка к религиозности человека арабского происхождения: большая часть онимов связана с исламом. Полагаем, что минимальное присутствие религиозных ИС в текстах по русскому языку как иностранному связано с мультиконфессиональностью населения России и выраженностью светского образа жизни.

Гипотеза о проверке принципа «включенности» онима в текст по наличию в нем со-

циокультурной составляющей подтвердилась: в учебных пособиях используются онимы, имеющие символические и этнические компоненты смысла. Исследование объективности выбора антропонимов в учебных текстах подтверждает тезис об использовании в пособиях по изучению иностранного языка самых значимых в культурном отношении имен собственных. Анализ показал, что онимы в учебных текстах по арабскому языку как иностранному соотносятся с религиозными и традиционными принципами арабской культуры. Корпус, включающий онимы, извлечённые из учебных текстов по русскому языку для иностранных обучающихся, демонстрирует связь со значимыми историческими личностями, литературными текстами, научными фактами и культурными реалиями России. Понимание этих особенностей ономастиконов помогает осознать, как имена участвуют в формировании идентичности и сохранении культурного наследия различных этносов.

Итак, для изучения культурных особенностей того или иного этноса можно использовать учебные тексты, отражающие национальные ономастиконы. Лингвокультурологический анализ онимов позволяет выявить сходства и различия между русской и арабской культурами, заложенными в семантике имен собственных. Выявление культурных кодов и символики, заключенной в именах, важно для эффективной межкультурной коммуникации, в реализации которой в современном обществе присутствует большое количество проблем.

Список литературы

Источники

1. Аль-Фузан А.И., Аль-Тахир М.Х., Фадл М.А. Арабский язык в ваших руках Королевство Саудовская Аравия, Эр-Риад: Каталог Национальной библиотеки короля Фахда, 2014. Ч. А1. 285 с. (نيسح ره اطل راتخم. د. نازوفل مي هارب اب نب نم ح رل ادب ع. د). (سرهف، ١-٨) تادحول لوال عزجل لوال رادصل إل كيدي نيبي عيبر عل باتك، لصف دمحم قل اخل ادب ع (ص ٢٨٥، ٢٠١٤م، عي دوع سل عيبر عل كلكم مل ضايرل، رشنل اءانثأ عي ن طول دهف كلكم مل قبتكم).
2. Аль-Фузан А.И., Аль-Тахир М.Х., Фадл М.А. Арабский язык в ваших руках. Королевство Саудовская Аравия, Эр-Риад: Каталог Национальной библиотеки короля Фахда, 2014. Ч. А2. 285 с. (نيسح ره اطل راتخم. د. نازوفل مي هارب اب نب نم ح رل ادب ع. د). (سرهف، ١-٦) تادحول ي ن اثل عزجل لوال رادصل إل كيدي نيبي عيبر عل باتك، لصف دمحم قبتكم سرهف، (٩-١٦) تادحول ي ن اثل عزجل لوال رادصل إل كيدي نيبي عيبر عل باتك، لصف دمحم قبتكم (ص ٢٨٥، ٢٠١٤م، عي دوع سل عيبر عل كلكم مل ضايرل، رشنل اءانثأ عي ن طول دهف كلكم مل).
3. Аль-Фузан А.И., Аль-Тахир М.Х., Фадл М.А. Арабский язык в ваших руках. Королевство Саудовская Аравия, Эр-Риад: Каталог Национальной библиотеки короля Фахда, 2014. Ч. В1. 285 с. (نيسح ره اطل راتخم. د. نازوفل مي هارب اب نب نم ح رل ادب ع. د). (سرهف، ١-٨) تادحول لوال عزجل ي ن اثل رادصل إل كيدي نيبي عيبر عل باتك، لصف دمحم قبتكم سرهف، (٩-١٦) تادحول لوال عزجل ي ن اثل رادصل إل كيدي نيبي عيبر عل باتك، لصف دمحم قبتكم (ص ٢٨٥، ٢٠١٤م، عي دوع سل عيبر عل كلكم مل ضايرل، رشنل اءانثأ عي ن طول دهف كلكم مل).
4. Аль-Фузан А.И., Аль-Тахир М.Х., Фадл М.А. Арабский язык в ваших руках Королевство Саудовская Аравия, Эр-Риад: Каталог Национальной библиотеки короля Фахда, 2014. Ч. В2. 257 с. (نيسح ره اطل راتخم. د. نازوفل مي هارب اب نب نم ح رل ادب ع. د). (سرهف، ٩-١٦) تادحول ي ن اثل عزجل ي ن اثل رادصل إل كيدي نيبي عيبر عل باتك، لصف دمحم قبتكم سرهف، (٩-١٦) تادحول ي ن اثل عزجل ي ن اثل رادصل إل كيدي نيبي عيبر عل باتك، لصف دمحم قبتكم (ص ٢٥٧، ٢٠١٤م، عي دوع سل عيبر عل كلكم مل ضايرل، رشنل اءانثأ عي ن طول دهف كلكم مل).

5. Аль-Фузан А.И., Аль-Шейх М.А. Арабская книга в руках наших детей. Королевство Саудовская Аравия, Эр-Риад: Каталог Национальной библиотеки короля Фахда, 2018. Ч.1. 84 с. (بانتك، خيشل نمحرل ادبع نب دمحم د، نازوفل ميهارب! نب نمحرل ادبع د). ضايرل، رشنل ءانثأ ةين طول دهف لكل مل قبتكم قسرهف، لوال ءزجل اندالوأ يدي نيبي ةيبرعل (ص ٨٤، ٢٠١٨، ةيدوعسل ةيبرعل ءكل مل).
6. Аль-Фузан А.И., Аль-Шейх М.А. Арабская книга в руках наших детей. Королевство Саудовская Аравия, Эр-Риад: Каталог Национальной библиотеки короля Фахда, 2018. Ч.2. 84 с. (بانتك، خيشل نمحرل ادبع نب دمحم د، نازوفل ميهارب! نب نمحرل ادبع د). ءكل مل ضايرل، رشنل ءانثأ ةين طول دهف لكل مل قبتكم قسرهف، لوال ءزجل اندالوأ يدي نيبي ءكل مل ءيبرعل (ص ٨٤، ٢٠١٨، ةيدوعسل ةيبرعل).
7. Маджали Ф., Мансур, Уроки арабского языка Лондон, 1977. 186 с. (داؤف روتك دل). ءيبرعل، ةيبرعل، روسنم روسي فوربل، يلجم (London, 1977. 186 p.)
8. Салам М.Г. Арабский язык для взрослых. Египет, 2016. 223 с. (لامج دمحم ذاتسأل). (ص ٢٢٣، ٢٠١٦، رصم، رابكلل ةيبرعل بانتك، مالس).
9. Abdur Rahim V. Madinah. Arabic reader. P. 1. New Delhi: Goodword Books, 2014. 98 p.
10. Abdur Rahim V. Madinah. Arabic reader. P. 2. New Delhi: Goodword Books, 2014. 104 p.
11. Abdur Rahim V. Madinah. Arabic reader. P. 3. New Delhi: Goodword Books, 2014. 122 p.
12. Авери М. Русский язык для детей. Сорока. Учебник. М: Изд. группа Автор-онлайн, 2020. 64 с.
13. Афанасьева Н.А., Бойцов И.А., Бойцова М.И. Русское слово: Учебный комплекс по русскому языку для иностранцев / под ред. Юркова Е.Е., Московкина Л.В. М: Издательский центр «Академия», 2006. 184 с.
14. Вятютнев М.Н., Вохмина Л.Л., Кочеткова А.И. Русский язык. Учебник для зарубежных школ Т. 1,2. М.: Русский язык, 1988. 247 с.
15. Долматова О.А., Новачац Е.М. Точка Ру. М: Изд-во «Перо», 2019. 148 с.
16. Дронов В.В., Мальцева И.В., Синячкин В.П. Русский язык для зарубежных школ. Учебник. М: Дрофа, 2009. 179 с.
17. Иванова Э.И. Наше время. Элементарный уровень. М.: Русский язык. Курсы, 2014. 216 с.
18. Чернышов С.И., Чернышова А.В. Поехали! Русский язык для взрослых. Начальный курс: учебник. СПб: Златоуст, 2019. Ч.1. 177 с. Ч.2. 160 с.
19. Юрков Е.Е., Московкин Л.В., Бойцова И.А. Успех. Учебный комплекс по русскому языку для иностранных учащихся. Элементарный уровень. Книга для студента. СПб.: Изд-во МИРС, 2011. 212 с.

Библиография

1. Бубнова Н. В. Лингвокраеведческое антропонимическое учебное пособие для иностранцев как источник фоновых знаний о России // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2014. № 3 (33): в 2-х ч. Ч. I. С. 55–58. ISSN 1997-2911
2. Прохорова Е. Ю., Мезенко А. М. Культурная память онима и преподавание РКИ // Учёные записки Таврического национального университета им. В. И. Вернадского. Серия «Филология. Социальные коммуникации». Том 24(63). Часть 1. 2011. С. 59–64.

3. Буре Н. А., Быстрых М. В., Вишнякова С. А. Основы научной речи: Учеб. пособие. СПб.: Филологический факультет СПбГУ; М.: Издательский центр «Академия», 2003. 272 с.
4. Вежицкая А. Семантические универсалии и базисные концепты. М.: «Языки славянских культур», 2011. 568 с.
5. Черных Ю. С., Макарова О. В. Имя собственное в пространстве учебного текста по арабскому языку как иностранному // Научный диалог. 2025. Т. 14, № 1. С. 137–156. DOI 10.24224/2227-1295-2025-14-1-137-156. EDN YOELAA.
6. Журавлёв А. П. Звук и смысл. 2 изд., испр. и доп. М.: «Просвещение», 1991. 160 с.
7. Шляхова С. С. Фоносемантическая картина мира: к постановке проблемы. Пермь: Изд-во ПНИПУ, 2014. 192 с.

Сведения об авторах

Макарова Ольга Владимировна – кандидат филол. наук, доцент, г. Тюмень, Тюменский государственный медицинский университет, заведующий кафедрой русского языка как иностранного.

E-mail: makarovaov@tyumsmu.ru

Черных Юлия Станиславовна – магистр по направлению «Прикладная лингвистика», г. Тюмень, Тюменский государственный медицинский университет, преподаватель кафедры русского языка как иностранного.

E-mail: july222@inbox.ru

Makarova O. V., Chernykh Y. S.

PROPER NAME AS A CARRIER OF CULTURAL CODE (BASED ON THE MATERIAL OF THE STUDY TEXT)

Abstract: Educational texts play an important role in transmitting the cultural norms and values of a particular ethnic group, and there are different approaches to selecting educational material in different cultures. The aim of this work is to compare the national and cultural features of the use of onyms in educational texts on foreign languages: Russian and Arabic.

As a result of comparative and component analysis of 22 textbooks, a sample of 2,188 onomastic units was selected, and the differential and universal features of anthroponyms, toponyms and other categories of proper names were identified. A survey of 39 students was conducted to verify the selection of anthroponyms as teaching material. The study showed that textbooks use onyms that have symbolic and ethnic components of meaning. The selection of proper names in Arabic as a foreign language textbook correlates with the religious and traditional foundations of Arab culture: The corpus, which includes onyms extracted from Russian language teaching texts for foreign students, demonstrates a connection with significant historical figures, literary texts, scientific facts and cultural realities of Russia. Onyms in foreign language teaching texts perform an allusive function, the perception of which contributes to the expansion of vocabulary and understanding of elements of the culture of the language

being studied. Verification of the objectivity of the selection of anthroponyms in educational texts confirms the thesis about the inclusion of the most culturally significant proper names in foreign language teaching materials. Foreign language teaching materials are an important subject of research, as they contain authentic information about the culture of the language being studied, especially in the context of the growing need for intercultural interaction.

Keywords: *proper names, educational text, ethnocultural component, Russian as a foreign language, Arabic as a foreign language, intercultural communication.*

Reference

1. Bubnova N.V. Lingvokraevedcheskoe antroponimicheskoe uchebnoe posobie dlya anthroponymic textbook for foreigners as a source of background knowledge about Russia]. In: Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki [Philological Sciences. Issues of Theory and Practice], 2014, Tamboff: Gramota, 3(33), I, 55–58. ISSN 1997-2911.
2. Prokhorova E.Yu., Mezenko A.M. Kul'turnaya pamyat onima i prepodavanie RKI [The cultural memory of the onoma and teaching Russian as a Foreign Language]. In: Uchenye zapiski Tavricheskogo nacional'nogo universiteta imeni V.I. Vernadskogo [Scientific Notes of Taurida National University named after V.I. Vernadsky], Series "Philologia. Social Communications", 2011, 24(63), 1, 59–64.
3. Bure N.A., Bystrykh M.V., Vishnyakova S.A. Osnovy nauchnoj rechi: Ucheb. posobie [Fundamentals of scientific speech: Textbook]. St. Petersburg: Filologicheskii fakul'tet SPb-GU; Moscow: Izdatel'skiy tsentr "Akademiya", 2003, 272 p.
4. Vezhbitskaya A. Semanticheskie universalii i bazovye kontsepty [Semantic Universals and Basic Concepts]. Moscow: Yazyki slavyanskikh kul'tur, 2011, 568 p.
5. Chernykh Yu.S., Makarova O.V. Imya sobstvennoe v prostranstve uchebnogo teksta po arabskomu yazyku kak inostrannomu [Proper name in the educational text space for Arabic language as a foreign language]. In: Nauchnyy dialog [Scientific Dialogue], 2025, 14, Issue 1, 137–156. DOI: 10.24224/2227-1295-2025-14-1-137-156.
6. Zhuravlyov A.P. Zvuk i smysl [Sound and Meaning]. Second edition, revised and supplemented. Moscow: Prosveshcheniye, 1991, 160 p.
7. Shlyakhova S.S. Fonosemanticheskaya kartina mira: k postanovke problemy [Phonosemantic picture of the world: towards problem formulation]. Perm': PNRPU Publ, 2014, 192 p.

Makarova Olga Vladimirovna – Candidate of Philological Sciences, Associate Professor, Tyumen, Tyumen State Medical University, Head of the Department of Russian as a Foreign Language.

E-mail: makarovaov@tyumsmu.ru

Chernykh Yuliana Stanislavovna – Master of Applied Linguistics, Tyumen, Tyumen State Medical University, Lecturer, Department of Russian as a Foreign Language.

E-mail: july222@inbox.ru

УДК 7.011

DOI: 10.29039/2413-1695-2025-11-4-83-95

**ОБРАЗ СМЕРТИ КАК ИНСТРУМЕНТ ФОРМИРОВАНИЯ
НАЦИОНАЛЬНОЙ ПАМЯТИ В УКРАИНСКОМ КИНЕМАТОГРАФЕ
ПОСТСОВЕТСКОГО ПЕРИОДА (ДО 2014 ГОДА):
ИДЕОЛОГИЧЕСКИЕ КОНСТАНТЫ И ТРАНСФОРМАЦИЯ МИФОВ**

Грицай Л. А.

***Аннотация:** В статье рассматривается образ смерти как идеологически нагруженный медиатекстуальный элемент в украинском кинематографе постсоветского периода до 2014 года, выполняющий функцию трансляции и закрепления элементов национальной памяти; через призму анализа ключевых фильмов, созданных в период с 1990 по 2014 годы, исследуется, каким образом смерть становится не только художественным мотивом, но и политическим инструментом, с помощью которого формируются новые мифы национальной идентичности, основанные на культе жертвы, героизма и перманентного противостояния с «внешним врагом» в лице России. В статье подчеркивается, что в условиях утраты единого культурного кода после распада СССР украинское кино активно переосмысляет архетипические модели смерти, отказываясь от общерусской религиозной и исторической семантики в пользу сакрализованного образа национальной жертвы, поэтому особое внимание уделяется идеологическим константам – устойчивым структурам, через которые репрезентируется смерть как акт политической и культурной миссии. Также анализируется процесс трансформации традиционных дохристианских и православных мифов, где культ древнеславянской богини смерти Морены и архетип «Небесной сотни» становятся новыми опорными точками коллективной памяти. Выводы статьи позволяют утверждать, что украинский кинематограф в исследуемый период функционировал как медиатор политической мифологии, формируя установки, актуализированные уже в постмайданный период.*

***Ключевые слова:** смерть, национальная память, украинский кинематограф, идеология, миф, постсоветское пространство, культурный код, Украина, Россия.*

Введение

Современные исследования визуальных и медиатекстуальных стратегий формирования национальной памяти обнаруживают возрастающее значение образа смерти как инструмента символического и идеологического воздействия на массовое сознание, поэтому актуальность настоящего исследования определяется необходимостью анализа того, как в украинском кинематографе постсоветского периода образ смерти стал использоваться не только в художественном, но прежде всего в политико-культурном контексте, трансформируясь в элемент национального мифотворчества, задающего ориентиры коллективной идентичности.

Целью данной работы является выявление и систематизация идеологических констант, закрепленных через репрезентацию смерти в украинских фильмах, а также описание процесса трансформации мифов, задействованных в этих репрезентациях; научная новизна исследования заключается в попытке прочтения украинского кино как пространства символической борьбы за интерпретацию смерти и бессмертия в условиях культурного и политического противостояния с Россией; методологической основой работы служат культурологический, нарратологический, семиотический подходы и дискурс-анализ; в качестве материала исследования рассмотрены фильмы как медиатексты, содержащие в себе устойчивые и варьируемые модели смерти: выбор периода до 2014 года обусловлен тем, что именно в этот отрезок времени формировалась фундаментальная мифология национальной памяти в условиях постсоветской неопределенности, и именно тогда закладывались культурные коды, которые впоследствии, после событий Евромайдана, приобрели более открыто милитаристский и сакрально-жертвенный характер.

Результаты исследования

Анализируя корпус научной литературы, посвященной феномену репрезентации смерти в киноискусстве, прежде всего необходимо отметить, что смерть в кинематографе выступает не только как онтологическое или эстетическое явление, но и как идеологически нагруженный нарративный элемент, используемый в целях формирования коллективной и, в частности, национальной памяти, поэтому в условиях постсоветской Украины, где историческая идентичность трансформировалась, экранный образ смерти приобрел особую значимость, становясь одновременно пространством травмы, актом сопротивления и инструментом мемориальной политики.

М. В. Скрипкар подчеркивает, что кино в настоящее время оказывается одним из наиболее эффективных механизмов формирования моделей отношения к смерти, транслируя определенные сценарии переживания, интерпретации и воспоминания о ней, эти сценарии, в зависимости от политико-исторического контекста, могут быть героическими, обывденными, криминализированными или трагически-деформированными [1, с. 130].

Как подчеркивает С.В. Ковалева, экранное влечение к смерти укоренено в бессознательном и часто актуализируется в ситуациях кризиса – будь то революции, войны или социальная катастрофа [2, с. 88]: подчеркнем, что смерть в украинских фильмах постсоветского периода редко предстает как нейтральное или естественное завершение жизненного пути; напротив, она почти всегда окрашена в экзистенциально-несправедливые тона, что, скорее всего, связано с историческим опытом травмы, насилия и угнетения, украинском киноконтексте смерть зачастую представляет собой итог репрессий со стороны тоталитарной власти – будь то царская Россия, СССР или коллективный образ русской оккупации, таким образом, смерть становится неотъемлемой частью нарратива национального страдания.

Отметим, что в украинском кинематографе этого периода смерть нередко выполняет функцию восстановления исторической справедливости, превращаясь в знак жертвы, чья гибель вызывает у зрителя не только сочувствие, но и мобилизующее чувство долга

памяти, таким образом, возникает устойчивый мифологический паттерн: украинец гибнет от руки русского (имперского, советского или современного), и именно этот мотив конституирует основу национального кинематографического мифа о страдании.

Интересной в этом контексте является позиция К.А. Бутакова, который акцентирует внимание на том, что восприятие экранной смерти определяется не столько реализмом изображения, сколько степенью символической нагруженности сцены [3, с. 188]: в украинском кинематографе смерть несет в себе конкретную идеологическую маркировку: смерть может быть обыденной, но все же в ней ощущается внутреннее напряжение, драматизм или даже сакральность, если она случается в условиях репрессивного давления извне.

Смерть в украинских фильмах может быть также героической, особенно когда речь идет об антисоветском или антиимперском сопротивлении, такие образы создаются в противовес советской концепции «смерти ради Родины», заменяя ее на смерть ради независимости, достоинства и памяти, как пишет О. Кириллова, мортальный кинокод позволяет вскрыть скрытые культурные смыслы, формирующие коллективное бессознательное, где смерть становится знаком идентичности [4, с. 80].

М.А. Антипов, анализируя репрезентации смерти в кинохорроре, подчеркивает, что сама по себе смерть в фильмах не несет страха, если не снабжена соответствующим социальным и культурным контекстом [5, с. 300], применительно к украинскому кинематографу можно утверждать, что страх смерти здесь не просто экзистенциальный – он глубоко историчен и политически окрашен. Именно память о массовых репрессиях, голодоморе, депортациях и войнах делает смерть в украинском кино не универсальной, а культурно специфической.

Таким образом, репрезентация смерти в украинском кинематографе становится важным механизмом формирования национальной памяти, где трансформация мифов осуществляется через реконструкцию сценариев умирания: от насильственной смерти от рук внешнего врага – к героической гибели в борьбе за идентичность; от обыденной смерти – к сакральной жертве: экранизация смерти, таким образом, выполняет не только повествовательную, но и мемориальную, а нередко и политическую функцию, определяя границы исторического воображения и конституируя культурный «я» украинской нации.

Важно подчеркнуть, что в постсоветский период, когда Украина обрела государственную независимость, украинский кинематограф начал выполнять не только культурно-художественную, но и активную идеологическую и идентификационную функцию, направленную на конструирование новой исторической памяти, отличной от советского нарратива, и в этой новой памяти ключевым элементом стал образ смерти как инструмент переосмысления национальной идентичности, коллективной травмы и границ между «своими» и «чужими»: в этом процессе происходило сознательное «очищение» исторического сознания от доминирующих ранее советских мифов, в том числе о «братстве народов», которые, как подчеркивает П. Штепа, были идеологическим прикрытием для культурной и политической экспансии Москвы [6].

Следуя логике П. Штепы, украинская идентичность строилась как оппозиционная по отношению к «московству», которое он трактует не как особый историко-культур-

ный тип, укорененный в ордынской, варварской, азиатской модели власти, морали и мироощущения, так, в своей работе «Московство: его происхождение, содержание, формы и историческое развитие», Штепа утверждает, что москаль – это тот же ордынец, который не может быть «улучшен или окультурен» [Штепа, 2005, с. 218], этим обосновывается его резкое суждение о непримиримости украинского и московского миров: «Никогда не было, нет и не будет мира между Украиной и Московщиной. Не может, так как украинский и московские народы – это две противоположности, такие же, как Христос и Антихрист, христианство и сатанизм, правда и ложь» [6, с. 303]. Таким образом, взаимоотношения между Россией и Украиной осмысляется как онтологическая и цивилизационная граница между двумя несовместимыми сущностями.

Исходя из этого, культ смерти, активно репрезентируемый в украинском кино, стал многоуровневым символом исторической травмы (например, Голодомора как геноцида), мстительного воздаяния (необходимости убийства врага – москаля), сакрализации жертвы (готовности умирать за Родину) и даже обращения к дохристианским архетипам, таким как образ Морены – древнеславянской богини смерти, персонифицирующей циклическую гибель и обновление. Таким образом, кинематограф создает целостную мифопоэтику смерти, в которой смерть представляется не как конец, а как форма сопротивления, свидетельства и национального перерождения.

Важным компонентом этого культурного сдвига является переосмысление русского отношения к смерти, традиционно ассоциируемого с бесстрашием, фатализмом и героизмом: в украинском дискурсе эти черты начинают интерпретироваться как доказательство иррациональности, разрушительности и культурной чуждости московской ментальности, противопоставляемой трагически-созидательному отношению украинца к смерти как жертве за правду и свободу. Такое смещение акцентов, несомненно, говорит о попытке не только выстроить новую национальную идентичность, но и противопоставить ее культурной матрице советского понимания.

Формирование подобного нарратива было бы невозможным без вмешательства внешних акторов, поэтому отдельные политические аналитики подчеркивают, что после распада Советского Союза почти все постсоветские республики, включая Россию, обрели признаки неосознанной колониальности, обусловленной политическим и экономическим контролем со стороны Запада, так, об этом говорит полковник СВР в отставке А. О. Безруков, указывая на необходимость переустройства социально-экономической модели [7]. Это заявление имеет прямое отношение к обсуждаемой теме, так как конструирование украинской идентичности как антироссийской может рассматриваться как часть широкомасштабного геополитического проекта, направленного на дестабилизацию евразийского пространства через конфликт бывших союзных республик.

Таким образом, в сознании молодежи формируется качественно иная историческая память, искажающая истинные события прошлого. Следует отметить, что значительная часть современных исследователей трактует историческую память как конструируемый и управляемый феномен, так, Н.В. Немирова подчеркивает интегративную функцию героической памяти, утверждая, что осознание сопричастности к национальной исто-

рии способствует формированию гражданской идентичности [8, с. 158], однако в условиях информационной войны и идеологического давления героическая память легко трансформируется в инструмент политической мобилизации, поэтому М.А. Белоусова акцентирует внимание на том, что содержание героической памяти зачастую диктуется государственной исторической политикой, а ее успешная интериоризация зависит от личной идентификации с историческими персонажами [9, с. 36].

При этом в условиях информационной фрагментации и глобализации памяти, молодежь все чаще сталкивается с конкурирующими интерпретациями прошлого, С.Г. Воскобойников и Т.В. Щукина предупреждают, что в таких условиях возникает «фрагментированная память», ослабляющая когнитивную связность исторического опыта и делающая общество уязвимым к манипуляциям [10, с. 15], в этом контексте украинский кинематограф можно рассматривать как инструмент не только художественной репрезентации, но и идеологической мобилизации, с помощью которого изменяется историческая память народа: формируется устойчивое восприятие врага, сакрализуется жертва и кодифицируется коллективная травма.

Для исследования образа смерти как инструмента формирования национальной исторической памяти в украинском кино целесообразно опираться на следующие аналитические категории:

1. Типология смерти: героическая (добровольная), мученическая (навязанная), символическая (в метафизическом ключе), случайная (жертва системы).
2. Образ врага: визуально, вербально и структурно оформленный образ России или русского (москаля) как институционализированного носителя зла.
3. Семиотика жертвы: способы визуализации страдания, способы представления тела, язык смерти (молчание, крик, камера смерти).
4. Историко-политический контекст: способы встраивания образа смерти в нарративы сопротивления (УНР, УПА, голодомор, сталинские репрессии).
5. Культ смерти: способы легитимации смерти как единственно возможного и правильного выбора в контексте исторической миссии нации.
6. Нарративный диалог с Россией: формы противостояния, диалоговость/монологичность конфликта, роль смерти в этом диалоге.

Рассмотрим образ смерти в ключевых украинских фильмах изучаемого периода:

1. «Голод-33» (реж. Олесь Янчук) представляет смерть как итог коллективного геноцида, организованного репрессивной советской (а значит – русской) властью, здесь смерть не является актом индивидуального выбора – напротив, она предстает как результат систематического уничтожения народа за его этническую и культурную инаковость. Гибель членов одной большой семьи – это не только личная трагедия, но и символ очищения через страдание, в котором выживший ребенок становится свидетелем и носителем памяти, ритуально перенимающим роль хрониста. а Россия, представляемая через большевиков и их власть, воплощает безличную, но при этом персонифицированную машину уничтожения: холодную, бесчеловечную, неизбежную. Таким образом, образ смерти становится транслятором национальной боли и источником кристаллизации исторического мифа.

2. «Венчание со смертью» (реж. Николай Мащенко) радикализует образ смерти, превращая его в ритуальный акт власти: расстрелы «врагов народа» превращаются в своего рода инициацию, так, лейтенант НКВД Щербаков, убивающий не только приговоренных, но и свидетелей, предстает как фигура «слуги смерти», институционально санкционированной репрессивной системой, его внутренний конфликт, сочетающий ужас, отвращение и привычку, служит способом передачи зрителю внутренней опустошенности и демонизированности служения государству-убийце, здесь советская Россия – не только исторический враг, но и культурный антиархетип: государство, ритуализирующее смерть как инструмент контроля.

3. «Железная сотня» (реж. Олесь Янчук) представляет смерть как часть героического эпоса, в котором каждый погибший повстанец становится фигурой памяти, частью коллективного тела нации, так, в контексте борьбы УПА против МГБ и Войска Польского, смерть трактуется как жертвенное служение и элемент «вечной войны», которая по своей сути не завершена, здесь культ смерти окончательно институционализирован: священник венчает бойцов не только в браке, но и в борьбе, трансформируя жизнь и смерть в единый литургический акт, Россия – в лице МГБ – лишена индивидуальности: это воплощение имперского насилия, а смерть – способ очищения от него.

4. «Собор на крови» углубляет концепцию сакрализованной смерти, представляя жертвы как свидетелей исторической правды, поэтому каждый из персонажей (Коновалец, Бандера, Шухевич) становится мучеником, смерть которого трактуется не только как личный выбор, но как национальная необходимость, без которой невозможна трансформация народа в нацию, Россия в этом сериале окончательно формируется как фигура цивилизационного антагониста, а смерть – как способ достижения морального превосходства.

Образ смерти и образ врага в украинском кинематографе постсоветского периода не просто пересекаются, но являются структурно неразделимыми: в каждом акте смерти раскрывается суть врага, а через враждебность Другого раскрывается ценность смерти как акта сопротивления. Россия как образ врага не обязательно наделяется визуальными признаками, так, она может быть идеологией (коммунизм), системой (империя), голосом (приказ, реплика), но всегда она – трансцендентное зло, требующее жертвенной реакции. Эта взаимосвязь формирует особый культ смерти, в рамках которого умирающий становится не только героем, но и медиатором исторической истины, вестником, пророком, его смерть – не потеря, а приобретение: возвращение к истоку, к Украине как вечной земле сопротивления. Таким образом, смерть здесь – это правильный выбор, глубоко укорененный в историческом контексте «вечной войны с москалем», которая по логике кинематографического повествования не может завершиться, пока жив украинский народ.

Особенно ярко эти темы воплощаются в фильмах «Молитва о гетмане Мазепе» (2001) режиссера Юрия Ильенко и «Вий» (2014) режиссера Олега Степченко, несмотря на радикально различную жанровую специфику – готический триллер с элементами фэнтези и историко-авангардистскую аллегорию соответственно.

Необходимо отметить, что в обоих фильмах смерть перестает быть просто метафизическим фактом или жанровым тропом и превращается в медиатор культурной и исторической травмы, встроенной в мифопоэтический нарратив, который обслуживает конкретные идеологические установки: в «Молитве о гетмане Мазепе» смерть – в частности, смерть символическая, ритуализированная и театрализованная – становится первичным жестом мифотворчества, задающим контуры альтернативной исторической памяти, в которой гетман Мазепа, традиционно рассматриваемый как изменник, переосмысливается в ключе мученика и пророка национального возрождения; уже в прологе фильма, в сцене, где рука мертвого гетмана вырывается из гроба и хватается за горло фигуру Петра I, происходит буквальное воскресение исторического мифа, восставшего из глубин национального подсознания. Эта сцена иллюстрирует не только трансгрессию границ между жизнью и смертью, но и метафорическую месть памяти – возвращение вытесненного нарратива, призванного деконструировать российский исторический канон. Таким образом, смерть здесь предстает как акт демифологизации «имперского» прошлого, одновременно замещающий его новым мифом – мифом страдающей, но восстающей Украины, чья историческая субъектность формируется через мученичество и жертвенность.

В противоположность этому, «Вий» (2014), снятый в рамках копродукционного проекта с участием преимущественно иностранных инвесторов и ориентированный на массового западного зрителя, предлагает совершенно иную типологию смерти: не героическую, а дегуманизированную и чудовищную, стилизованную под готическую эстетику и ужасы европейского «востока», здесь смерть – не возвращение к памяти, а стирание культурной субъектности через ее демонстративное варварство, поэтому население условной «Малороссии», среди которого происходит действие, изображается как архаичная, суеверная, почти инфернальная общность, неспособная к рациональному бытию и подверженная влиянию темных, деструктивных инстинктов. Местный священник оказывается моральным извращенцем и убийцей, тем самым символически уничтожая сакральный авторитет как источник национального достоинства, в данном контексте смерть девицы, принесенной в жертву развращенным клириком, и последующее сражение европейского картографа с темными силами выступают как аллегория «очищения» пространства от традиционной идентичности, представленной как патологическая, иначе говоря, в «Вие» смерть становится не местом памяти, а инструментом колониального взгляда, маргинализирующего локальное в пользу «просвещенного» и рационального Запада.

Таким образом, в обоих фильмах смерть функционализирована как ключевой идеологический механизм, однако вектор ее использования существенно различается: в «Молитве о гетмане Мазепе» смерть сакрализуется и национализуется: она носит характер мифологической ритуализации, призванной выстроить мост между прошлым и будущим, между трагедией поражения и надеждой на восстановление исторической справедливости, поэтому этот кинематографический жест является репрезентацией не столько смерти как конца, сколько смерти как акта трансцендентной истины, воплощаю-

щей в себе парадигму «жертвенного национального героя»; в то же время в «Вие» смерть десакрализируется и демонстрируется в своем антропологически униженном виде: как социальная патология, как метафора культурной отсталости, подлежащей устранению с помощью просвещенной внешней силы. Получается, что в фильме Ильенко смерть – это портал в национальное возрождение, то у Степченко – симптом неизлечимой цивилизационной болезни.

Кроме того, важно отметить, что оба фильма осуществляют трансформацию мифологических структур, но в противоположных направлениях: «Молитва о гетмане Мазепе» переопределяет традиционный миф предательства, стремясь превратить его в основу национального эпоса, апеллируя к героико-жертвенной модели, заимствованной из архаичных форм культа (например, культ богини Морена как символа циклического возрождения через смерть); «Вий», напротив, демонтирует гоголевскую мифопоэтику, заменяя ее квазиколониальным нарративом, в котором миф подменяется голливудской схемой противостояния цивилизованного героя и дикого «инакого», встраивая украинский культурный ландшафт в парадигму ориенталистского дискурса.

Наконец, обе картины, несмотря на разную художественную реализацию и степень профессионализма, оказываются симптоматичными проявлениями борьбы за культурную гегемонию в контексте формирования национальной памяти: если фильм Ильенко воплощает собой внутренний монолог нации, стремящейся обрести собственный голос через переосмысление трагической истории, то фильм Степченко демонстрирует внешний, инструментальный взгляд, в котором смерть становится не поводом для скорби или памяти, а визуальной метафорой чуждости и инаковости, подлежащей коррекции или искоренению.

Таким образом, в украинском кинематографе постсоветского периода смерть как образ и риторический прием используется не только для экспликации исторической травмы, но и как полифункциональный конструкт, работающий в системе идеологических трансформаций и символических перезаписей, формируя мифопоэтические основания новой национальной идентичности, находящейся в процессе сложного самоопределения на фоне политических и культурных разломов (таблица 1).

Таблица 1

Образ смерти как инструмент формирования национальной памяти в украинском кинематографе постсоветского периода (до 2014 года)

Название фильма	Период истории	Образ смерти	Образ России/ СССР как врага	Пересечение образов смерти и врага	Культ смерти
Голод-33	1932–1933 (Голодомор)	Смерть от голода как жертва и мука, смерть детей и стариков как коллективная трагедия	СССР представлен как оккупационная сила, организовавшая геноцид украинцев	Смерть от рук врага превращается в акт памяти и свидетельства геноцида	Смерть как священное страдание украинского народа
Венчание со смертью	1930-е (сталинские репрессии)	Смерть как механизм политического террора, моральный конфликт палача	СССР как репрессивная машина, уничтожающая невинных	Смерть – прямое следствие действий режима, образ врага материализован в казнях	Смерть как трагический долг палача
Молитва о гетмане Мазепе	XVIII век (гетманство Мазепы)	Смерть как воздаяние за борьбу	Россия – деспотичная империя, оскверняющая украинские символы	Смерть возрождает героя для исторического суда над врагом	Смерть Мазепы как акт национального воскресения
Железная сотня	1940-е (УПА, Вторая мировая)	Смерть героев как подвиг, культ мученичества за свободу, венчание со смертью как добровольный выбор	Советская власть и польская армия – внешние враги украинской идентичности	Смерть как осознанный выбор в войне против врага – культ жертвы	Героическая смерть – центр повествования, венчание со смертью
Собор на крови	1919–1949 (УНР, ОУН, УПА)	Героическая смерть ради идеи, смерть как основа национального мифа	СССР как враг национального освобождения, Россия как постоянный агрессор	Смерть как путь к национальному бессмертию, создан миф борцов с Россией	Смерть – священный подвиг

Вий	XVIII век (фан- тастика)	Представлен через архаические страхи, мистику и чудовищные формы народных суеверий.	Россия не представлена напрямую, но коллективный образ «дикой Малороссии» – ассоциируются с отсталостью и насилием.	Местные становятся источником зла, насилия и смерти, в противопоставление «просвещенному» Западу.	Смерть как элемент народной одержимости и мракобесия, спасение возможно лишь через вмешательство внешней (западной) рациональности.
-----	--------------------------------	---	---	--	--

Как мы видим, украинский кинематограф постсоветского периода через целенаправленную визуализацию образа смерти и институционализацию России как врага формирует парадигму исторической памяти, в которой смерть – не утрата, а путь к национальному самоопределению, следовательно, образ смерти превращается в важнейший символический ресурс – одновременно трагический и героический, мистический и идеологически насыщенный, способный объединять травму, миф и патриотическую мобилизацию в рамках единого дискурса национального сопротивления.

Выводы

Анализируя образ смерти в украинском кинематографе постсоветского периода до 2014 года, можно утверждать, что он последовательно превращается в инструмент политической мифологизации, направленной на радикальное переосмысление национальной памяти в интересах определенного идеологического курса, в этом контексте смерть украинца в художественном дискурсе утрачивает традиционное христианское измерение как перехода к вечности и вместо этого сакрализуется как акт героического самопожертвования во имя нации, превращаясь в маркер идентичности и высшую форму политической добродетели. При этом российская сторона последовательно демонизируется: русские в этих фильмах выступают не как исторически близкий по крови, вере и культуре народ, а как варвары, ордынцы, носители разрушительного начала, такое смещение акцентов указывает на попытку идеологического разрыва с общим прошлым Киевской Руси, на реинтерпретацию образа смерти как акта национальной избранности, жертвы и вечной вражды.

Особенно показательно, что в визуальной и ритуальной культуре, связанной с войной и жертвоприношением, возникает культ героической смерти, в частности, это культ Морены, древнеславянской богини смерти и зимы, как символа разрушения старого порядка ради утверждения нового, современные формы этого культа можно увидеть в героизации образа «небесной сотни», где смерть на Майдане становится не просто трагедией, а сакральным актом национального обновления.

Подобная переформатированная модель смерти вступает в полемику с традиционным для русской традиции представлением о бессмертии как победе над смертью через коллективное усилие и преодоление. Именно о таком бессмертии говорил 12 июня 2025 года Владимир Путин, отмечая, что бессмертие русского народа «выражается в побе-

дах» и в способности России «проходить через очень тяжелые испытания» [11]. Это утверждение отсылает к ключевому элементу русской исторической памяти, где смерть становится не целью или фетишем, а этапом в движении к победе, к сохранению культурной и государственной целостности.

В отличие от этого, украинский постсоветский нарратив интерпретирует смерть как самодовлеющий акт жертвы, как миссию украинца в бесконечной войне с Россией, с историческим прошлым, с «имперским кодом», не случайно сегодня многочисленные военные блогеры и комментаторы в украинском медиапространстве прямо говорят о том, что украинцы должны умирать на поле боя, становясь героями и носителями вечного сопротивления – эта логика укоренена в трансформированном мифе о смерти как высшей форме патриотизма.

Таким образом, к числу устойчивых идеологических констант образа смерти в украинском кино исследуемого периода можно отнести: героизацию гибели как национального долга; демонизацию врага как культурного антипода; разрыв с православной традицией смерти и памяти; сакрализацию образа жертвы как новой формы национального героя. Трансформация мифов происходит за счет отказа от общерусской культурной матрицы, переосмысления архаических символов (культ богини смерти Морена) и внедрения ритуализированных моделей жертвенности («Небесная сотня»), что в итоге приводит к формированию нового мифологического нарратива, в котором смерть – это отражение культурной автономии украинского народа через трагедию, героизм и войну.

Список литературы

1. Скрипкарь М. В. Образ смерти в современном кинематографе // Перспективы науки и образования. 2014. № 3(9). С. 129–131.
2. Ковалева С. В. Образы смерти в кинематографе: философско-культурологический анализ // Общество: философия, история, культура. 2021. № 9(89). С. 86–90.
3. Бутаков К. А. О некоторых особенностях восприятия смерти через экран // Актуальная теология: религиозная идентичность в региональных социокультурных процессах: материалы II Всероссийской молодежной научно-практической конференции / отв. ред. Е. В. Кузьмина. Омск: ОГУ им. Ф. М. Достоевского, 2015. С. 186–191.
4. Кириллова О. Мортальный кинокод и возможности танатологии кино // Новое литературное обозрение. 2014. № 6(130). С. 74–87.
5. Антипов М. А. Репрезентации смерти в кинохорроре // Nomothetika: Философия. Социология. Право. 2021. Т. 46. № 2. С. 298–307.
6. Штепа П. Московство: его происхождение, содержание, формы и историческое развитие. Киев: Б/и, 2005. 359 с.
7. Безруков А. О. Выступление на XXXIII Ассамблее Совета по внешней и оборонной политике 24 мая 2025 года [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://vk.com/wall-190345665_281262 (дата обращения: 15.06.2025).
8. Немирова Н. В. Историческая память о Великой Отечественной войне: опыт ка-

чественного социологического исследования // Ученые записки Забайкальского государственного университета. Серия: Социологические науки. 2015. № 4(63). С. 157–165.

9. Белоусова М. А. Особенности ценностей патриотизма студенческой молодежи // Актуальные проблемы правового, социального и политического развития России: материалы XIII Международной научно-практической конференции. Саратов: Саратовский источник, 2020. С. 33–37.

10. Воскобойников С. Г., Щукина Т. В. Историческая память: научно-исторический и социокультурный аспекты // История. Культурология. Политология. 2022. № 3. С. 14–17.

11. Путин В. В. Бессмертие русского народа и России выражается в победах [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://dzen.ru/a/aErNJmSZYHY8bFwN> (дата обращения: 15.06.2025).

Сведения об авторе

Грицай Людмила Александровна – кандидат педагогических наук, доцент, г. Ярославль, Ярославский государственный педагогический университет им. К. Д. Ушинского, доцент кафедры теории и истории педагогики.

Email: usan82@gmail.com

Gritsai L. A.

THE IMAGE OF DEATH AS A TOOL FOR THE FORMATION OF NATIONAL MEMORY IN UKRAINIAN CINEMA OF THE POST-SOVIET PERIOD (UNTIL 2014): IDEOLOGICAL CONSTANTS AND THE TRANSFORMATION OF MYTHS

Abstract: *The article examines the image of death as an ideologically loaded media textual element in the Ukrainian cinema of the post-Soviet period until 2014, which performs the function of broadcasting and consolidating elements of national memory; Through the prism of an analysis of key films created between 1990 and 2014, the author explores how death becomes not only an artistic motif, but also a political tool through which new myths of national identity are formed based on the cult of sacrifice, heroism and permanent confrontation with the “external enemy” in the person of Russia. The article emphasizes that in the context of the loss of a unified cultural code after the collapse of the USSR, Ukrainian cinema is actively rethinking archetypal models of death, abandoning the all-Russian religious and historical semantics in favor of a sacralized image of a national victim, therefore, special attention is paid to ideological constants – stable structures through which death is represented as an act of political and cultural mission. The author also analyzes the process of transformation of traditional pre-Christian and Orthodox myths, where the cult of the ancient Slavic goddess of death Morena and the archetype of the “Heavenly Hundred” become new reference points of collective memory. The conclusions of the article allow us to assert that Ukrainian cinema in the period under study functioned as a mediator of political mythology, forming attitudes that were actualized already in the post-Maidan period.*

Keywords: *death, national memory, Ukrainian cinema, ideology, myth, post-Soviet space, cultural code, Ukraine, Russia.*

References

1. Skripkar' M. V. Obraz smerti v sovremennom kinematografe [The image of death in contemporary cinema]. *Perspektivy nauki i obrazovaniya*. 2014. No. 3(9). P. 129–131.
2. Kovaleva S. V. Obrazy smerti v kinematografe: filosofsko-kul'turologicheskii analiz [Images of death in cinema: a philosophical and cultural analysis]. *Obshchestvo: filosofiya, istoriya, kul'tura*. 2021. No. 9(89). P. 86–90.
3. Butakov K. A. O nekotorykh osobennostyakh vospriyatiya smerti cherez ekran [On some features of the perception of death through the screen]. *Aktual'naya teologiya: religioznaya identichnost' v regional'nykh sotsiokul'turnykh protsessakh: materialy II Vserossiiskoi molodezhnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii / otv. red. E. V. Kuz'mina*. Omsk: Omskii gosudarstvennyi universitet im. F. M. Dostoevskogo, 2015. P. 186–191.
4. Kirillova O. Mortal'nyi kinokod i vozmozhnosti tanatologii kino [The mortal film code and the possibilities of cinema thanatology]. *Novoe literaturnoe obozrenie*. 2014. No. 6(130). P. 74–87.
5. Antipov M. A. Reprezentatsii smerti v kinohorore [Representations of death in horror cinema]. *Nomothetika: Filosofiya. Sotsiologiya. Pravo*. 2021. Vol. 46. No. 2. P. 298–307.
6. Shtepa P. Moskovstvo: ego proiskhozhdenie, sodержanie, formy i istoricheskoe razvitiye [Moscovism: its origin, content, forms and historical development]. Kiev: B/i, 2005. 359 p.
7. Bezrukov A. O. Vystuplenie na XXXIII Assamblee Soveta po vneshnei i oboronnoi politike 24 maya 2025 goda [Speech at the XXXIII Assembly of the Council for Foreign and Defense Policy, May 24, 2025] [Electronic resource]. Available at: https://vk.com/wall-190345665_281262 (accessed: 15.06.2025).
8. Nemirova N. V. Istoricheskaya pamyat' o Velikoi Otechestvennoi voine: opyt kachestvennogo sotsiologicheskogo issledovaniya [Historical memory of the Great Patriotic War: experience of qualitative sociological research]. *Uchenye zapiski Zabaikal'skogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Sotsiologicheskie nauki*. 2015. No. 4(63). P. 157–165.
9. Belousova M. A. Osobennosti tsennostei patriotizma studencheskoi molodezhi [Features of patriotic values of student youth]. *Aktual'nye problemy pravovogo, sotsial'nogo i politicheskogo razvitiya Rossii: materialy XIII Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii*. Saratov: Saratovskii istochnik, 2020. P. 33–37.
10. Voskoboinikov S. G., Shchukina T. V. Istoricheskaya pamyat': nauchno-istoricheskii i sotsiokul'turnyi aspekty [Historical memory: scientific-historical and sociocultural aspects]. *Istoriya. Kul'turologiya. Politologiya*. 2022. No. 3. P. 14–17.
11. Putin V. V. Bessmertie russkogo naroda i Rossii vyrazhaetsya v pobedakh [The immortality of the Russian people and Russia is expressed in victories] [Electronic resource]. Available at: <https://dzen.ru/a/aErNJmSZYHY8bFwN> (accessed: 15.06.2025).

Gritsai Lyudmila Alexandrovna – Candidate of Pedagogical Sciences, Associate Professor, Yaroslavl, Yaroslavl State Pedagogical University named after K.D. Ushinsky, Associate Professor of the Department of Theory and History of Pedagogy.

Email: usan82@gmail.com

УДК 008

DOI: 10.29039/2413-1695-2025-11-4-96-105

**БЕЗУМЕЦ КАК ПРОРОК: РЕЛИГИОЗНЫЙ ДИСКУРС КОНЦЕПТА
«БЕЗУМИЕ» В КОНТЕКСТЕ РОМАНА М. А. БУЛГАКОВА
«МАСТЕР И МАРГАРИТА»**

Сухова А. Э., Володин А. Н.

Аннотация: В статье исследуется феномен безумия в романе М. А. Булгакова «Мастер и Маргарита» через призму религиозно-философского дискурса. Автор рассматривает трансформацию безумия из клинической психопатологии в онтологическую категорию, служащую каналом связи с истиной. Центральным инструментом анализа выступает концепт юродства, интерпретируемый не как канонический чин святости, а как культурный тип, находящийся в оппозиции к рациональной нормативности социума. В работе дифференцируются модальности безумия ключевых персонажей. Образ Иешуа Га-Ноцри трактуется как воплощение кенотического юродства, основанного на добровольном отказе от власти и мирских благ. Фигура Воланда и его свиты анализируется как сила, деконструирующая ложную рациональность и обнажающая скрытое безумие социальной «нормы». Линии Ивана Бездомного и Мастера представляют реакцию сознания на столкновение с метафизической реальностью, вытесненной из официального дискурса. Делается вывод, что Булгаков инвертирует оппозицию «разум – безумие»: нормативный здравый смысл предстает формой духовной слепоты, тогда как девиантное поведение становится условием сохранения человечности и постижения истины.

Ключевые слова: юродство, безумие, пророк, Мастер и Маргарита.

В пространстве современного гуманитарного дискурса феномен безумия интерпретируется как многослойная категория, выходящая далеко за пределы клинической психопатологии. Если в позитивистской парадигме XIX–XX веков душевное расстройство рассматривалось исключительно как дисфункция когнитивных процессов, требующая медикаментозной коррекции и социальной изоляции, то в контексте русской религиозной философии и экзистенциальной антропологии оно приобретает статус важнейшего онтологического маркера. В социокультурных условиях, изображенных Михаилом Афанасьевичем Булгаковым, именно безумие оказывается легитимным каналом связи с истиной.

Безумие в психиатрическом дискурсе – это отклонения психики, связанные с изменением поведения, мышления и восприятия окружающей действительности [1, с. 2], в идеологическом – неизменность, неумолимость и категоричность господствующих идей. Это, как отмечает автор, «закупорка мозговых сосудов в психологическом и интеллектуальном смысле» [2, с. 526]. Обобщая восприятие неразумия в разных дискурсах и рассматривая его в контексте семиотики, Ю.М. Лотман называет безумие «отклонением от нормы, неожиданным, непредсказуемым» [3, с. 47].

Это отклонение от нормы прослеживается в восприятии безумия в разных дискурсах, одним из которых является религиозный. В европейской мысли разделение на патологическое и божественное обычно отсчитывают с диалога Платона «Федр». Безумие там не только обозначается как божественный дар (θεία δόσις)¹, но и дифференцировано на четыре вида (пророческая, ритуальная, мусическая и эротическая) [4]. Опыт возвышенного безумия описывался и в христианстве: Рудольф Отто концептуализирует религиозный опыт с «Совершенно Иным», с некоторой тайной, которая может быть как пугающей (священный ужас, дрожь, осознание несоизмеримости человека и Бога), так и чарующей (притяжение, восхищение, экстаз). Выделенные переживания обладают высоким эвристическим потенциалом. Согласно Отто, страх перед священным есть начало выхода из профанной «нормальности» [5, с. 23–32]. Берлиоз, который не испытывает страха, остается в рамках плоского рационализма и погибает. Иван, который испытывает ужас, сходит с ума (в социальном смысле), но именно этот ужас становится катализатором его духовного перерождения. В русской мысли исследуемую тему концептуализировал Лев Шестов. эта проблематика раскрывается через непримиримое противостояние библейского откровения (Иерусалим) и эллинского умозрения (Афины). Шестов утверждает, что разум стремится к отысканию «необходимости», которая не слышит убеждений и принуждает как человека, так и Бога подчиняться безличным вечным истинам [6, с. 579–580, 611–612]. В этой парадигме, опирающейся на закон противоречия и «дважды два четыре», знание подменяет собой свободу и ведет к духовной смерти, так как оно есть плод с запретного «древа познания добра и зла», сулящий, что люди будут «как боги», но лишаящий их жизни. Вера же понимается философом не как доверие к авторитету или признание догматов, а как великая и последняя борьба, выход за пределы разумного понимания в область, где для Бога нет ничего невозможного. В обоснование этой позиции Шестов обращается к опыту Тертуллиана, утверждавшего, что смерть Сына Божия «вполне достоверна, так как ни с чем не сообразна», а воскресение «несомненно, ибо невозможно» [6, с. 150]. Несмотря на то, что каждая из обозначенных концептуализация эвристически плодотворна, мы обратимся к идее юродства как центральной категории. Безумие юродивого – это, как правило, пророческое безумие: он появляется в обществе с целью распространения истины в массы. Юродивый выступает оппозицией господствующей вере и идеям общества, в котором появляется.

Вместе с тем, экстраполяция понятия «юродство» на художественную ткань романа требует методологического уточнения. Очевидно, что герои Булгакова не являются юродивыми в агиографическом смысле: они не всегда принимают маску безумия добровольно (как Иван Бездомный) и не обязательно совершают подвиг во имя церковного Бога (как Воланд). В данном исследовании категория юродства используется расширительно – как культурный тип, а не канонический чин святости. Мы обращаем внима-

¹ «Но, ведь, величайшие из благ от неистовства в нас происходят, по божественному, правда, дарование даруемого. Действительно, пророчица в Дельфах, жрицы в Додоне, будучи объаты неистовством, много прекрасного для Эллады совершили – и в частном обиходе и в общественной жизни, – находясь же в здравом уме, – мало, или ничего» [4, с. 120].

ние на структурную схожесть позиций: персонаж-«юродивый» находится в ситуации вненаходимости по отношению к социуму, он является носителем вытесненной или запретной истины и неизбежно вступает в конфликт с мирским порядком. Правомерность использования термина обусловлена не полным совпадением с житийными канонами, а функциональной тождественностью.

А. С. Штырков указывает на то, что особенность юродивого заключается в его иррациональном и необычном поведении, что привлекает к нему внимание общественности. Такое поведение влечёт за собой не только агрессию со стороны общества, но и его стремление к поиску скрытого смысла в поведении пророка [7, с. 271].

Мудрость юродивого – энигматическая и перформативная, бросающая вызов линейной логике мирской власти. Она восходит к идее кенозиса, подразумевая радикальный отказ от материальных благ и социального статуса – всех атрибутов, препятствующих богообщению. Человек оказывается в эпицентре онтологического конфликта: божественная истина вступает в противоречие с земным благополучием. То, что разумно в оптике обывателя, становится безумием перед лицом Абсолюта.

В этом контексте, согласно А.Н. Ильину, безумие выступает инструментом переоценки ценностей. Юродивый становится «зеркалом», катализатором, вскрывающим пороки через собственное уничтожение. Он критикует тщеславие не с позиции силы, а через демонстративную аскезу и отказ от субъектности, что нередко наделяет его даром пророчества, воспроизводимым силой Святого Духа [8, с. 217].

Отметим, что мы обращаемся к категории юродивого в широком смысле, как к культурному концепту. Традиционное юродство, как оно представлено в византийской и русской агиографии, предполагает элемент перформативности, «поругания мира» и сокрытие собственных добродетелей под маской греха или глупости. Юродивый провоцирует социум, его поведение агрессивно-парадоксально.

С этой позиции интересны исследования религиозного безумия в романе М. А. Булгакова «Мастер и Маргарита». Он представляет интерес для многих отечественных учёных. Е. А. Иваньшина указывает на четверых пророков в романе: Иешуа Га-Ноцри, Воланд, Мастер и Грибоедов. М. Н. Капурсова называет пророком также и Ивана Бездомного; в своей работе Иваньшина отмечает, что «всех пророков в романе объединяет мотив сумасшествия» [9, с. 28]. Опираясь на исследование М. Н. Капурсовой, проводящей аналогию между фигурой Бездомного и лирическим героем стихотворения А. С. Пушкина «Пророк» [10], а также на утверждения Иваньшиной, мы рассмотрим данных персонажей сквозь призму религиозного дискурса, юродства, способности пророчествовать. Подобная унификация требует критического переосмысления. Принимая тезис о центральной роли мотива безумия, в данном исследовании мы намерены усложнить эту оптику. Наша задача – рассмотреть персонажей сквозь призму религиозного дискурса и дифференцировать типы их девиантности.

Наиболее полно соответствует образу юродивого-пророка в контексте романа Иешуа Га-Ноцри: он обладает всеми чертами, которые перечисляет А. Н. Ильин. Образ Иешуа противопоставлен образу Пилата, если прокуратор олицетворяет власть

и порядок, то Иешуа воплощает добровольный отказ от силы ради высшей истины. Булгаков описывает Иешуа при первом его появлении как изувеченного и явно бедного человека [11, с. 23], но в контексте религиозного дискурса эта бедность – не социальная неудача, а форма кенозиса. Примечательно, что юродивые как феномен византийской и православной культур неразрывно связаны с бедностью, отвержением со стороны общества, отсутствием у юродивого дома. Иешуа абсолютизирует этот принцип: у него нет ни дома, ни семьи, ни страха перед властью, что делает его неуязвимым для инструментов государственного принуждения, кроме физического уничтожения.

Его поведение не нацелено на провокацию, однако сама природа его высказываний оказывается непередаваемой на язык власти. Слова о «падении храма старой веры» интерпретируются властью в буквальном ключе (как призыв к бунту), тогда как Иешуа говорит о метафизическом обновлении: так, люди, услышав его слова о падении храма старой веры, воспринимают это как призыв к действию, вследствие чего Га-Ноцри и оказался у Понтия Пилата. Истина неизбежно становится «безумием» или «преступлением» в системе координат рациональной власти.

Диалог с Пилатом разворачивает перед читателем не как просто допрос, а столкновение двух онтологических систем. Поведение Иешуа провоцирует прокуратора не намеренным эпатажем, а разрушением дистанции. Пилата шокируют суждения о том, что злых людей не бывает, а всякая власть есть насилие над человеком. Пилат спрашивает его: не является ли арестант великим доктором, удивляясь тому, как тот точно указал и на головную боль прокуратора, и на его желание позвать собаку. Создаётся впечатление, что Иешуа обладает сверхчеловеческими способностями.

В контексте истории Иешуа Га-Ноцри и Понтия Пилата «храм старой веры» и власть кесаря Тиверия – это лжемудрость, которой противостоит мудрость христианская. Сам образ Га-Ноцри, его убеждения, раскрывающиеся в диалоге с Понтием Пилатом, и является критикой господствующей идеологии: Иешуа указывает на разочарование в людях как у Пилата, так и у Крысобоя, он критикует римскую власть, жестокую и тираническую, и признаёт власть одного лишь бога, который должен привести людей в «царство истины». Причём сам же он предрекает, что учение его долгое время будет вызывать путаницу и получать неправильное толкование.

Роль Воланда в контексте религиозного дискурса довольно интересна. Если Га-Ноцри действует через отказ от силы, то Воланд, опираясь на истину, действует через силу. Воланд – сущность, что вечно хочет зла, но вечно совершает благо. Его путь – это свершение суда над теми, кто отпал от истины. Воланд не стремится к моральному исправлению человечества через проповедь; он реализует механизм возмездием.

В глазах атеистов Берлиоза и Бездомного он безумен, поскольку не только утверждает о существовании Бога и Дьявола, но и предрекает судьбы обоих: Берлиозу суждено погибнуть под трамваем, а Бездомному – сойти с ума. Предсказания Воланда не являются мистическими пророчествами в библейском смысле, но констатацией фактов, доступных субъекту, находящемуся вне времени.

В таком случае пребывание Бездомного и те изменения, которые с ним происходят, нельзя свести исключительно к религиозному просветлению. Через страдания, изоляцию от общества и общение с Мастером в характере Бездомного происходят значительные изменения: он становится тихим и замкнутым, перестаёт писать стихи и, как отмечает Капрусова, понимает, что происходящее в Москве – справедливо и предназначено свыше [10, с. 31].

Он также указывает на «безумные» ценности людей во время сеанса чёрной магии. Больше, чем технический прогресс, его интересуют люди: все представление направлено на то, чтобы сбросить маски с присутствующих в зале.

Воланд выступает здесь не столько пророком, сколько суверенным наблюдателем и судьёй. Действия его свиты не только обнажают эти пороки, но непредсказуемым и эпатажным поведением обличают публику. Сеанс Воланда – это прежде всего разоблачение общества и его пороков, которое достигается при помощи различных абсурдных номеров и ситуаций: на это указывает и фокус Фагота, который во всеуслышанье рассказывает подробности жизни гражданина Парчевского, имеющего задолженность по алиментам и зависимость от азартных игр [11, с. 147–148].

Воланд эпатирует публику не только высказываниями и фокусами, но и различными магическими действиями. Люди, видящие падающие с потолка деньги, буквально сходят с ума. Эту сцену Булгаков показывает следующим образом: «Всюду гудело слово «червонцы, червонцы», слышались вскрикивания «ах, ах! « и весёлый смех. Кое-кто уже ползал в проходе, шаря под креслами. Многие стояли на сиденьях, ловя вертявые, капризные бумажки» [11, с. 149]. Воланда такое поведение людей лишь разочаровывает: он понимает, что они «любят деньги, из чего бы те ни были сделаны» [11, с. 151]. В них не осталось ни капли милосердия, человеколюбия и других христианских ценностей, а «квартирный вопрос их только испортил» [11, с. 151]. Воланд не призывает к исправлению (как делал бы пророк), он констатирует неизменность человеческой природы с позиции силы.

Иван Бездомный, ставший свидетелем манифестации этой силы, претерпевает радикальную метаморфозу. Однако определять его состояние как традиционное «юрродство» было бы неточным. В отличие от святого, добровольно принявшего безумие, Иван является невольным пророком-свидетелем. Всё начинается в доме Грибоедова, когда Иван предупреждает: «Ловите же его немедленно, иначе он натворит неопикуемых бед» [11, с. 76]. И Бездомный оказывается прав: появление Дьявола и вправду сулит для московского общества очень странные, а местами и страшные последствия: смерть Берлиоза, сеанс чёрной магии и последующее массовое сумасшествие, пожар в четырёх домах (Грибоедов, «нехорошая квартира», подвал Мастера и Торгсин).

Поведение Ивана Бездомного в доме Грибоедова следует рассматривать как семиотический конфликт. Появляясь в ресторане в нижнем белье и с бумажной иконкой, он пытается донести до коллег весть о появлении Сатаны. Однако для членов МАССОЛИТа, погруженных в быт и бюрократию, важна не суть его слов, а нарушение внешних норм. Отсутствие костюма и членского билета оказывается весомее, чем весть об угрозе.

Это вызывает агрессию и неприятие со стороны общества: Бездомного признают сумасшедшим и бывшие коллеги сдают его в психиатрическую клинику доктора Стравинского. Понимая, что его никто не услышит, никто не поверит ему, он пытается впоследствии бежать из клиники через окно. Агрессия общества здесь трансформируется в «заботу», которая, однако, приводит к изоляции героя, в отличие от случая Иешуа Га-Ноцри.

М. Н. Капрусова указывает на то, что Иван Бездомный – «фигура и пародийная, и трагическая» [10, с. 30]. По мнению автора, он прошёл путь от псевдопророка, продвигающего советские и антирелигиозные ценности, до пророка истинного, которому Мастер завещает дописать роман о Понтии Пилате. Кроме того, его попытки спасти Москву и соотечественников от сатанинских сил оказываются тщетными. Все его доводы кажутся доктору Стравинскому и «братьям по литературе» лишь признаком сумасшествия.

Встреча Ивана с Мастером становится поворотным моментом, однако фигуру самого Мастера следует интерпретировать с осторожностью. Е. А. Иваньшина метафорически сравнивает его подвалчик с «кельей», однако в контексте советских реалий 1930-х годов это пространство имеет двойную семантику. Это и место духовного уединения, и убежище. Роман Мастера является пророческим в онтологическом смысле. В эпоху атеизма и идеологического конструирования реальности Мастер совершает акт восстановления исторической истины. Он «угадывает» прошлое, возвращая в культуру вытесненные фигуры Иешуа и Пилата. Именно эта способность видеть сквозь официальный миф делает его опасным для системы. Тьма, которая накрывает Москву, – это антирелигиозная пропаганда, атеизм, тоталитаризм и бюрократия, которая царит повсеместно.

Роман Мастера не остаётся без внимания: литературные критики тотчас же начинают писать гневные и оскорбительные статьи не только в отношении романа, но и в адрес автора: в одной из статей Мстислав Лаврович призывал «ударить по пилатчине», Ариман называет статью о Мастере и его романе «Вылазка врага», что напрямую свидетельствует о враждебном отношении государства как разума к идеям, которые ему противоречат, а оттого безумным [11, с. 173]. В их критике хорошо прослеживается выведенная Урюпиным оппозиция «светское – религиозное» в романе.

Жизненная стратегия Мастера также требует дифференцированного подхода. Его жизнь в подвале с Маргаритой действительно напоминает творческую аскезу, противостоящую потребительству МАССОЛИТа. Однако его последующий уход в клинику Стравинского нельзя интерпретировать как продолжение этой духовной практики. Решение сдать себя врачам продиктовано экзистенциальным ужасом.

Самой неочевидной является фигура А.С. Грибоедова, который появляется в романе лишь косвенно: именно его имя носит дом, в котором проходят мероприятия МАССОЛИТа. «Дом Грибоедова» функционирует как «центр» советской литературной системы, легитимирующий сконструированный земной порядок. Члены МАССОЛИТа обладают всеми внешними атрибутами писателей, но лишены таланта и стремления к истине «Дом Грибоедова» населен персонажами, которых сам Грибоедов высмеивал, новым «фамусовским обществом», где ценятся чиновничество и материальные блага.

В этой системе координат Мастер и Иван Бездомный занимают позицию функциональных двойников Чацкого. Они вторгаются в это пространство симулякров с живым словом, это неизбежно приводит к конфликту. Как и герой «Горя от ума», они объявляются сумасшедшими, их соприкосновение с истиной угрожает комфорту конформистского большинства. Пожар в «Доме Грибоедова» – акт семиотического очищения: огонь уничтожает пустую форму; подлинное «не горит».

В контексте комедии Грибоедова мы видим явную насмешку над учреждённым в 1817 году Учёным комитетом, который осуществлял надзор за выпуском литературных произведений в печать, руководствуясь при этом рамками жёсткой цензуры, дабы не пропускать в массы «вредоносные» мысли [12, с. 20].

Грибоедов насмехается и над теми, кто молчит и следует господствующей системе, что прослеживается в отношении Чацкого к Молчалину: «А впрочем, он дойдёт до степеней известных, ведь нынче любят бессловесных» [12, с. 22]. Молчание и угодничество – это валюта, за которую покупаются дачи в Перелыгино. Осуждение этой позиции коррелирует не столько с конкретной заповедью, сколько с христианской этикой свободы воли: отказ от личной истины ради комфорта есть форма духовного самоубийства.

Его убеждения становятся для всех проявлением сумасшествия, потому что он проповедует абсолютно противоположные ценности, и отношение присутствующих на вечере в доме Фамусова тоже считается как агрессия в адрес того, кто противопоставляет их убеждениям свои.

Фигура Грибоедова косвенно предсказывает разрешение ценностного конфликта, который был актуален и для «Горя от ума», и для «Мастера и Маргариты», поскольку оба направлены на критику общества. Дом Грибоедова горит, потому что его авторы бездарны и пишут то, что хочет земная инстанция. И это является своего рода пророчеством: рано или поздно эпоха бездарной литературы и бездуховности пройдёт и наступит новая, как «храм новой истины», о котором говорил Иешуа.

В рамках религиозного дискурса одним из ведущих мотивов в романе «Мастер и Маргарита» является безумие, реализуемое в различных модальностях: от кенотического юродства до суверенного пророчества. Пророк или юродивый – это безумец, поведение и убеждения которого являются ничем иным, как переоценкой господствующих в обществе ценностей. Пророк несёт в массы истину, которую в обычном общественном сознании затмевает погоня за материальным благополучием и повышением социального статуса.

Персонажи этого типа обладают перформативным поведением, которое воспринимается окружением как девиантное, оно неизбежно привлекает агрессию со стороны социума и карательных институтов. Однако природа их «безумия» различна: одни избирают путь добровольного смирения перед высшей истиной, другие активного обличения с этих же позиций.

Проведенный анализ позволяет заключить, что в художественном пространстве романа М. А. Булгакова «Мастер и Маргарита» концепт безумия трансформируется из психопатологической категории в онтологическую. В условиях идеологического диктата и доминирования плоского рационализма, присущего изображаемому московскому

социуму, именно безумие становится маркером причастности к высшей истине. Безумие в романе не дифференцируется в зависимости от этической позиции и духовной траектории персонажа.

Центральной для понимания авторской концепции является модель кенотического юродства, наиболее полно реализованная в образе Иешуа Га-Ноцри. Его «безумие» заключается в радикальном отказе от волевого самоутверждения и инструментов мирской власти. В системе координат имперского Рима, равно как и в проекции на советскую действительность, этика абсолютного добра интерпретируется как политическая неблагонадежность и ментальная несостоятельность. Иная модальность представлена в сюжетных линиях Ивана Бездомного и Мастера. Здесь душевное расстройство выступает неизбежной реакцией сознания на столкновение с метафизической реальностью, вытесненной из официального дискурса.

Функциональная роль Воланда и его свиты сводится к обнажению скрытого безумия самой социальной «нормы». Через эпатаж и перформативные акты абсурда демонические силы деконструируют ложную рациональность и материализм советского быта. Этот процесс достигает кульминации в сюжетной линии «Дома Грибоедова», где уничтожение симулятивных культурных иерархий знаменует торжество подлинного бытия над бюрократическим регламентом.

Булгаков инвертирует привычную оппозицию «разум – безумие». Нормативный «здравый смысл», отрицающий трансцендентное начало, оказывается формой духовной слепоты, ведущей к небытию. Истинное зрение, напротив, обретается через выход за пределы рациональной необходимости. В художественной вселенной романа статус безумца парадоксальным образом становится единственным условием сохранения человечности и связи с истиной в мире, одержимом ложной очевидностью.

Список литературы

1. Психиатрия: национальное руководство / под ред. Т. Б. Дмитриевой, В. Н. Краснова, Н. Г. Незнанова, В. Я. Семке, А. С. Тиганова. Москва: ГЭОТАР-Медиа, 2011. 1000 с.
2. Эпштейн М. Н. Знак пробела: О будущем гуманитарных наук. М.: Новое литературное образование, 2004. 864 с.
3. Лотман Ю. М. Семиосфера. СПб.: Искусство – СПб, 2000. 704 с.
4. Творения Платона. Т. V / под ред. С. А. Жебелева, Л. И. Карсавина, Э. Л. Радлова. Петербург: Academia, 1922. С. 85–167.
5. Отто Р. Священное. Об иррациональном в идее божественного и его соотношении с рациональным / пер. с нем. А. М. Руткевича. СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2008. 272 с.
6. Шестов Л. И. Сочинения. В 2 т. Т. 1 / сост., подгот. текста, вступ. ст. и примеч. А. В. Ахутина. М.: Наука, 1993. 668 с.
7. Штырков С. А. Юродивый как религиозный тип: рациональность мнимого безумия // Славянская письменность и культура как фактор единения народов России: материалы конф. 2015. С. 270–278.

8. Ильин А. Н. Мнимое безумие как особенность православной религиозности // Наука, общество, культура: проблемы и перспективы взаимодействия в современном мире. 2020. С. 213–224.
9. Иваньшина И. А. О булгаковских пророках // Михаил Булгаков в потоке российской истории XX–XXI вв. 2015. С. 19–29.
10. Капрусова М. Н. Иван Бездомный М. Булгакова как вариант образа пророка // АСТА ERUDITORUM. 2018. № 28. С. 29–33.
11. Булгаков М. А. Мастер и Маргарита. СПб.: Азбука-Аттикус, 2015. 480 с.
12. Грибоедов А. С. Горе от ума. М.: Эксмо, 2023. 128 с.

Сведения об авторах

Сухова Альбина Эдуардовна – обучающаяся магистратуры направления подготовки 51.04.01. Культурология, Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского, Г. Симферополь, Российская Федерация

E-mail: adamepain@gmail.com

Володин Андрей Николаевич – кандидат культурологии, доцент кафедры культурологии и социокультурного проектирования ИММиД Крымского федерального университета им. В. И. Вернадского

E-mail: stburah@gmail.com

Sukhova A. E., Volodin A. N.

A MADMAN AS A PROPHET: RELIGIOUS DISCOURSE OF THE CONCEPT OF “MADNESS” IN THE CONTEXT OF M.A. BULGAKOV’S *THE MASTER AND MARGARITA*

Abstract: *The article examines the phenomenon of madness in M. A. Bulgakov’s novel The Master and Margarita through the lens of religious and philosophical discourse. The author analyzes the transformation of madness from clinical psychopathology into an ontological category serving as a conduit to truth. The central analytical tool is the concept of holy foolishness (yurodstvo), interpreted not as a canonical religious rank but as a cultural type positioned in opposition to the rational normativity of society. The study differentiates the modalities of madness among key characters. The figure of Yeshua Ha-Notzri is interpreted as an embodiment of kenotic holy foolishness, based on a voluntary renunciation of power and worldly goods. The figure of Woland and his retinue is analyzed as a force deconstructing false rationality and exposing the latent madness of the social “norm”. The storylines of Ivan Bezdomny and the Master represent a conscious reaction to the encounter with a metaphysical reality repressed from official discourse. The author concludes that Bulgakov inverts the “reason-madness” opposition: normative common sense appears as a form of spiritual blindness, while deviant behavior becomes a condition for preserving humanity and comprehending the truth.*

Keywords: *foolishness, madness, prophet, The Master and Margarita.*

References

1. Psikhatriya: Natsionalnoe Rukovodstvo [Psychiatry: National Guideline]. Ed. by T. B. Dmitrieva, V. N. Krasnov, N. G. Neznakov, V. Ya. Semke, A. S. Tiganov. Moscow, Geotar-Media Publ., 2011. 1000 p. (In Russ.)
2. Epshteyn M. N. *Znak Probela: O Budushchem Gumanitarnykh Nauk* [Space sign: About the future of the humanities]. Moscow, Novoye literaturnoye obrazovaniye Publ., 2004. 864 p. (In Russ.)
3. Lotman Yu. M. *Semiosfera* [Semiosphere]. St. Petersburg, Iskusstvo – SPB Publ., 2000. 704 p. (In Russ.)
4. *Tvoreniya Platona* [Works of Plato]. Vol. V. Petersburg, Academia Publ., 1922, pp. 85–167. (In Russ.)
5. Otto R. *Svyashchennoye. Ob Irratsionalnom V Idee Bozhestvennogo I Ego Sootnoshenii S Ratsionalnym* [The Holy. On the irrational in the idea of the divine and its relation to the rational]. St. Petersburg, St. Petersburg St. Univ. Publ., 2008. 272 p. (In Russ.)
6. Shestov L. I. *Sochineniya* [Works]. In 2 vols. Vol. 1. Moscow, Nauka Publ., 1993. 668 p. (In Russ.)
7. Shtyrkov S. A. Yurodivyy Kak Religioznyy Tip: Ratsionalnost Mnimogo Bezumiya [Holy fool as a religious type: rationality of imaginary madness]. *Slavyanskaya pismennost i kultura kak faktor edineniya narodov Rossii* [Slavic writing and culture as a factor of unity of the peoples of Russia], 2015, pp. 270–278. (In Russ.)
8. Ilin A. N. Mnimoye Bezumiye Kak Osobennost Pravoslavnoy Religioznosti [Imaginary madness as a feature of Orthodox religiosity]. *Nauka, obshchestvo, kultura: problemy i perspektivy vzaimodeystviya v sovremennom mire* [Science, society, culture: problems and prospects of interaction in the modern world], 2020, pp. 213–224. (In Russ.)
9. Ivanshina I. A. O Bulgakovskikh Prorokakh [About Bulgakov's prophets]. *Mikhail Bulgakov v potoke rossiyskoy istorii XX–XXI vv.* [Mikhail Bulgakov in the flow of Russian history of the XX–XXI centuries], 2015, pp. 19–29. (In Russ.)
10. Kaprusova M. N. Ivan Bezdomnyy M. Bulgakova Kak Variant Obraza Proroka [Ivan Bezdomny by M. Bulgakov as a variant of the image of a prophet]. *ACTA ERUDITORUM*, 2018, no. 28, pp. 29–33. (In Russ.)
11. Bulgakov M. A. *Master i Margarita* [The Master and Margarita]. St. Petersburg, Azbuka-Attikus Publ., 2015. 480 p. (In Russ.)
12. Griboyedov A. S. *Gore Ot Uma* [Woe from Wit]. Moscow, Eksmo Publ., 2023. 128 p. (In Russ.)

Sukhova Albina Eduardovna – Master's student in the field of study 51.04.01 Cultural Studies at the V. I. Vernadsky Crimean Federal University in Simferopol, Russian Federation

E-mail: adamepain@gmail.com

Volodin Andrey Nikolaevich – Candidate of Cultural Studies, Associate Professor, Simferopol, V. I. Vernadsky Crimean Federal University, Department of Culturology and Socio-cultural Design.

E-mail: stburah@gmail.com

ПОЛИТОЛОГИЯ

УДК 327

DOI: 10.29039/2413-1695-2025-11-4-106-119

ВЕНА 2.0: К МИРОВОМУ «КОНЦЕРТУ» ГОСУДАРСТВ-ЦИВИЛИЗАЦИЙ

Шепелев М. А.

Аннотация: В статье рассматриваются предпосылки и препятствия на пути формирования постгегемонистского мирового порядка, основанного на новой модели баланса сил между государствами-цивилизациями или «стержневыми державами» региональных цивилизаций. Показано, что условием устойчивости и эффективности этого порядка является синтез трех принципов: биполярности, многополярности и ответственности великих держав за безопасность и стабильное развитие своих региональных цивилизаций, лидерами которых они являются; при этом механизм баланса сил должен будет работать на предотвращение попыток выхода за пределы зон ответственности (сфер влияния) либо подрыва извне позиций «стержневой державы» в зоне её ответственности. Анализируется процесс формирования представлений о глобальном (мировом) «концерте» держав в теории международных отношений конца XX–XXI вв.

Ключевые слова: Венская система, «европейский концерт», «глобальный концерт», великие державы, «стержневые державы», государства-цивилизации, силовое равновесие, бимультipoлярность.

Ведущие государства современного мира, такие как Россия, Китай и Индия, часто именуемые на Западе «ревизионистскими державами», самоопределяют себя как государства-цивилизации. Применительно к России это находит отражение в действующей Концепции внешней политики Российской Федерации. Внешнеполитический «ревизионизм» этих государств воспринимается на Западе как стремление разрушить привычный международный порядок, который поддерживал их 500-летнее доминирование в «западоцентричном мире». Но эта эпоха сама подошла к своему концу, так что многие представители западной элиты осознают необходимость поиска новой модели миропорядка, причём немалая их часть со времён выхода книги Генри Киссинджера «Дипломатия» обращается в своём поиске к опыту функционирования Венской системы. Исходя из этого, цель данной статьи – рассмотреть условия и возможности формирования нового «мирового концерта».

Как известно, состоявшийся после разгрома наполеоновской Франции в 1814–1815 гг. Венский конгресс определил основы тогда ещё европейского порядка, обеспечившего мир в отношениях между великими державами на протяжении жизни целого поколения – почти 40 лет, а если говорить об общеевропейской войне, то её уда-

валось избежать целое столетие (можно даже отчасти согласиться с американским политологом Р. Хаасом в том, что «Крымская война середины века между Россией, с одной стороны, и Великобританией с Францией была скорее спором за право контролировать территорию гибнущей Османской империи, а не фундаментальным конфликтом» [1, с. 13]).

Три начала лежали в основании Венской системы: 1) принцип силового равновесия, согласно которому ни одна европейская держава не могла претендовать на гегемонию, а любые такие претензии со стороны какой-либо державы должны сдерживаться совокупностью усилий всех остальных держав; 2) принцип легитимизма, т.е. законность, уважение к праву как внутри государств, так и в отношениях между ними, в т.ч. признание существующих границ и обязательство не вмешиваться во внутренние конфликты друг друга; 3) т.н. «европейский концерт», предусматривавший регулярные консультации между представителями ведущих европейских держав (пентархии и сменившей её гекзархии), согласование их действий, что подразумевало использование методов коллективного, консенсусного решения международных проблем. Хотя бы относительная приверженность этим принципам позволила ограничивать масштабы конфликтов внутри системы и возможности одних держав господствовать над другими.

Также среди оценок «европейского концерта» есть утверждение, что он «отдавал приоритет порядку перед равенством и стабильности перед справедливостью» [2, р. 5]. С первой частью этого тезиса нельзя не согласиться, но вот вторая явно нуждается в уточнении понятия «справедливость»: если видеть в ней, например, выражение социальной полезности, то она не обязательно противоречит стабильности, которая есть залог прочного мира. Как писал А. Дебидур, «если правительства, взявшие на себя миссию блюсти мир и европейское равновесие, хорошо уживаются друг с другом, они фактически охраняют спокойствие; они сдерживают друг друга к великой выгоде малых государств» [3, с. 529].

Подобно тому, как в прошлом «Европа была брошена в пучину политики равновесия сил тогда, когда её первоначальный выбор – средневековую мечту об универсальной империи – постиг крах» [4, с. 12], ныне закат американского гегемонизма или американоцентричного глобализма выдвинул на повестку дня вопрос поиска модели нового, но теперь уже не европейского, а мирового равновесия.

При осмыслении этой проблемы важно учитывать пять наиболее значимых тенденций, которые характеризуют мировой исторический процесс XXI в. в его геополитическом и цивилизационном измерениях:

1) открытие Космоса и растущее соперничество великих держав за его освоение, сопровождающееся развитием новых технологий контроля над пространством и его эксплуатации, что привело к вступлению мир-системы в эпоху, соотносимую по своим масштабам и значению с «долгим XVI столетием», начавшимся с Великих географических открытий;

2) вступление Запада во вторую стадию цивилизации, по О. Шпенглеру, соответствующую I в. до н.э. – I в. н.э. (периоду Римской революции) и означающую наступление примерно 200-летней эпохи гражданских войн или «смутного времени»;

3) завершение американской политической гегемонии (1991–2014), которая сменяется началом «смутного времени» в истории западной цивилизации, означая, что на смену ей в течение этого периода не придет никакая новая гегемония какой-либо другой державы Запада;

4) кризис универсалистских притязаний Запада, экспансия которого вывела из состояния безнадёжной стагнации высокие незападные культуры и вызвала к жизни процессы индигенизации, способствующие формированию в незападном мире суверенных полюсов роста, которые основываются на альтернативных западных моделях развития, демонстрирующих эффективность;

5) кризис легитимности универсалистского правового порядка, сложившегося в период первой стадии цивилизации в истории Запада и приведшего к замене прежнего ограничения войны тотальной войной, с перспективой мировой гражданской войны, что противоречит жизненным интересам находящихся на подъеме незападных держав.

Возникает вопрос: если системы баланса сил существовали в отношениях между древнекитайскими государствами эпохи «сражающихся царств», между государствами-полисами Древней Греции, между государствами Италии эпохи Возрождения, а также между европейскими государствами после Вестфальского мира 1648 г., всегда возникая как реакции на кризисы «империализмов», возможно ли появление такой системы в новой форме в современном, «постамериканском» мире, и насколько она будет эффективной с точки зрения соображений поддержания мировой стабильности?

Главным препятствием реализации модели силового равновесия в современных условиях является присущий США как нисходящей сверхдержаве «абсолютный подход к международным отношениям наряду с поисками «абсолютной» безопасности», которые, как отмечал Р. Купер, «имеют глубокие корни в американской истории». Он вспоминает, что «когда британский консерватор Эдмунд Бёрк (кстати, парламентарий, настроенный проамерикански) обмолвился о желательности равновесия сил в Америке по европейской модели и назвал идею о том, что безопасность возможна «только в отсутствие соседствующих государств», чуждой европейскому мышлению, его слова вызвали гневную отповедь Бенджамина Франклина, который как раз таки ратовал за полное устранение французов с американского континента. Такова концепция безопасности через тотальный контроль, а не через равновесие и сосуществование с соседями» [5, с. 214]. Это представление связано с самоопределением США как «революционного государства, радеющего о человечестве, а не о собственных узких интересах» [5, с. 209]. Исключение составил, пожалуй, лишь период Р. Никсона – Г. Киссинджера, которые, придерживаясь «философии ограниченных целей (стремиться к которым надлежало ограниченными средствами)» [5, с. 211], обратились к практике «нормальной дипломатии» и попытались провести «эксперимент – *жить* в мире, а не пытаться *изменить* мир, придерживаться консервативной, а не революционной политики» [5, с. 212]. Р. Купер упоминает в связи с этим слова президента Никсона, сказанные в интервью журналу «Тайм» в 1972 г.: «Единственный период продолжительного мира в мировой истории связан с установлением равновесия сил» [5, с. 211].

Как отмечал Г. Киссинджер, «главнейшие международные договоры» XX в. стали «воплощением американских ценностей», олицетворявших «триумф веры над опытом» [4, с. 10]. Но уже к концу этого столетия оказалось, по его признанию, что «Америка более не может ни отгородиться от мира, ни господствовать в нём» [4, с. 11]. Она уже не настолько уверена в собственных силах, чтобы быть готовой «заплатить любую цену, вынести любое бремя» для обеспечения успешного воплощения своих идеалов. Поэтому автор «Дипломатии» вынужден был констатировать на её страницах, что «мир, включающий в себя ряд государств сопоставимого могущества, должен основывать свой порядок на какой-либо из концепций равновесия сил, то есть базироваться на идее, существование которой всегда заставляло Соединённые Штаты чувствовать себя неуверенно» [4, с. 11].

Следом за Генри Киссинджером эту идею высказывал в начале XXI в. соучредитель Фонда «Новая Америка» Майкл Линд, представляя её в виде «концерта» миролюбивых, законопослушных великих держав, которые будут сотрудничать для поддержания международной безопасности. Он прямо ссылаясь на Нобелевскую лекцию 1910 г. Теодора Рузвельта, который говорил тогда: «Было бы гениальным ходом, если бы великие державы, искренне стремящиеся к миру, образовали Лигу мира не только для того, чтобы поддерживать мир между собой, но и для того, чтобы, при необходимости, силой не допустить его нарушения другими» [6]. Вудро Вильсон позднее соглашался с ним: «Должен быть не баланс сил, а сообщество сил – не организованное соперничество, а организованный общий мир» [6]. Хотя Лига Наций Вильсона потерпела крах, во время Второй мировой войны Франклин Рузвельт стремился к той же цели – созданию международной системы, управляемой на основе консенсуса. В мае 1942 г. он изложил свой план новой всемирной организации, в рамках которой «реальные решения должны приниматься Соединёнными Штатами, Великобританией, Россией и Китаем, которые будут державами на долгие годы вперёд и которым предстоит контролировать ситуацию в мире» [6].

По словам М. Линда, «холодная война парализовала Совет Безопасности ООН. Однако после её окончания стал возможен «концерт» великих держав. Все постоянные члены Совета Безопасности, включая Китай и Россию, по крайней мере, молчаливо поддерживали войну в Персидском заливе и вторжение США в Афганистан, находившийся под управлением Талибана, после 11 сентября 2001 г.» [6]. Он прямо указывал на то, что «именно Соединённые Штаты, а не Китай и Россия, отвергали правила системы, созданной после 1945 г. самой Америкой. Если бы Соединённые Штаты приняли стратегию «концерта» держав, им не пришлось бы полагаться в первую очередь на жесткий Совет Безопасности ООН. Вместо этого Соединённые Штаты могли бы участвовать в региональных концертах великих держав» [6]. Уже тогда, в разгар «глобальной демократической революции» Дж. Буша-младшего, он отмечал, что «членам альянса не обязательно быть демократическими внутри, если только они не являются тираниями, склонными к геноциду, и привержены нормам мирной международной системы». Больше того, его проект содержал весьма радикальные для Запада инициативы: «Принятие

России в НАТО превратило бы этот альянс в общеевропейский «концерт великих держав». Переговоры шести держав по Северной Корее могли бы стать основой для «концерта великих держав», объединяющего США и Японию с Китаем и Россией» [6].

Однако речь у него, по сути, шла о различных региональных «концертах», с неизменным участием в них США, причём с поправкой на то, что «на Ближнем Востоке «концерт великих держав» невозможен из-за местного соперничества. В Северной Америке он невозможен, поскольку США – единственная великая держава на континенте» [6]. М. Линд полагал, что «развивая региональные «концерты», Соединенные Штаты могут сохранять свое влияние в стратегически важных регионах за пределами Северной Америки, не рискуя вызвать ответную реакцию в виде попыток навязать одностороннюю американскую гегемонию всем трем», при этом экономя деньги, объединяя свои оборонные ресурсы с другими великими державами, и сохраняя «американскую безопасность с минимальными потерями для американского образа жизни» [6].

В самом начале президентства Дж. Байдена (и его факсимиле) Ричард Хаас и Чарльз Купчан высказали идею о «Новом концерте держав» в их статье от 23 марта 2021 г. в *Foreign Policy*. Исходной посылкой для них стал тезис о том, что «по мере того как Азия продолжает свой экономический подъём, двухвековое господство Запада в мире, сначала в рамках *Rex Britannica*, а затем в рамках *Rex Americana*, подходит к концу. Запад теряет не только своё материальное превосходство, но и идеологическое влияние. По всему миру демократии становятся жертвами нелиберализма и популистских разногласий, в то время как набирающий силу Китай при поддержке воинственной России стремится бросить вызов авторитету Запада и республиканским подходам как к внутреннему, так и к международному управлению» [7]. С учетом этого они призывают «трезво признать, что либеральный порядок под руководством Запада больше не может обеспечить глобальную стабильность в XXI в.» [7], видя наилучшее средство обеспечения стабильности в этих условиях в глобальном концерте крупных держав, который будет характеризоваться «политической инклюзивностью», независимой от существующих в них режимов, и «процедурной неформальностью», избегающей обязательных и подлежащих исполнению процедур и соглашений. В их представлении глобальный концерт будет неким консультативным органом, а не органом принятия решений, но при этом будет иметь «штаб-квартиру». В эту «руководящую группу» войдут шесть центров силы – «Китай, Европейский союз, Индия, Япония, Россия и США», и она сама будет избегать формализованных правил, полагаясь вместо этого на диалог для достижения консенсуса. Это якобы поможет выработать новые правила поведения и обеспечить поддержку коллективных инициатив, но оставит ООН и другим существующим органам оперативные вопросы, в т.ч. такие, как развертывание миротворческих миссий, оказание помощи при пандемиях и заключение новых климатических соглашений.

Получается, таким образом, что наряду с полупарализованной ООН должен будет появиться еще один глобальный «консультативный орган» с сомнительной дееспособностью, который в таком случае лишь сменит архаичную G7. В таком подходе проявляется попытка перехватить идею «мирового концерта», представив его в виде инструмен-

та глобального управления, или некой «идеальной площадки для обсуждения влияния глобализации на суверенитет и потенциальной необходимости лишить суверенного иммунитета страны, которые занимаются определёнными вопиющими видами деятельности», к которым они относят «геноцид, укрывательство или спонсирование террористов, а также серьёзное усугубление проблемы изменения климата путём уничтожения тропических лесов» [7].

Согласно точке зрения Р. Хааса и Ч. Купчана, «участники будут направлять постоянных представителей высшего дипломатического ранга в штаб-квартиру глобального концерта. Хотя они не будут официальными участниками концерта, четыре региональные организации – Африканский союз, Лига арабских государств, Ассоциация государств Юго-Восточной Азии (АСЕАН) и Организация американских государств (ОАГ) – будут иметь постоянные представительства в штаб-квартире концерта» [7]. Они предусматривают, что в рамках глобального концерта «участники оставляют за собой право предпринимать односторонние действия, самостоятельно или в составе коалиций, когда, по их мнению, на карту поставлены их жизненно важные интересы. Однако прямой стратегический диалог сделает неожиданные шаги менее вероятными, а в идеале – и односторонние действия менее частыми» [7].

Данная конструкция содержит в своей основе механизм согласования интересов участников «глобального концерта», но исключает признание сфер их жизненно важных интересов и особой ответственности, поскольку связывает это признание с созданием некоего подобия региональных блоков, а это оценивается как само по себе негативное явление. Один из экспертов – сторонников данного проекта Эндрю К.П. Люн, глава Andrew Leung International Consultants and Investments Limited, прямо утверждает: «Позволить миру скатиться к региональным блокам или структуре из двух блоков, как во времена холодной войны, – бесперспективный вариант. Соединённые Штаты, Китай и остальной мир не могут полностью разойтись, когда национальные экономики, финансовые рынки и цепочки поставок неразрывно связаны. Группа ведущих держав – лучший вариант для управления интегрированным миром, за которым больше не стоит гегемон. Глобальный концерт подходит под это описание» [8].

Однако вспомним, что в конце XX в. Г. Киссинджер прогнозировал: «Международная система XXI века будет характеризоваться кажущимся противоречием: фрагментацией, с одной стороны, и растущей глобализацией, с другой» [4, с. 15]. Этот прогноз в целом вполне оправдался, с поправкой на то, что данное противоречие оказалось отнюдь не «кажущимся». И способом его разрешения как раз и может стать новая мировая система баланса сил. Но вот та модель, которую предлагают Р. Хаас, Ч. Купчан и др., таковой на самом деле не является, представляя собой лишь ее институциональную имитацию, встроенную в конструкцию глобалистского мира. Поэтому речь должна идти о мировом, а не о глобальном «концерте» держав (в том смысле, в каком, например, мировая экономика отличается от глобальной)

Подлинная мировая система баланса сил должна основываться на базе сосуществования многообразных представлений её субъектов – лидеров региональных цивилиза-

ций – о своих жизненных интересах, ценностях и желаемом образе будущего, сочетая в себе атрибуты исторических систем равновесия сил с элементами логики биполярного мышления и цивилизационной геополитики. Она должна также учитывать тенденцию относительного распространения оружия массового уничтожения, когда им обладают уже не только две сверхдержавы. А это подразумевает синтез трех принципов: биполярности, многополярности и ответственности великих держав за безопасность и стабильное развитие своих региональных цивилизаций, лидерами которых они являются.

Ещё в 2006 г. автор этой статьи писал о бимультipoлярности как «краеугольном камне в фундаменте нового мироустройства, в котором будет обеспечено равноправное участие цивилизаций Востока и Запада»; его мировоззренческой основой представлялась «цивилизационно-симфоническая парадигма планетарного сознания», которая, как виделось тогда, должна иметь характер антикризисного сознания и «формироваться вокруг идеи «симфоничности» или «соборности» грядущего миропорядка, представляя собой продукт диалектического осмысления коллизии глобализации, фрагментации, регионализации и глокализации» [9, с. 556].

Следует отметить, что и приверженцы «глобального концерта» склонны признавать, что будущая международная система будет сочетать в себе черты биполярности и многополярности. Правда, с точки зрения Э. Люна, «в ней будут два равных конкурента – США и Китай. Однако, в отличие от периода холодной войны, идеологическое и геополитическое соперничество между ними не охватит весь мир. Напротив, ЕС, Россия и Индия, а также другие крупные государства, такие как Бразилия, Индонезия, Нигерия, Турция и Южная Африка, скорее всего, будут стравливать две сверхдержавы друг с другом и стремиться сохранить значительную степень автономии» [8]. Очевидно, что описываемая таким образом система не может быть стабильной, тогда как в теории международных систем бимультipoлярность предполагает высокую стабильность, при которой две сверхдержавы выступают в качестве регуляторов конфликтов во внешней сфере, а многополярные державы играют роль посредников или «буферов» между ними.

Что означает бимультipoлярность в практическом плане, исходя из реалий международных отношений сегодняшнего дня? На биполярном уровне – это сохранение глобального военно-стратегического равновесия России и США (и здесь мы в принципе не заинтересованы в третьей силе, которая лишь нарушит ядерное равновесие, хотя такая перспектива выглядит вполне реальной). На мультipoлярном, политико-экономическом уровне – это мировой концерт великих держав – лидеров своих цивилизаций, ответственных за поддержание безопасности внутри их сфер ответственности, которые определяются границами своих региональных цивилизаций. Это и есть универсализированная модель «Вена 2.0», стабилизируемая равновесием страха взаимного ядерного уничтожения при столкновении двух военных сверхдержав. Возможно ли при этом сохранение военных блоков типа НАТО? В принципе возможно, но лишь в строгих географических рамках зон ответственности лидеров этих блоков.

Патриарх американской дипломатии ожидал, что главными участниками нового «концерта» станут «Соединенные Штаты, Европа, Китай, Япония, Россия и, возможно,

Индия» [4, с. 15]. Сегодня мы видим, что это предположение не вполне соответствует реальности. Национальная мощь Японии не соответствует её амбициям, да и вообще трудно говорить о её реальной геополитической субъектности. Это же касается и Европы, что подтверждается событиями последнего десятилетия вокруг Украины. Больше того, в Китае ставят под сомнение глобальную субъектность Индии, указывая на ее тяготение к зависимости от США. Показательно мнение Терри Су, президента гонконгского онлайн-издательства и аналитического центра по геополитике, высказанное в South China Morning Post в поддержку идеи «глобального концерта» при условии, что Япония и Индия будут исключены из предлагаемого списка его участников, с чем был склонен согласиться и Эндрю К.П. Люн [8]. Однако эти «антииндийские» утверждения следует рассматривать лишь как проявления распространенной среди китайцев предубежденности в отношении политики Нью-Дели, тогда как объективные параметры, безусловно, делают Индию необходимым элементом «мирового концерта».

Итак, в качестве очевидных главных акторов будущей системы «Вена 2.0» можно рассматривать США, Китай, Россию и Индию (новые «четыре полицейских?»), выступающих в качестве лидеров или «стержневых государств» своих цивилизаций. Но для обеспечения устойчивости она, однако, нуждается как минимум в пяти основных членах. Кто пятый? Если исходить из того, сколько такая держава может выставить солдат, это должна была бы быть КНДР, но по всем другим признакам эта идея не выглядит серьезно. А вот почему не Саудовская Аравия? На её территории находятся священные мусульманские города Мекка и Медина, так что она может выступать как представитель всего исламского мира. Правда, это всего 19-я экономика и 24-я армия мира (просто по численности вооруженных сил – 16-я), но зато она вполне равноудалена от остальных четырех держав, обладает авторитетом и влиянием.

В принципе вполне возможен и семиполярный мир. Главными претендентами на участие в нём выступают Бразилия (9-я экономика и 11-я армия мира, если верить рейтингам) и Турция (9-я армия и 18-я экономика), но последняя – ещё одна мусульманская страна в «концерте». Гораздо менее сопоставимы с ними тоже мусульманский Пакистан (12-я армия, но всего 43-я экономика) и ЮАР (39-я экономика и 40-я армия мира), но последняя может выступать как лидер Африки. Великобритания или Франция (с высокими, но явно «надутыми» показателями), казалось бы, объективно необходимы для представительства Европы, к тому же они уже постоянные члены СБ ООН, но их реальные военная мощь и политическая значимость быстро девальвируются: ещё Г. Киссинджер признавал, что европейские страны «не обладают ресурсами для того, чтобы играть глобальную роль» [4, с. 734]. Японию, Южную Корею, Германию, Италию, Иран или Израиль даже не стоит рассматривать в этом качестве. Следует признать и то, что с ещё большим расширением этого «привилегированного клуба» снижается его дееспособность.

Принято считать, что новый международный порядок формируется по итогам крупномасштабного вооруженного конфликта, и в принципе так оно и есть. Тот же «европейский концерт» стал результатом взаимного истощения после двадцати лет революцион-

ных и наполеоновских войн, и подкреплялся общей идеологической приверженностью монархий к подавлению либеральных и националистических движений. Однако применительно к нашему дню такой взгляд не учитывает фактора распространения оружия массового уничтожения и связанных с ним экзистенциальных рисков, с вытекающим отсюда стремлением держав избежать глобальной войны. Принцип гарантированного взаимного уничтожения обеспечивает как стабильность (великие державы не будут воевать друг с другом напрямую), так и нестабильность (промах может привести к катастрофе) международной системы. Ни один дипломат XIX в. не задумывался об оружии, которое может положить конец цивилизации, поэтому любой современный «концерт» одновременно и менее необходим (ядерное сдерживание обеспечивает стабильность), и более актуален (ставки выше). И главное – он возможен только на качественно иной основе, нежели классический «европейский концерт». Представляется, что такой основой может стать чёткое разделение зон ответственности великих держав за поддержание стабильности и безопасности, и тогда механизм баланса сил будет работать на пресечение попыток выхода за их пределы либо подрыва позиций «стержневой державы» в зоне её ответственности.

Нельзя не признать, что в настоящее время у великих держав нет общего понимания того, что представляет собой легитимное управление международными процессами. Внутри США либеральный интернационализм демпартии соперничает с националистическим унилатерализмом трампистов. Европа тоже разрывается между стимулируемой Брюсселем тенденцией федерализации и риском обвала европейского проекта с реваншем национализмов. В Китае мы видим неоимперский авторитаризм с чертами государственного капитализма; при этом в нём, как и в России, Индии и Турции, происходит поиск «идеи-мечты» на основе концепции государства-цивилизации. Все эти страны представляют собой несовместимые взгляды на внутренний и международный порядок. Причём мы видим, что «демократия» в её западной версии отстывает, а не продвигается по всему миру, и эта тенденция будет усиливаться и внутри самого Запада, поскольку соответствует признакам второй стадии цивилизации.

Тем не менее даже на Западе вместе с признанием того, что «настаивать на всеобщем принятии либеральных норм в качестве предварительного условия стабильности – значит обрекать себя на постоянные конфликты», постепенно складывается понимание невозможности построить прочный порядок, бесконечно пытаясь изолировать или сдерживать Китай или Россию. Отсюда понятно, что новый международный порядок должен предусматривать место для идеологического разнообразия и соответствовать общему усилению авторитаризма в мире (а оно будет происходить за счет стран, не принимающих эту тенденцию, и сегодня это прежде всего ЕС).

Среди отличий нынешней международной ситуации от эпохи «европейского концерта» упоминается то, что «Венская система действовала в эпоху ограниченной экономической интеграции, тогда как сегодня мы сталкиваемся с парадоксальным сочетанием глубокой взаимозависимости с растущей стратегической конкуренцией. Китай и США одновременно являются крупнейшими торговыми партнёрами друг друга и главными

угрозами безопасности. Это создаёт стимулы как для сотрудничества, так и для конфликтов, с которыми венские государственные деятели никогда не сталкивались. Нынешние попытки «снизить риски» и реструктурировать цепочки поставок говорят о том, что мы движемся к управляемому разделению, а не к стабильному сосуществованию» [7]. Именно это – важнейший аргумент в пользу системы Вена 2.0 как модели баланса сил, основанной на чётком, даже институционализированном разделении сфер влияния великих держав и их взаимном сдерживании.

Кроме того, в качестве специфической характеристики современного мира называется «тирания внутренней политики над внешней». Речь идёт о том, что Александр I, Меттерних, Каслри, Гарденберг и Талейран могли вести конфиденциальные переговоры, не беспокоясь о «хейтерах» в социальных сетях, о круглосуточных новостных лентах или промежуточных выборах. Считается, что современные лидеры, действуя в условиях т.н. «открытой политики», сталкиваются с тем, что их электорат часто выступает против компромиссов, необходимых для урегулирования отношений между великими державами, а демократическая подотчетность делает закулисную «торговлю» политически токсичной. По словам Л. Хадара, «венские государственные деятели корректировали границы, создавали буферные государства и шли на компромиссы, которые привели бы в ужас современных правозащитников» [9]. Однако это утверждение касается лишь приходящей в упадок западной либеральной демократии, в постдемократическом мире политика «сделок» будет вполне возможной и нормальной, симптомы чего мы наблюдаем уже сейчас в связи с политикой администрации Д. Трампа.

Следует признать, что, отчасти вернувшись к принципу невмешательства во внутренние дела (пусть на уровне взаимного признания региональных сфер влияния великих держав), «мир глобального концерта предоставил бы своим членам широкую свободу действий в вопросах внутреннего управления. Они могли бы фактически соглашаться не соглашаться по вопросам демократии и политических прав, гарантируя, что такие разногласия не будут препятствовать международному сотрудничеству... Но концертный союз также способствовал бы формированию общего понимания того, что представляет собой недопустимое вмешательство во внутренние дела других стран и чего следует избегать» [8].

Среди препятствий на пути реализации модели Вена 2.0 называются также рост влияния негосударственных субъектов и транснациональные вызовы. Венский конгресс имел дело только с государствами. Глобализм способствовал распространению убеждённости в том, что современные вызовы – изменение климата, пандемии, терроризм, миграция, кибервойны – не признают границ и не могут быть решены «картельными сговорами» великих держав, делящих территорию. Но и это убеждение отнюдь не бесспорно. Вена 2.0 могла бы стабилизировать отношения между великими державами именно благодаря «картельному сговору», обеспечивающим контроль великих держав над транснациональными силами и процессами (подобно тому, как сейчас государства всё активнее стремятся установить свой контроль над Интернетом).

Очевидно, что стабильный международный порядок возникает на основе баланса сил и общих интересов, а не искусной дипломатии. Венский конгресс закрепил сложившийся тогда баланс сил, а не создал его с нуля. В этом смысле нельзя не согласиться, что «тоска по грандиозной сделке в духе Киссинджера поощряет магическое мышление: если бы только мы могли собрать нужных людей в нужном месте, всё бы наладилось». Однако Вена 2.0. как мировой, а не глобальный «концерт» держав вовсе не обязательно должна возникнуть по итогам некоего всемирного форума, по аналогии с Венским конгрессом. Она может оказаться результатом ряда двух- или многосторонних региональных соглашений, санкционирующих разделение мира на сферы жизненных интересов, зоны ответственности или «сферы влияния» стержневых государств основных цивилизаций.

Стоит, кстати, задуматься, насколько высокоинтенсивные контакты современных государственных деятелей, дипломатов и политиков способствуют взаимопониманию и гармонизации международных отношений. У меня в этом большие сомнения. То, что Сталин или Салазар практически никуда не выезжали из своих стран и довольно редко встречались со своими зарубежными коллегами, отнюдь не мешало им тонко чувствовать своих «визави», прекрасно понимать логику их мышления и чутко реагировать на любые изменения в окружающем мире. Напротив, ежедневные саммиты и форумы в режиме «нон-стоп» ничуть не приближают нас к стабильному и прочному миру, не говоря уже о факторе стоимости всех этих мероприятий и её доле в совокупных мировых расходах.

Да, каналы связи и регулярные консультации помогают предотвратить перерастание недопонимания в кризисы. И участники «европейского концерта», как и участники биполярной системы времён холодной войны, периодически встречались для обсуждения возникающих проблем. Понятно, что миру нужны подобные механизмы и сегодня, но они должны быть инструментами действительного регулирования, а не политических манипуляций.

Примечательно следующее утверждение Р. Хааса: «Одна из причин того, почему “концерт Европы” был сыгран, так сказать, и продлился столько, сколько продлился, заключалась в профессиональных качествах ряда людей, стоявших у его истоков. Однако к числу факторов, увеличивающих вероятность того, что мировой порядок выживет, относится следующее условие: порядок вовсе не требует обязательного наличия талантливых государственных деятелей, которых, вероятно, всегда будет нехватать» [1, с. 14]. Видимо, это утверждение связано как раз с ощущением острого дефицита талантливых государственных деятелей и дипломатов сегодня на Западе. Но склонность полагаться на институты не компенсирует этого дефицита, и новый миропорядок будет создаваться личностями, историческими фигурами, а не серыми евробюрократами, как бы кому ни хотелось убедить себя и всех остальных в ином.

В заключение следует отметить, что процесс формирования «мирового концерта» происходит в условиях кризиса и трансформации всей мир-системы Модерна в новую мир-систему, что связано с подъемом Незапада и обострением противоречия Запад –

Незапад как основного противоречия нашей эпохи, а также с началом борьбы за господство в Космосе, которая соответствует борьбе за захват земли в Новом Свете в XVI–XVII вв. Этим нынешняя ситуация принципиально отличается от внутрисистемных трансформаций мир-системы Модерна, в т.ч. от становления «европейского концерта» (Венской системы), напоминая эпоху формирования Вестфальского мира. Очевидно, что дальнейший ход этого процесса будет зависеть от разных факторов и обстоятельств, но его результативность будет определяться способностью минимизировать уровень недовольства его итогами до такой степени, которая исключила бы стремление ниспровергнуть установившийся миропорядок.

Список литературы

1. Хаас Р. Мировой беспорядок. Американская внешняя политика и кризис старого порядка / Пер. с англ. – М.: AST Publishers, 2019. – 350 с.
2. Mazower, Mark. Governing the World: The History of an Idea, 1815 to the Present. – N.Y.: Penguin, 2015. – 475 p.
3. Дебидур А. Дипломатическая история Европы / Пер с фр. – Т.2. – М.: Гос. изд-во иностр. лит., 1947. – 544 с.
4. Киссинджер Г. Дипломатия. – М.: Ладомир, 1997. – 847 с.
5. Купер Р. Раздор между народами. Порядок и хаос в XXI веке / Пер. с англ. - М.: Московская школа политических исследований, 2010. – 240 с.
6. Lind, Michael. The United States in the Global Concert of Powers. Should the United States move toward a more multilateral foreign policy? – URL: <https://www.theglobalist.com/the-united-states-in-the-global-concert-of-powers/>
7. Haass, Richard and Kupchan, Charles. The New Concert of Powers. How to Prevent Catastrophe and Promote Stability in a Multipolar World. – URL: <https://www.foreignaffairs.com/articles/world/2021-03-23/new-concert-powers>
8. Leung, Andrew. The New Concert of Powers: How to Prevent Catastrophe and Promote Stability in a Multipolar World. – URL: <https://www.wgi.world/new-concert-of-powers/>
9. Шепелев М.А. Глобально-цивилизационные процессы и планетарное сознание // Цивилизационная структура современного мира. В 3-х т. Т. 1. Глобальные трансформации современности. Под ред. Ю.Н. Пахомова и Ю.В. Павленко. – К: Наукова думка, 2006. – С.477-562.
10. Hadar, Leon. World doesn't need Congress of Vienna 2.0—it needs statesmen. – URL: <https://asiatimes.com/2025/11/world-doesnt-need-congress-of-vienna-2-0-it-needs-statesmen/>

Сведения об авторе

Шепелев Максимилиан Альбертович – доктор политических наук, профессор, профессор кафедры политических наук и международных отношений, ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского».

E-mail: ma_shepelev@mail.ru

Статья/доклад подготовлена в рамках реализации государственного задания по НИР «Идентичность России как государства-цивилизации: политический, духовный, социальный аспекты», шифр FSZG-2025-0004. Регистрационный номер: 1025021700071-2-6.3.1.

Shepelev M.A.

VIENNA 2.0: TOWARDS A WORLD “CONCERT” OF CIVILIZATIONAL STATES

Abstract: *This article examines the prerequisites and obstacles to the formation of a post-hegemonic world order based on a new model of balance of power between civilizational states or “core powers” of regional civilizations. It demonstrates that the stability and effectiveness of this order hinges on the synthesis of three principles: bipolarity, multipolarity, and the responsibility of great powers for the security and stable development of their regional civilizations, of which they are the leaders. At the same time, the balance of power mechanism must work to prevent attempts to extend beyond their zones of responsibility (spheres of influence) or to undermine the position of the “core power” from outside within its zone of responsibility. The process of formation of ideas about the global (world) “concert” of powers in the theory of international relations of the late 20th – 21st centuries is analyzed.*

Keywords: *Vienna system, “European concert”, “global concert”, great powers, civilization-states, balance of power, bimultipolarity.*

References

1. Haas, R. Mirovoy besporyadok. Amerikanskaya vneshnyaya politika i krizis starogo poryadka / Per. s angl. – M.: AST Publishers, 2019. – 350 s.
2. Mazower, Mark. Governing the World: The History of an Idea, 1815 to the Present. – N.Y.: Penguin, 2015. – 475 p.
3. Debidur A. Diplomaticheskaya istoriya Yevropy / Per s fr. – T.2. – M.: Gos. izd-vo inostr. lit., 1947. – 544 s.
4. Kissindzher G. Diplomatiya. – M.: Ladomir, 1997. – 847 s.
5. Kuper R. Razdor mezhdru narodami. Poryadok i khaos v XXI veke / Per. s angl. - M.: Moskovskaya shkola politicheskikh issledovaniy, 2010. – 240 s.

6. Lind, Michael. The United States in the Global Concert of Powers. Should the United States move toward a more multilateral foreign policy? – URL: <https://www.theglobalist.com/the-united-states-in-the-global-concert-of-powers/>
7. Haass, Richard and Kupchan, Charles. The New Concert of Powers. How to Prevent Catastrophe and Promote Stability in a Multipolar World. – URL: <https://www.foreignaffairs.com/articles/world/2021-03-23/new-concert-powers>
8. Leung, Andrew. The New Concert of Powers: How to Prevent Catastrophe and Promote Stability in a Multipolar World. – URL: <https://www.wgi.world/new-concert-of-powers/>
9. Shepelev M.A. Global'no-tsivilizatsionnyye protsessy i planetarnoye soznaniye // Tsivilizatsionnaya struktura sovremennogo mira. V 3-kh t. T. 1. Global'nyye transformatsii sovremennosti. Pod red. YU.N. Pakhomova i YU.V. Pavlenko. – K: Naukova dumka, 2006. – S.477-562.
10. Hadar, Leon. World doesn't need Congress of Vienna 2.0—it needs statesmen. – URL: <https://asiatimes.com/2025/11/world-doesnt-need-congress-of-vienna-2-0-it-needs-statesmen/>

Shepelev Maximilian Albertovich – Doctor of Political Sciences, Professor, Professor of the Department of Political Science and International Relations, V. I. Vernadsky Crimean Federal University.

E-mail: ma_shepelev@mail.ru

The article/report was prepared as part of the implementation of the state research assignment «The identity of Russia as a state-civilization: political, spiritual, and social aspects», code FSZG-2025-0004. Registration number: 1025021700071-2-6.3.1.

УДК 5.5.4

DOI: 10.29039/2413-1695-2025-11-4-120-132

ПЕРЕОСМЫСЛЕНИЕ ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКИ ЕС В ОТНОШЕНИИ РФ 1991–2021 ГГ.: СТРАТАГЕМНЫЙ ПОДХОД

Нарышкин А. А., Воробьев С. В.

Аннотация: Данная статья посвящена переосмыслению истории внешней политики Европейского Союза с 1991 по 2021 гг., с акцентом на анализ взаимодействия с Россией. Исследование помещает эволюцию внешнеполитических стратегий ЕС (и его предшественника – ЕЭС) в широкую культурно-историческую перспективу, рассматривая ее как динамику смыслов, символов и практик, формирующих взаимные представления о «своем» и «чужом». В качестве теоретической и методологической основы выбран стратагемный подход, опирающийся на принципы древнекитайского стратегического мышления, изложенные в трудах Сунь-цзы и трактате «Тридцати шести стратагем».

Применение стратагемного подхода позволяет интерпретировать международные отношения ЕС и России как систему культурных кодов и сценариев адаптации, где дипломатические действия, экономическое сотрудничество и политическое соперничество становятся элементами более широкой семиотики власти и субъектности. Через этот призму внешняя политика рассматривается не как набор рационально мотивированных решений, а как совокупность устойчивых паттернов, поддерживаемых коллективной памятью, институциональными нормами и символическим капиталом. Таким образом, статья предлагает новое видение постхолодновоевропейской истории Европы – как пространства стратегических взаимодействий, где политика приобретает форму культурного диалога, основанного на логике стратагем и поиске баланса между конкуренцией и взаимной адаптацией.

Ключевые слова: стратагемный подход, ЕС, ЕЭС, внешняя политика, международные отношения.

Введение

Взаимодействие России и европейского интеграционного проекта (от ЕЭС до ЕС) в 1991–2021 гг. уже стало частью культурно-исторического канона исследования постхолодновоевропейской Европы [10; 18]. Вместе с тем данное исследование помещает внешнюю политику ЕС (и его предшественника – ЕЭС) в отношении России в более широкий культурный контекст – как динамику смыслов, символов и практик, формирующих взаимные представления «своего» и «чужого», а также репертуары легитимации действий.

Опора на стратагемный подход рассматривается здесь как культурно-аналитический инструмент. Он позволяет реконструировать «коды действия» и сценарии взаимной

адаптации – от дипломатических нарративов и дискурсивных рамок до экономических и институциональных практик – не сводя их к оценочным ярлыкам. В таком ракурсе политико-экономическое соперничество понимается как конкуренция культурных стратегий и смысловых структур, где выбор средств и последовательность шагов выступают частью более широкой семиотики власти и субъектности.

Тем самым все действия анализируются как алгоритмы достижения культурно и исторически обусловленных целей: не как «правильные» или «неправильные», а как проявления устойчивых паттернов, поддерживаемых коллективной памятью, символическим капиталом и институционализированными нормами взаимодействия между Россией и Европой.

Стратегический подход – это стратегическое мышление, основанное на использовании стратегий – хитроумных тактик, направленных на достижение превосходства над противником или конкурентами с минимальными затратами ресурсов. Основы стратегического подхода заложены в трудах Сунь-цзы и других военных стратегов [14; 16]. «Тридцать шесть стратегий» (окончательно систематизированы в эпоху Мин, XVI–XVII вв.) стали каноническим руководством по тактическому маневрированию. В XX веке применение стратегий обрело второе дыхание не только в военном деле, но и в бизнесе, дипломатии и политике. Изучение стратегического подхода изначально было нацелено на углубленное понимание логики действий китайских элит на международной арене. В КНР стратегическое мышление интегрировано в государственное управление и внешнюю политику [6; 23]. В дальнейшем получила развитие школа обучения ведению переговоров посредством использования стратегического подхода. Стратегический подход активно используется в исторических исследованиях для анализа военных конфликтов, дипломатии, политических интриг и даже социально-экономических процессов. Его применяют как к истории Китая, так и к событиям в других регионах мира [21; 22]. В научной литературе предпринимались попытки по применению стратегического подхода к анализу менеджмента организаций [8] и международных отношений как КНР [1; 2], так и других стран [17], однако данный подход является в определенной степени новаторским и призван максимально точно и в то же время метафорично описать исследуемую проблематику.

Стратегии – один из древнейших способов систематизации принятия решений через, своего рода, игровые алгоритмы. И, если современная наука сравнительно недавно пришла к заключению, что взаимодействия людей на всех уровнях являются определенными игровыми системами со своими правилами и особенностями, то данный инструмент-феномен еще за несколько столетий до начала нашей эры уже был достоянием китайской культуры общения. Основой стратегического описания служат подчас метафорические описания основной линии действий, применимые, в том числе, к анализу межстранового взаимодействия и деятельности международных организаций [12]. Современное видение китайских стратегий сфокусировано на «Трактате о тридцати шести стратегиях», где метафоры подкрепляются военно-историческими примерами применения стратегий древнего Китая [4; 5].

Однако, как мудрость стратагем не ограничена историческим контекстом их применения, так и изложенное в них стратегическое мышление не ограничено военным применением. Более широкий контекст открывается при детальном погружении в смысл каждой стратагемы, своего рода, отхода от концепции «вызов-реакция» [3]. И словно из букв алфавита складываются слова и предложения, из цепочек стратагем складываются действия, направленные на решение ситуаций как в менеджменте организаций, так и в развитии международных отношений.

Стратагемный подход близок к некоторым современным концепциям международных отношений.

Во-первых, в их числе реализм, так как оба подхода делают акцент на силовую политику, баланс сил, использование хитрости и обмана, ставя во главу приоритет национальных интересов. Различие заключается в том, что реалисты делают упор на материальные факторы (такие как военная и экономическая мощь), а стратагемы – на психологическое манипулирование.

Во-вторых, просматривается параллель стратагемного подхода с теорией игр, моделируя игры с асимметричной информацией, где у игроков различная степень информированности. Однако в отличие от теории игр стратагемный подход сочетает в себе кратко- и долгосрочность (ориентацию на «стоletнюю игру», например, проект «Один пояс – один путь»), жесткость и уступки, и системность – стратагемы наиболее эффективны в комплексе (например, комбинация экономических и военных инструментов).

1985–1990. Предпосылки формирования новой базы сотрудничества

Известно, что процесс распада СССР сопровождался рядом, поначалу довольно популярных (как в Советском Союзе, так и за его пределами) реформ, инициированных Генеральным секретарем ЦК КПСС М.С. Горбачевым в 1985 году. Курс, названный «перестройкой», был направлен на экономическое ускорение, гласность и демократизацию государственной и общественно-политической жизни. В этой связи постепенное «поднятие» железного занавеса встречало всеобщее одобрение. Однако невозможно было проводить эти реформы в столь быстром темпе и одновременно столь фрагментарно. Под быстрым темпом понимается сжатый срок, а под фрагментарностью – охват, включавший важные внешние признаки, но не включавший политическую базу, изменение мышления. Так, введение демократической гласности в стране, где информационные потоки до этого жестко контролировались, возбуждало общественные дискуссии, которые не находили политических институтов для легального выхода. Таким образом был проигнорирован один из базовых посылов стратагемного мышления – комплексность оценки ситуации. Говоря иными словами, «позаимствовать труп, чтобы вернуть душу» (стратагема №16) не удалось. Стратагема подразумевает возможность оживления имеющегося образа и применение его к себе. В данном случае копируемый образ – западный уклад жизни, однако его применение без предварительной корректировки политических институтов было невозможным. Вероятно, можно было осуществить попытку более сдержанной (ограниченной и

постепенной) интеграции западных трендов в советскую жизнь, то есть смягчение политически мотивированных ограничений по аналогии с оттепелью середины 1950–1960-х гг. Однако, этого не произошло.

Лавинообразные тенденции внутри СССР, прежде всего в европейской части, неизбежно отражались на всем советском блоке (ОВД). Центробежные тенденции, активно поддерживаемые западной Европой (в лице ЕЭС и блока НАТО), затронули всех членов Организации Варшавского договора.

Этап 1991–2000. Европейско-российское взаимодействие в период кризисного становления в России национальных и внешнеполитических приоритетов

Фактически в условиях блокового противостояния западные партнеры воспользовались дестабилизацией ситуации в противоборствующем блоке. Большинство исторических свидетельств говорит о том, что такой ситуации ожидать было невозможно, но все же в условиях политической дестабилизации и перестройки экономики стран, ранее входивших в советский блок, европейским интеграционным объединением (ЕЭС, с 1993 г. – ЕС) были предприняты действия по «перетягиванию» ряда стран посредством экономического давления и/или политического влияния. В этой связи не случайно получила свое развитие идея «soft power», впервые введенная в научный оборот в 1990 г. [24]

Алгоритм аналогичных действий был описан в древних китайских стратагемах и назывался «Увести овцу легкой рукой». Данная стратагема (№12) рассматривает последовательность действий в случае противоборства двух равных соперников на более простом метафорическом примере и исторических контекстах из Древнего Китая. Так, в 354 г. до н.э. воспользовавшись войной китайских государств Вэй и Чжао и призывом Чжао о помощи, правитель государства Чу ввел войска на территорию Чжао, дождался разрешения военной схватки Вэй и Чжао. Схватка закончилась поражением и захватом столицы Чжао. Войско Чу, пользуясь своим легальным нахождением на территории Чжао, выжидало и в удобный момент захватило часть территории Чжао. Территория стала легко доставшейся «овцой», то есть, своего рода бонусом.

Так и западные партнеры, прежде всего Европейский Союз, воспользовавшись сложившейся ситуацией, в обозначенный период (1991–2000 гг.) плотно работали над дезинтеграцией советского блока и закреплением ее результатов в форме присоединения стран с частично перестроившейся экономикой, прежде всего, к ЕС и, во-вторых, к НАТО. Все мероприятия западного сообщества в ходе реализации этапов расширений ЕС на Восток ослабили экономические показатели стран бывшего ОВД.

На практике, пользуясь ситуацией, были начаты процессы объединения Германии на основе ФРГ. ГДР, став частью ФРГ, автоматически присоединилась к ЕС и НАТО. Был начат и впоследствии реализован путь перетягивания на свою сторону членов советского блока. Причем он начался в отношении всех без исключения европейских союзников СССР: Польши, Чехии, Словакии, Венгрии, ставших членами ЕС в 2004 г., и Румынии, Болгарии, вошедшими в ЕС в 2007 г. Все они стали членами ЕС и НАТО. Венгрия, Польша и Чехия – в 1999 г. Словакия, Румыния, Болгария – в 2004 г. Албания

вошла в НАТО, но не реализовала присоединение к ЕС, вероятно не только в силу экономических сложностей, но и ввиду меньшей стратегической необходимости данного шага – оторванности от территории новой России. Часть республик бывшего СССР (Эстония, Латвия, Литва), ввиду их большей стратегической значимости были приняты в ЕС в 2004 г.

Помимо стратегемы №12 западным сообществом в отношении нашей страны был реализован алгоритм в рамках стратегемы №5 «Грابتь во время пожара». Данный алгоритм также подразумевает необходимость активных действий в период ослабления соперника. Не умаляя стратегического мышления западноевропейских лидеров, можно отметить, что активные действия по дезинтеграции экономических связей советского блока были начаты в 1990-х гг., когда внутривполитические процессы в России (становление демократических институтов в политике, процесс выстраивания рыночной экономики, парад суверенитетов) обуславливали невозможность активных действий в отношении зарубежных стран на внешней арене.

Вместе с тем, руководство новой России рассчитывало, что падение противоборствующего блока и демократические модернизационные процессы внутри страны позволят сформировать единое пространство взаимного сотрудничества. Из этого исходило Соглашение о партнерстве и сотрудничестве между Россией и ЕС 1994 г., направленное на обеспечение политического диалога, содействие торговле, инвестициям и гармоничным экономическим отношениям, а также на поддержку усилий России по укреплению ее демократии, развитию ее экономики и завершению перехода к рыночной экономике¹.

Как видно из оценки данного исторического периода, логика равноправного сотрудничества и сближения была реализована весьма фрагментарно. Наряду с этим была реализована логическая последовательность противоборства. Стратегемный подход позволяет выделить основные алгоритмы действий, применявшихся в рамках внешнеполитической политической борьбы в контексте этой логической последовательности.

Этап 2001–2013. Стратегическое партнерство или стратегическое соперничество?

К 2001 г. обозначилось существенное укрепление суверенитета российского государства. Были разрешены внутренние очаги конфликтов на территории национальных республик в составе Российской Федерации. Параллельно происходили процессы налаживания работы демократических институтов и рыночной экономики и признания такового статуса со стороны ЕС².

Развитие успешных инвестиционных проектов, рост взаимного товарооборота характеризовали данный период во взаимодействии ЕС и России.

---

1 Ст. 1 Соглашения о партнерстве и сотрудничестве, учреждающее партнерство между Российской Федерацией, с одной стороны, и Европейскими сообществами и их государствами-членами, с другой стороны. 24.06.1994 // Электронный фонд правовых и нормативно-технических документов. URL: <https://docs.cntd.ru/document/1900668> (дата обращения: 13.10.2025)

2 Россию признали «страной с рыночной экономикой» // НТВ. Новости [официальный сайт] URL: <https://www.ntv.ru/novosti/6014/?ysclid=m71z534g2205450717> (дата обращения: 13.10.2025).

Поставками из ЕС в значительной степени удовлетворялись потребности России в базовых продуктах питания, продукции химической промышленности и высокотехнологичном оборудовании. В данный период российская дипломатия рассматривала ЕС в качестве своего стратегического партнера [9], он же, опираясь на асимметрию в экономическом развитии, рассматривал Россию, наряду со странами Восточной Европы, как потенциальных партнеров в своем большом интеграционном проекте [19].

Однако несмотря на благоприятный фон выявлялись некоторые политические проблемы. Многие инициативы, такие как создание общего экономического пространства (предложенное Председателем Европейской комиссии Р. Проди в 2001г.), введение безвизового режима (инициированное Президентом Российской Федерации В. В. Путиным в 2002), так и остались не реализованными.

Достаточно логичным и последовательным шагом в данном контексте было существенное улучшение политического взаимодействия. Руководствуясь отечественными традициями открытой и дружественной политики, Президент России В. В. Путин в 2003 г. даже делал заявления, которые трактовались политологами и западными партнерами как потенциальная готовность рассмотреть курс на присоединение к ЕС и НАТО³. Соответствующие цитаты приводились как западными⁴, так и отечественными⁵ СМИ.

Безусловно, отдельные очаги напряжения во взаимоотношениях имели место, и не все инициативы были реализованы в полном объеме. Однако, к примеру, инициатива «Партнерство для модернизации», старт которой был дан в 2009 г. в ходе саммита Россия–ЕС в Стокгольме, имела развитие не только во взаимодействии России и ЕС, но и в двусторонних отношениях России и различных европейских стран. В 2010 г. с Данией, Кипром и Францией были подписаны двусторонние декларации и совместные заявления о партнерстве для модернизации. В 2011 г. аналогичные документы были подписаны с Финляндией, Швецией, Нидерландами, Австрией, Латвией, Чехией, Ирландией, Румынией, Литвой. Работа Министерства экономического развития России и лично А. А. Слепнева⁶, курировавшего данное направление, была сосредоточена на развитии конкретных проектов: к декларативным документам прилагался перечень двусторонних проектов по различным направлениям модернизации, включавшим энергетику и энергоэффективность, мирный атом, телекоммуникации, космические технологии, медицину и фармацевтику.

3 Из интервью Президента России В.В. Путина малайзийской газете «Нью Стрейтс таймс», Ново-Огарево, 3 июля 2003 года // МИД России [официальный сайт] URL: https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/rso/1688243/ (дата обращения: 13.10.2025).

4 Ex-Nato head says Putin wanted to join alliance early on in his rule // The Guardian [Official Website] URL: <https://www.theguardian.com/world/2021/nov/04/ex-nato-head-says-putin-wanted-to-join-alliance-early-on-in-his-rule> (дата обращения: 13.10.2025).

5 Путин рассказал об отказе НАТО принять Россию в блок // РБК [официальный сайт] URL: <https://www.rbc.ru/rbcfreenews/651ec29b9a794781d2da0633?ysclid=mb0vu10kdu347304117> (дата обращения: 13.10.2025).

6 Минэкономразвития предложило Европе свой план модернизации России 01.04.2010 // Lenta.ru [Официальный сайт] URL: <https://lenta.ru/news/2010/04/01/partners/> (дата обращения: 13.10.2025).

Общее восприятие учеными и аналитиками проводимой в партнерстве со странами ЕС работы включало три основных фактора: во-первых, участие России в формировании будущих демократических правовых норм, во-вторых, новый конструктивный подход к стратегическому взаимодействию с ЕС, в-третьих, формирование экономически прагматичной повестки дня в инвестиционном и торговом взаимодействии [13].

Вместе с тем, наряду со встречным движением в экономическом взаимодействии со стороны ЕС звучали заявления о недостаточности развития демократических институтов. Такая критика и уклонение от диалога по упомянутому треку присоединения России к институтам западной политической интеграции олицетворяют стратегию №26 «Указывая на тутовое дерево, ругать акацию». Отказ от идеи о вступлении России в ЕС и НАТО, заявления о необходимости продолжения развития российских демократических институтов, насаждение европейских ценностей могли быть путем сближения интересов, однако в совокупности исторической оценки мы можем оценить это фрагментарное развитие взаимодействия как «акацию», а реальная цель «тутовое дерево» для ЕС – стратегическое соперничество, в том числе через завоевание рынка. Что вполне соответствует рамкам политической и рыночной конкуренции.

Подводя итог, можно сказать, что развитие взаимодействия в таком контексте стало причиной настроя нашей страны на присоединение к ЕС и наращивание торговли на европейском направлении, что отчасти способствовало частичной потере восточного направления в торговле и иных сферах взаимодействия.

Этап 2014–2021. Этап осложнения взаимодействия

Камнем преткновения в сотрудничестве России и ЕС стал конфликт, разгоревшийся на территории Украины в 2014 г., а также воссоединение Республики Крым и Севастополя с Россией. Ряд европейских исследователей подчеркивали, что именно эти события привели к наиболее существенному охлаждению отношений с момента окончания «холодной войны» [20].

Охлаждение сразу же проявилось в показателях торгово-экономической статистики. Сравнивая показатели торгового оборота России с ЕС 2013 г. с 2019 г. и 2020 г., можно констатировать резкое падение взаимной торговли: с 418 млрд долл. США в 2013 г. до 278 млрд долл. США в 2019 г. и 219 млрд долл. США по итогам 2020 г.⁷ Вместе с тем, и общий российский внешнеторговый оборот упал с 847 млрд долл. США в 2013 г. до 674 млрд долл. США в 2019 г. и 572 млрд долл. США по итогам 2020 г.⁸ В экспорте России по-прежнему преобладают углеводороды (51% от общего объема российского экспорта в 2020)⁹, основной группой импорта товаров являются машины и оборудование (48% от общего объема импорта России в 2020)¹⁰. Весьма вероятно, что в ближайшее десятилетие объемы взаимной торговли ЕС и России не достигнут уровня 2013 года.

---

7 Итоги внешней торговли с основными странами // Федеральная таможенная служба [Официальный сайт]. URL: <https://customs.gov.ru/folder/511> (дата обращения: 13.10.2025).

8 Итоги внешней торговли со всеми странами // Там же. URL: <https://customs.gov.ru/statistic/vneshn-torg/vneshn-torg-countries> (дата обращения: 13.10.2025).

9 Экспорт России важнейших товаров // Там же. URL: <https://customs.gov.ru/folder/513> (дата обращения 13.10.2025).

10 Импорт России важнейших товаров // Там же. URL: <https://customs.gov.ru/folder/515> (дата обращения: 13.10.2025).

Однако в условиях явного похолодания экономического взаимодействия на фоне политического контекста взаимодействия европейский бизнес все же остался ключевым инвестором в экономику России. Наряду со значительными товаропотоками и единым пространством верховенства права и незыблемости договорных обязательств, сохранялась уверенность отечественного руководства и деловых кругов в том, что экономическая основа сотрудничества не может быть обрушена. Европейские исследования данного периода фокусировали внимание на о том, что экономические связи и географическое положение партнеров обуславливают необходимость продолжения диалога [20].

Однако нарастание санкционного противостояния с последующей эскалацией напряженности подталкивают к выводу об отвлекающем политико-экономическом маневре. Стратегема №21 «Цикада сбрасывает свою золотую кожу» описывает ситуацию, когда столь блистательные перспективы оказываются «пустышкой». Эта стратегема основана на природном явлении: цикада оставляет на дереве пустую оболочку (экзувий), создавая видимость своего присутствия, в то время как само насекомое уже улетело. Стратегический посыл: имитация присутствия – создать иллюзию, что силы, ресурсы остаются на месте, а договоренности в силе, в то время как реальная мощь уже перемещена или перегруппирована, а усилия аллоцированы в совершенно ином направлении.

В контексте данного исследования фактически «пустыми» оказались обещания о неукоснительном следовании договоренностям как политическим, так и сугубо экономическим, например, инвестиционным договорам, специальным инвестиционным контрактам, обязательствам поставки товаров и их последующего обслуживания.

Европейские стратеги и дипломаты по сути своих действий не только формировали ложное представление о незыблемости обязательств, но и «тайно вытаскивали хворост из-под котла другого» (стратегема №19). Название стратегемы восходит к древней китайской тактике: чтобы ослабить врага, незаметно удаляли дрова из-под его котла, лишая его возможности готовить пищу, иносказательно – лишая ресурсов. Происходит скрытое ослабление противника через подрыв его ресурсов, репутации или союзников. В контексте данного исследования – Россия полагалась на гарантии ЕС по экономическим и военным вопросам, однако впоследствии, как показало развитие ситуации, ни политические, ни экономические, ни юридические рамки не сохраняются, все гарантии были «изъяты из-под котла» с целью ресурсного ослабления РФ.

Заключение

Большинство политологических оценок и прогнозов российско-европейских отношений были сделаны «внутри данных событий» – непосредственно лицами, участвовавшими в них или находившимися в конкретном историческом контексте. Этим были ценны данные исследования и оценки. Большую ценность также представляли прогнозы развития взаимоотношений.

Данная статья является попыткой переосмысления уже заверщенного исторического периода взаимодействия ЕС и России. Рассмотренное в статье нарастание противостояния и недопонимания в политическом плане привели отношения России и ЕС в ту наиболее «холодную» точку взаимодействия, где они находятся в настоящее время.

Исторические исследования по новейшей истории представляют большой интерес, так как служат для переоценки произошедших событий, понимания перспективы развития ситуации, ее прогнозирования. Отталкиваясь от проведенного исследования, можно сказать, что линия стратегического противостояния России сохранилась в европейской политике, действия ЕС, были восприняты и на российской стороне и привели к применению зеркальных мер. В этой связи текущие отношения, находящиеся в довольно низкой точке, можно в европейском контексте описать как тактику стратагемы №7 «Извлечь нечто из ничего». Стратагема представляет собой олицетворение тактики психологической войны – создания иллюзии угрозы или возможности эффективного воздействия «из пустоты» для манипуляции противником. Информационные войны и санкционное противостояние являются попыткой европейских акторов создать иллюзию о возможности масштабного экономического кризиса. Несмотря на очевидно не сбывшиеся прогнозы, попытки давления в информационном поле будут сохраняться. Представляется, что поэтапное введение санкций является попыткой избежать мгновенного коллапса экономик ЕС и имеет своей целью в конечном счете вернуть Россию как перспективного партнера, но на иных, более выгодных ЕС условиях. По сути своей это реализация стратагемы №16 «Если хочешь что-нибудь поймать, сначала отпусти». В этой связи эффективной представляется аналогичная мера с российской стороны – развитие новых контуров политического, финансового и торгово-экономического взаимодействия. Отсутствие сотрудничества с таким важным (и что крайне значимо – географически близким партнером) как Россия неизбежно приведет к поиску перспективы восстановления сотрудничества, как это было в 1920-е гг. Однако для нашей страны развитие новых контуров взаимодействия станет основой для возвращения в будущем к диалогу с ЕС на более выгодных для РФ условиях.

Список литературы

1. Барский К.М. К вопросу о формировании современной китайской дипломатической школы // Российское китаеведение. 2023. № 1 (2). С. 100-116.
2. Богданова Н.А. К вопросу о роли стратагем в дипломатии Китая // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. 2015. № 1. С. 117-124.
3. Виноградский Б.Б., Мстиславский С.Б. Стратегическое мышление в китайской традиции // Экономические стратегии. 2003. Т. 5. № 4 (24). С. 84-89.

4. Зенгер Х. фон. Стратегемы. О китайском искусстве жить и выживать. М.: Эксмо. 2004. Т. 1. 702 с.
5. Зенгер Х. фон. Стратегемы. О китайском искусстве жить и выживать. М.: Эксмо. 2004. Т. 2. 921 с.
6. Ишутина Ю.А. Стратегемное мышление китайцев в реализации региональной политики КНР на современном этапе // Вестник Томского государственного университета Культурология и искусствоведение. 2018. № 29 С. 89-98.
7. Котов А.В. Основные экономические итоги председательства Германии в Совете ЕС // Экономика и бизнес: теория и практика. 2021. №1-1. С. 182-187.
8. Лемке Г.Э. Конкурентная война. Нелинейные методы и стратегемы. М.: Ось-89. 2007. 464 с.
9. Лихачев А.Е. Экономическая дипломатия России в условиях глобализации: дис. докт. экономических наук. 2006. 436 с.
10. Лункин Р.Н. Факторы эрозии социальной модели Евросоюза. Современная Европа. 2024. № 7 (128). С. 182-195.
11. Потемкина О.Ю. Европейский союз: через кризисы к обновлению? // Мировая экономика и международные отношения. 2022. Т. 66. № 8. С. 134-138
12. Прохорова А.А. К вопросу о классификации многосторонних международных объединений // Вестник Московского университета. Серия 12: Политические науки. 2016. № 1. С. 21-37.
13. Романова Т.А., Павлова Е.Б. Российская модернизация и Евросоюз // Современная Европа. 2013. № 1. С. 45–57.
14. Сунь-цзы Искусство войны / пер. с кит. Н. И. Конрада. М.: АСТ. 2024. 160 с.
15. Тридцать шесть стратегем. Китайские секреты успеха / пер. с кит. В. В. Малявина. М.: Белые альвы. 2000. 192 с.
16. У-цзы Трактат о военном искусстве / пер. с кит. Н.И. Конрада. М.: АСТ. 2021. 224 с.
17. Чилькина К.В., Лебедев В.С. Китайские стратегемы и политическая теория Томаса Гоббса: сравнительный анализ // Проблемы и перспективы развития государства и права в XXI веке. Материалы XIV Всероссийской научно-практической конференции. Улан-Удэ. 2023. С. 85-88.
18. Швейцер В.Я. Россия, Европа, мир: [монография] / В.Я. Швейцер. М.: Ин-т Европы РАН. 2023. 188 с.
19. Deak A., Kuznetsov A. Relational Locomotive or Apple of Discord? – Bilateral Perceptions of the Economic Cooperation // Journal of Contemporary European Studies. 2019. Vol. 27. Issue 2. P. 161.
20. Judge A., Maltby T., Sharples J. Challenging Reductionism in Analyses of EU-Russia Energy Relations // Geopolitics. 2016. Vol. 21. Issue 4. P. 751–762.
21. Lai D. Learning from the Stones: A Go Approach to Mastering China's Strategic Concept, Shi. CreateSpace Independent Publishing Platform. 2004. 40 p.
22. Luttwak E. The Grand Strategy of the Byzantine Empire. Cambridge: Belknap Press of Harvard University Press. 2009. 498 p.

23. Mahnken T. *Secrecy and Stratagem: Understanding Chinese Strategic Culture*. Double Bay. 2011. 44 p.

24. Nye J. *Bound To Lead: The Changing Nature Of American Power*. NY: Basic Books. 1990. 336 p.

Сведения об авторах

Нарышкин Андрей Александрович – д-р политических наук, доцент кафедры дипломатии МГИМО МИД России.

E-mail: andr-naryshkin@yandex.ru

Воробьев Сергей Владимирович – д-р исторических наук, профессор, профессор кафедры международных отношений Дипломатической академии МИД России.

E-mail: s352147@mail.ru

Naryshkin A. A. Vorobyov S. V.

**REIMAGINING THE EU'S FOREIGN POLICY TOWARD THE RUSSIAN
FEDERATION, 1991–2021: A STRATAGEM-BASED APPROACH**

***Abstract:** This article is devoted to a rethinking of the history of the European Union's foreign policy from 1991 to 2021, with a particular focus on its interaction with Russia. The study places the evolution of the EU's external strategies (and those of its predecessor, the EEC) within a broad cultural and historical perspective, viewing it as a dynamic interplay of meanings, symbols, and practices shaping mutual perceptions of "self" and "other." As its theoretical and methodological foundation, the research employs the stratagem approach, which draws on the principles of ancient Chinese strategic thought as expressed in the works of Sun Tzu and the Thirty-Six Stratagems.*

Applying the stratagem approach makes it possible to interpret EU–Russia relations as a system of cultural codes and adaptation scenarios, in which diplomatic actions, economic cooperation, and political rivalry become elements of a broader semiotics of power and agency. Through this lens, foreign policy is viewed not as a set of rationally motivated decisions but as a collection of persistent patterns sustained by collective memory, institutional norms, and symbolic capital. Thus, the article offers a new perspective on the post–Cold War history of Europe—as a space of strategic interactions where politics takes the form of a cultural dialogue based on the logic of stratagems and the search for balance between competition and mutual adaptation.

***Keywords:** stratagem approach, EU, EEC, foreign policy, international relations.*

References

1. Barskij K. M. K voprosu o formirovanii sovremennoj kitajskoj diplomaticheskoy shkoly // Rossijskoe kitaevvedenie. 2023. № 1 (2). S. 100-116.
2. Bogdanova N.A. K voprosu o roli stratagem v diplomatii Kitaya // Vestnik Rossijskogo universiteta družby narodov. Seriya: Mezhdunarodnye otnosheniya. 2015. № 1. S. 117-124.
3. Vinogradskij B.B., Mstislavskij S.B. Strategicheskoe myshlenie v kitajskoj tradicii // Ekonomicheskie strategii. 2003. T. 5. № 4 (24). S. 84-89.
4. Zenger H. fon. Stratagemy. O kitajskom iskusstve zhit' i vyzhivat'. M.: Eksmo. 2004. T. 1. 702 s.
5. Zenger H. fon. Stratagemy. O kitajskom iskusstve zhit' i vyzhivat'. M.: Eksmo. 2004. T. 2. 921 s.
6. Ishutina Y. A. Strategemnoe myshlenie kitajcev v realizacii regional'noj politiki KNR na sovremennom etape // Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Kul'turologiya i iskusstvovedenie. 2018. № 29. S. 89–98.
7. Kotov A. V. Osnovnye ekonomicheskie itogi predsedatel'stva Germanii v Sovete ES // Ekonomika i biznes: teoriya i praktika. 2021. № 1-1. S. 182-187.
8. Lemke G.E. Konkurentnaya vojna. Nelinejnye metody i strategemy. M.: Os'-89. 2007. 464 s.
9. Lihachev A. E. Ekonomicheskaya diplomatiya Rossii v usloviyah globalizacii: dis. ... dokt. ekonomicheskikh nauk. 2006. 436 s.
10. Lunkin R.N. Faktory erozii social'noj modeli Evrosoyuza. Sovremennaya Evropa. 2024. № 7 (128). S. 182-195.
11. Potemkina O.Y. Evropejskij soyuz: cherez krizisy k obnovleniyu // Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniya. 2022. T. 66. № 8. S. 134-138.
12. Prohorova A.A. K voprosu o klassifikacii mnogostoronnih mezhdunarodnyh ob"edinenij // Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 12: Politicheskie nauki. 2016. № 1. S. 21-37.
13. Romanova T.A., Pavlova E.B. Rossijskaya modernizaciya i Evrosoyuz // Sovremennaya Evropa. 2013. № 1. S. 45–57.
14. Sun'-czy Iskusstvo vojny / per. s kit. N. I. Konrada. M.: AST. 2024. 160 s.
15. Tridcat' shest' strategem. Kitajskie sekrety uspekha / per. s kit. V. V. Malyavina. M.: Belye al'vy. 2000. 192 s.
16. U-czy Traktat o voennom iskusstve / per. s kit. N. I. Konrada. M.: AST. 2021. 224 s.
17. Chilkina K.V., Lebedev V.S. Kitajskie stratagemy i politicheskaya teoriya Tomasa Gobbsa: sravnitel'nyj analiz // Problemy i perspektivy razvitiya gosudarstva i prava v XXI veke: materialy XIV Vserossijskoj nauchno-prakticheskoy konferencii. Ulan-Ude. 2023. S. 85-88.
18. Shvejcer V. Y. Rossiya, Evropa, mir [monografiya] / V.Y. SHvejcer. M.: In-t Evropy RAN. 2023. 188 s.
19. Deak A., Kuznetsov A. Relational Locomotive or Apple of Discord? – Bilateral Perceptions of the Economic Cooperation // Journal of Contemporary European Studies. 2019. Vol. 27. Issue 2. P. 159-170.

20. Judge A., Maltby T., Sharples J. Challenging Reductionism in Analyses of EU-Russia Energy Relations // *Geopolitics*. 2016. Vol. 21. Issue 4. P. 751–762.
21. Lai D. *Learning from the Stones: A Go Approach to Mastering China's Strategic Concept*, Shi. CreateSpace Independent Publishing Platform. 2004. 40 p.
22. Luttwak E. *The Grand Strategy of the Byzantine Empire*. Cambridge: Belknap Press of Harvard University Press. 2009. 498 p.
23. Mahnken T. *Secrecy and Stratagem: Understanding Chinese Strategic Culture*. Double Bay. 2011. 44 p.
24. Nye J. *Bound To Lead: The Changing Nature Of American Power*. NY: Basic Books. 1990. 336 p.

Naryshkin Andrey Alexandrovich – Doctor of Sciences (Politics), Associate Professor of the MGIMO Department of Diplomacy, Ministry of Foreign Affairs of Russia.

E-mail: Andr-Naryshkin@yandex.ru

Vorobyov Sergey Vladimirovich – Doctor of Sciences (History), Professor, Professor of the Department of International Relations of the Diplomatic Academy of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation

E-mail: s352147@mail.ru

УДК 322 (470+571):(477.75)

DOI: 10.29039/2413-1695-2025-11-4-133-145

РЕГИОНАЛЬНАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ КАК ФАКТОР ПОЛИТИЧЕСКОЙ СУБЪЕКТНОСТИ: ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ПОДХОДЫ

Тейфук С. Р.

Аннотация: В статье рассматривается региональная идентичность как ключевой фактор, формирующий политическую субъектность, исследуются теоретические и методологические подходы к ее изучению. Анализируя взаимосвязь между территориальной принадлежностью, культурными нарративами и политической активностью, автор доказывает, как региональная идентичность влияет на коллективные действия населения и формы, и структуру управления в обществе. Дается критическая оценка существующих теоретико-методологических подходов к исследованию региональной идентичности как фактора политической субъектности. Предлагается системный методологический подход, позволяющий исследовать взаимосвязь между формированием идентичности и политической активностью. Показано, как региональная идентичность трансформируется в политические требования. Особое внимание уделено современным вызовам: глобализации, цифровизации и миграции, которые усложняют идентификационные процессы. Эмпирические данные (в частности, опросы ВЦИОМ и анализ медиaprостранства Донбасса) подтверждают, что устойчивая региональная идентичность усиливает политическую субъектность. Южные регионы России, в том числе территории, реинтегрированные в последние годы, отличаются особой социокультурной сложностью, которая заметно отличает их от относительно однородной матрицы идентичности Центральной России. В исследовании рассматривается многогранная природа региональной идентичности Донбасса, Новороссии и Крыма. С помощью политического анализа показано, как сложная мозаика идентичности Юга России отражает многовековое межкультурное взаимодействие, геополитические преобразования и современные процессы государственного строительства.

Ключевые слова: региональная идентичность, политическая субъектность, территориальная принадлежность, культурные нарративы, политическая власть, политика идентичности.

В условиях трансформации политических систем региональная идентичность приобретает особую значимость как фактор, влияющий на политическую субъектность внутригосударственных территориальных сообществ. Политическая субъектность регионального сообщества подразумевает его способность выступать самостоятельным актором в политических процессах, формулировать и отстаивать свои интересы, влиять на принятие решений на национальном и международном уровнях. Это проявляется в

различных формах, как конструктивных, так и деструктивных – от усиления автономии в рамках федеративных государств до возникновения сепаратистских движений, добивающихся государственной независимости.

Актуальность изучения проблемы обусловлена несколькими ключевыми тенденциями современной политики. Во-первых, в эпоху деглобализации и роста этнокультурного многообразия региональные идентичности становятся мощным ресурсом политической мобилизации. Во-вторых, процессы децентрализации и регионализации в различных странах демонстрируют, что игнорирование территориальных особенностей приводит к конфликтам и кризисам управления. В-третьих, в условиях цифровизации и развития социальных медиа региональные сообщества получают новые инструменты для конструирования собственной идентичности и политической самоорганизации.

В связи с этим возникает необходимость в переосмыслении теоретико-методологических подходов к изучению взаимосвязи между региональной идентичностью и политической субъектностью. Традиционные парадигмы (например, примордиалистский взгляд на идентичность как нечто изначальное и неизменное) оказываются недостаточными для анализа современных динамичных политических процессов. Вместо них требуются более гибкие концепции, учитывающие социальное конструирование идентичностей, институциональные механизмы их политизации и роль акторов (элит, медиа, гражданских движений) в их формировании.

Особую важность приобретает междисциплинарный подход, объединяющий методы политической науки, социологии, культурной антропологии и политической географии, который позволяет не только фиксировать проявления региональной идентичности, но и анализировать, как она трансформируется в политические требования, институты и практики. Например, исследования регионов с сильной идентичностью (Каталония, Шотландия, Корсика, Венето) показывают, что даже в условиях унитарных государств региональные сообщества могут добиваться значительной автономии.

Таким образом, изучение региональной идентичности как фактора политической субъектности представляет собой важное направление современных политических исследований. Оно позволяет не только глубже понять механизмы политической динамики в полиэтничных и сложносоставных государствах, но и прогнозировать сценарии развития региональных конфликтов и интеграционных процессов. В дальнейшем будут рассмотрены основные теоретические подходы к проблеме, а также методологические инструменты, позволяющие исследовать ее в конкретных политических контекстах.

Политическая субъектность представляет собой фундаментальную категорию политической науки, отражающую способность различных акторов – индивиды, социальные группы, регионы, государства и т.д. – выступать самостоятельными участниками политического процесса. Понятие это охватывает не только формальные атрибуты власти, но и реальную способность влиять на принятие политических решений, формулировать и последовательно отстаивать собственные интересы в рамках существующих властных структур.

В современной научной литературе можно выделить несколько ключевых подходов к пониманию политической субъектности. Отечественные исследователи традицион-

но делают акцент на институциональных и правовых аспектах этого феномена. Так, Р. А. Рахимов определяет политическую субъектность как способность социального актора к осознанному и целенаправленному участию в политической жизни, включая разработку стратегий и принятие значимых решений [1]. Е. Ю. Мелешкина рассматривает данное понятие через призму автономии и способности к самоорганизации в условиях постоянного взаимодействия с другими политическими акторами [2]. Особый интерес представляет позиция Р.Ф. Туровского, который акцентирует внимание на региональной субъектности как специфической способности территориального сообщества отстаивать свои интересы в рамках федеративных или унитарных государственных систем [3].

Зарубежные исследователи предлагают несколько иной концептуальный взгляд на проблему политической субъектности. Э. Гидденс, например, делает акцент на понятии агентности, понимая под субъектностью способность индивидов и групп действовать независимо от структурных ограничений, активно преобразуя при этом политическую реальность [4]. П. Бурдые связывает политическую субъектность с обладанием особым видом капитала – политическим, который позволяет акторам эффективно влиять на систему властных отношений [5]. Ч. Тилли рассматривает политическую субъектность преимущественно через призму коллективного действия, подчеркивая важность способности социальных групп к мобилизации и организованному отстаиванию своих интересов [6].

Сравнение различных методологических подходов позволяет выделить три ключевых аспекта политической субъектности. Во-первых, это способность действовать автономно в политическом пространстве, сохраняя при этом определенную независимость от других акторов. Во-вторых, это умение четко формулировать и последовательно продвигать свои интересы в конкурентной политической среде. В-третьих, это реальная возможность оказывать существенное влияние на процесс принятия властных решений и функционирование политических институтов.

Применительно к региональному уровню политическая субъектность проявляется в нескольких основных формах. Наиболее очевидным проявлением выступают требования большей автономии или даже полной независимости, характерные для таких регионов, как Фландрия в Бельгии или Каталония в Испании. Другим важным индикатором является формирование и успешная деятельность регионоцентричных политических партий, яркими примерами которых являются Шотландская национальная партия или итальянская «Лига». Особого внимания заслуживает феномен парадипломатии, то есть установление внутригосударственными регионами прямых международных связей в обход федеральных властей, как это практикуют Квебек в Канаде или Фландрия в Бельгии.

Для системной оценки уровня политической субъектности региона необходимо учитывать целый ряд взаимосвязанных факторов. Институциональная составляющая включает анализ наличия и степени развитости собственных политических институтов, уровня реальной автономии в принятии решений по ключевым вопросам, а также количества и влияния зарегистрированных региональных партий и общественных объединений. Не менее важны показатели политической активности населения, такие как уровень электоральной активности на региональных выборах, степень участия в

протестных движениях и общий уровень гражданской вовлеченности через механизмы общественных слушаний, деятельности некоммерческих организаций (НКО) и иных форм гражданской самоорганизации.

Культурно-идентификационные аспекты политической субъектности проявляются через наличие выраженной региональной идентичности, что может быть измерено с помощью социологических опросов об уровне гордости за регион, степени использования местного языка или региональной символики. Существенную роль играют исторические нарративы, подчеркивающие уникальность территории, а также развитость системы локальных медиа, способных формировать самостоятельную региональную повестку дня.

Экономические факторы политической субъектности включают анализ степени финансовой самостоятельности региона, что выражается в доле собственных доходов в региональном бюджете. Важное значение имеет контроль над ключевыми экономическими активами — природными ресурсами, транспортной инфраструктурой, стратегическими предприятиями. Показателем зрелости региональной субъектности может служить и наличие эффективных лоббистских возможностей на национальном и даже международном уровнях.

Таким образом, политическая субъектность предстает как сложное, многомерное понятие, комплексный анализ которого требует учета целого ряда институциональных, социально-политических, культурных и экономических факторов. Применительно к региональным исследованиям изучение политической субъектности позволяет глубже понять механизмы, с помощью которых локальные сообщества отстаивают свои интересы в условиях нарастающих процессов глобализации и параллельной централизации власти. Дальнейшая разработка данной проблематики может быть направлена на сравнительный анализ конкретных кейсов или углубленное изучение методологических подходов к измерению уровня политической субъектности.

Проблема региональной идентичности занимает особое место в современной политической теории, требуя системного анализа как классических концепций идентификации, так и специфических маркеров территориальной принадлежности. Понятие идентичности получило различные интерпретации в социальных науках, каждая из которых вносит важный вклад в понимание механизмов формирования регионального самосознания.

Э. Эрикссон рассматривал идентификацию как процесс психосоциального становления личности, подчеркивая его динамический и многоуровневый характер [7]. В контексте региональных исследований этот подход позволяет понять, как индивид усваивает и интернализирует ценности и нормы территориальной общности. Э. Гидденс развил эту концепцию, акцентируя внимание на рефлексивной природе современной идентичности, которая в условиях глобализации становится все более подвижной и многокомпонентной [8]. Особую значимость для анализа региональной идентичности представляет концепция П. Бурдье, который ввел понятие «габитуса» как системы устойчивых диспозиций, формирующихся под влиянием конкретных социальных и территориальных условий [5].

Региональная идентичность как специфическая форма коллективного самосознания формируется через сложное взаимодействие культурных, этнических, языковых и

территориальных факторов. Культурные особенности проявляются в характерных для региона традициях, обрядах и повседневных практиках, которые создают уникальный локальный колорит. Этнический компонент часто играет важную роль в тех регионах, где существует тесная связь между территорией и определенной этнической группой. Языковые особенности, включая диалекты и региолекты, служат мощным маркером идентичности, способствуя как интеграции внутри сообщества, так и демаркации его границ. Территориальный фактор проявляется в чувстве привязанности к конкретному месту, ландшафту, городской или сельской среде.

Среди ключевых маркерных элементов региональной идентичности особое значение имеет символический капитал территории. Гербы, флаги, гимны и другие официальные символы выполняют важную функцию визуальной репрезентации регионального своеобразия. Названия улиц, памятники и мемориальные объекты формируют исторический нарратив территории, закрепляя в общественном сознании значимые события и персоналии. Архитектурный облик городов, сохранившиеся исторические кварталы или современные урбанистические решения также становятся важными элементами территориальной идентификации.

Этнокультурные особенности региона проявляются в сохранившихся либо конструируемых традициях, обрядах, народных промыслах и фольклоре. Эти элементы часто становятся объектами целенаправленной культурной политики, направленной на поддержание регионального своеобразия. Языковая специфика, особенно в регионах с сильными диалектными традициями или собственными языками, служит одним из наиболее устойчивых маркеров идентичности, передающихся из поколения в поколение.

Социально-экономическое положение региона оказывает существенное влияние на формирование идентичности. Исторически сложившаяся специализация (промышленная, аграрная, торговая и т.д.) создает особый социальный ландшафт и профессиональную культуру. Экономическое неравенство между регионами может как способствовать укреплению регионального самосознания, так и провоцировать миграционные процессы, изменяющие демографическую и культурную структуру территории.

Граничные территории и приграничные зоны представляют особый случай региональной идентичности. В этих зонах происходит постоянное взаимодействие и взаимовлияние разных культурных и административных систем, что приводит к формированию трансграничных идентичностей. Жители приграничья часто развивают особые стратегии адаптации, сочетая элементы разных культурных систем и вырабатывая специфические практики повседневности.

Изучение маркеров региональной идентичности имеет важное значение для понимания политических процессов в современных государствах. В условиях усиления миграционных потоков региональная идентичность становится либо фактором интеграции, либо источником напряженности, следовательно, анализ конкретных сочетаний идентификационных маркеров позволяет прогнозировать развитие региональных движений и вырабатывать эффективные стратегии территориального управления [9, с. 112].

Анализ взаимосвязи региональной идентичности и политической субъектности требует комплексного теоретического осмысления. Яркие представители конструктивистского подхода (Б. Андерсон, Э. Геллнер) рассматривают региональную идентичность как социальный конструкт, формируемый через символы и нарративы [10, 11]. Этот подход объясняет динамику политической мобилизации, но недооценивает объективные факторы.

Структурализм (П. Бурдьё) акцентирует роль устойчивых социально-пространственных структур в формировании региональной идентичности [5]. Постструктуралистские концепции (М. Фуко) анализируют региональную идентичность как дискурсивное образование, встроенное в системы власти [12]. Теория культурных детерминизмов (К. Гирц) подчеркивает значение культурных кодов в становлении политической субъектности [13].

Сравнительный анализ регионов выявляет различные модели взаимосвязи идентичности и субъектности. Каталония демонстрирует высокий уровень обоих показателей благодаря развитой культурной специфике и автономным институтам. В отличие от нее, французские регионы при наличии культурных особенностей показывают меньшую политическую активность из-за централизованной системы управления [14].

В России Татарстан с его ярко выраженной этнокультурной идентичностью обладает значительной региональной идентичностью, тогда как столь же промышленно развитая Челябинская область – менее выраженной [15].

Особый интерес представляют приграничные регионы, где идентичность формируется под перекрестным влиянием нескольких национальных систем. Так, в Центральной России конфигурация идентичности представляет собой модель, в основу которой легли историческая преемственность (от средневекового Владимиро-Суздальского княжества к более поздней московской государственности и далее) и однородностью. На этих территориях сформировалась относительно целостная идентичность, основанная на русском языке (на котором говорят 97,7% населения), православии (которое исповедуют 75–80%) и общих исторических представлениях о государственном строительстве [16]. Объединение русских земель вокруг Москвы создало централизованную культурную парадигму, в которой региональные различия остаются подчиненными доминирующему национальному нарративу, что резко контрастирует с мозаичной идентичности юга России. Так, Донбасс демонстрирует двойственную структуру идентичности, в которой сочетаются промышленное наследие СССР с близостью к российской культурной и государственной традиции. По данным переписи населения, проведенной спустя 5 лет после создания республик Донбасса в 2019 г., население Донбасса составляло 6,65 млн чел., а на русском языке говорили 74,9% жителей Донецкой Народной Республики [17] и 68,8% – Луганской Народной Республики [18].

Крым также представляет собой уникальную исследовательскую площадку для изучения механизмов трансформации региональной идентичности, что находит отражение в работах российских исследователей. Так, М.В. Назукина анализирует крымский кейс как пример многослойной идентичности, сформированной под влиянием различных

исторических эпох. По ее мнению, «крымская идентичность представляет собой сложный палимпсест, где каждый новый исторический период не стирает полностью предыдущие слои, а создает новые комбинации и интерпретации» [19]. Это особенно ярко проявилось в последнее десятилетие, когда геополитические изменения 2014 г. запустили процессы радикальной реконфигурации идентификационных структур. В более поздних работах развиваются эти идеи. При анализе современной динамики крымской идентичности подчеркивается, что процессы интеграции Крыма в российское правовое и культурное пространство сопровождаются сложным взаимодействием различных идентификационных компонентов [20].

В Крыму, согласно переписи населения 2020–2021 гг., представлена трехсторонняя конфигурация идентичности, включающая русских (72,9%), украинцев (8,2%) и крымских татар (более 14%), проявляющих отчетливые исторические нарративы [21]. Опросы, проведенные в 2014 г., показали, что около 90% жителей Крыма поддерживают объединение с Россией, что отразило доминирование российской цивилизационной общности. После возвращения Крыма в состав России начался целенаправленный процесс трансформации идентичностей по культурным, образовательным и институциональным каналам. Регион прошел интеграцию в правовую и административную системы России, одновременно развивая новые формы гибридной идентичности. В результате реформ в сфере образования введена российская национальная учебная программа, в которую включены краеведческие модули, посвященные Херсонесу Таврическому и Крымскому ханству.

Донбасс, расположенный на стыке между российской и европейской цивилизациями, воплощает в себе самобытную пограничную идентичность, сформированную веками миграции, индустриализации и геополитических противостояний. С момента воссоединения региона с Россией в 2022 г. эта идентичность эволюционировала уже в новых административных рамках, сохраняя свой исторически многоуровневый характер.

Донбасс обладает тремя пограничными характеристиками – культурной проницаемостью (православные, советские и постиндустриальные символы сосуществуют в общественных пространствах), геополитической неопределенностью (Донбасс служил и барьером, и мостом, исторической границей между Запорожской Сечью и Донским казачьим войском, а позже стал точкой напряженности между Россией и Западом) и адаптивностью идентичности (региональная идентичность превалирует над этнической).

Ускоренная интеграция Донбасса в состав России существенно повлияла на консолидацию региональной идентичности, ориентированной на поддержку Российского государства. Этот процесс был усилен институциональными, культурными и социально-экономическими механизмами, поддерживаемыми государственной политикой, направленной на укрепление российской идентичности на Донбассе (Онопко, Внукова, 2018). Согласно опросу ВЦИОМ, проведенному в мае 2023 г., 72% респондентов на освобожденных территориях ДНР и ЛНР отдали предпочтение российскому гражданству, что доказывает прочную и устойчивую пророссийскую политическую ориентацию

населения [22]. Введение российских программ среднего и высшего образования, в которых особое внимание уделяется системному историческому мировоззрению, в частности, прославлению победы СССР в Великой Отечественной войне, еще больше укрепляет коллективную память как маркер региональной идентичности. Более 85% телевизионного контента в Донбассе в настоящее время поступает с российских государственных каналов [23], что способствует созданию единой культурной и идеологической основы сообществ вернувшихся в Россию регионов с государством в целом. Реструктуризация экономики, включая обязательный переход на рубль и включение местных предприятий в российские цепочки поставок, усилила связи Донбасса с Москвой.

Региональные идентичности Юга России – это пример «вложенных матриц идентичности» – взаимосвязанных, но отличающихся друг от друга слоев принадлежности, которые индивиды активируют ситуативно. Житель Севастополя может одновременно идентифицировать себя как крымчанин (региональная идентичность), россиянин (национальная), член сообщества Черноморского флота (профессиональная) и православный христианин (религиозная идентичность) без каких-либо противоречий. Это отличается от линейной парадигмы идентичности в Центральной России, где региональная, национальная и религиозная принадлежность, как правило, согласуются и усиливают друг друга.

Подход Российского государства к решению этой проблемы указывает на глубокое понимание эффективных форм управления идентичностью. Этому способствуют и языковая политика, поддерживающая сохранение региональных языков наряду с русским в качестве основного в отдельных регионах, и проекты сохранения исторического наследия, и экономическая интеграция, создающая материальную взаимозависимость, и символическая политика, подчеркивающая общие цивилизационные ценности, а не этническую исключительность.

Такой подход обеспечил Югу России возможность сохранения необходимого для поддержания равновесия плюрализма – модель, признающую, что российская идентичность обладает достаточной гибкостью, чтобы учитывать существенные региональные различия без ущерба для национальной интеграции.

Заключение

Проведенный анализ демонстрирует сложную взаимосвязь между региональной идентичностью и политической субъектностью. Теоретическое осмысление этой проблемы через призму различных подходов – конструктивизма, структурализма, постструктурализма и теории культурных детерминизмов – позволяет выявить многоаспектность данного феномена. Каждая из теоретических перспектив вносит свой вклад в понимание механизмов формирования региональной идентичности и ее трансформации в политическую субъектность.

Эмпирические исследования подтверждают, что степень политической субъектности региона во многом определяется развитостью его идентификационных маркеров – культурных, языковых, исторических и символических. Сравнительный анализ различных регионов мира показывает, что наиболее выраженная политическая субъектность

характерна для территорий с устойчивой исторической памятью о государственности, развитой культурной спецификой, эффективными институтами самоуправления.

Особое значение приобретает изучение региональной идентичности в условиях современных вызовов – глобализации, миграционных процессов и цифровой трансформации. Дальнейшие исследования в этом направлении могут быть сосредоточены на анализе новых форм региональной идентичности в цифровую эпоху, сравнительном изучении моделей управления культурным разнообразием, разработке методик оценки уровня политической субъектности регионов.

Мозаика идентичностей Юга России демонстрирует, что сложность региона и национальная сплоченность не обязательно должны быть противоположными. Различные конфигурации идентичности Донбасса, Крыма представляют собой вариации в рамках российской цивилизации, а не вызовы ее целостности. Продолжающаяся эволюция региональной самобытности отражает динамичный процесс согласования местного наследия и национальной принадлежности – процесс, который в конечном итоге укрепляет Российскую Федерацию, демонстрируя ее способность учитывать многообразные проявления самобытности при сохранении социальной сплоченности и целостности государства. Эта модель единства в многообразии представляет собой убедительную альтернативу гомогенизирующему национализму, иллюстрируя, как сложные исторические регионы могут найти достойное место в современных государственных образованиях благодаря гибкому управлению.

Список литературы

1. Рахимов Р. А. Политическая субъектность государства как условие реализации прав и свобод личности и борьбы с преступностью / Материалы международной научно-практической конференции 16-17 октября 2003 г. Часть I. Уфа : РИО БашГУ, 2003. 280 с.
2. Мелешкина Е. Ю., Кудряшова И. В. После империй: можно ли перековать мечи на орала? // Политическая наука. 2022. № 1. С. 14-51. DOI: 10.31249/poln/2022.01.01.
3. Туровский Р. Ф. Субнациональная политика: введение к возможной теории // Полития. 2014. № 4 (75) С. 86-99.
4. Гидденс Э. Последствия модерна / реф. Н.Л. Поляковой // Современная теоретическая социология: Энтони Гидденс. Реферативный сборник / под ред. Ю.А. Кимелева. Серия «Социология». М.: ИНИОН РАН, 1995.
5. Бурдые П. Социология политики: пер. с фр. / сост., общ. ред. и предисл. Н.А. Шматко. М.: Socio-Logos, 1993.
6. Tilly Ch. On the history of European state-making // The Formation of National States in Western Europe. Princeton, 1975.
7. Erikson E. Insight and Responsibility: Lectures on the Ethical Implication of Psychoanalytic Insight. N.Y.; London: W.W. Norton & Company, 1964. 256 p.
8. Гидденс Э. Устроение общества: Очерк теории структуризации. М. : Академический Проект, 2003. 528 с.

9. Идентичность: Личность, общество, политика. Новые контуры исследовательского поля / отв. ред. И.С. Семененко. М.: Изд-во «Весь мир», 2023. 512 с.
10. Андерсон Б. Воображаемые сообщества. Размышления об истоках и распространении национализма. М., 2001.
11. Геллнер Э. Нации и национализм. М.: Прогресс, 1991.
12. Фуко М. Управление собой и другими. Курс лекций, прочитанных в Коллеж де Франс в 1982–1983 учебном году. СПб.: Наука, 2011. С. 296.
13. Geertz C. Available Light: Anthropological Reflections on Philosophical Topics. Princeton: Princeton University Press, 2000. 271 p.
14. Baròmetre d'Opinió Política. 3a onada 2020. Dossier de Premsa. Barcelona, 2020. P. 57.
15. Сагитова Л.В. Политика идентичности Татарстана в контексте становления федеративных отношений в современной России [электронный ресурс] // Российский социально-гуманитарный журнал. 2018. № 4. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/politika-identichnosti-tatarstana-v-kontekste-stanovleniya-federativnyh-otnosheniy-v-sovremennoy-rossii> (дата обращения: 05.06.2025).
16. Перепись-2019: Большинство жителей Донеска русские. URL: <https://anna-news.info/perepis-2019-bolshinstvo-zhitelej-donetska-russkie/> (дата обращения: 05.06.2025).
17. Климова М. Самоопределение русского народа – поиски национальной идентичности [электронный ресурс] // Институт развития социально-экономических проектов и инициатив. 2020. 28 фев. URL: <https://irsepi.ru/samoopredelenie-russkogo-naroda/> (дата обращения: 05.06.2025).
18. Черкашин К.В., Теркулов В.И., Тамерьян Т.Ю. Этническая самоидентификация жителей Донбасса [электронный ресурс] // Политическая лингвистика. 2023. № 1 (97). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/etnicheskaya-samoidentifikatsiya-zhiteley-donbassa> (дата обращения: 05.06.2025).
19. Как изменился национальный состав Крыма с 2014 по 2021 год. URL: <https://crimea.ria.ru/20230211/kak-izmenilsya-natsionalnyy-sostav-kryma-s-2014-po-2021-god-1126923382.html>
20. Назукина М.В. Региональная идентичность // Идентичность: Личность, общество, политика. Энциклопедическое издание / отв. ред. И.С. Семененко. ИМЭМО РАН. М.: Изд-во «Весь мир», 2017. С. 507-512.
21. Идентичность: Личность, общество, политика. Новые контуры исследовательского поля / отв. ред. И.С. Семененко. М.: Изд-во «Весь мир», 2023. 512 с.
22. ВЦИОМ: воссоединение республик Донбасса с Россией поддерживают 74% опрошенных // Информационное агентство ТАСС: официальный сайт. – Москва, 2023. – URL: <https://tass.ru/obschestvo/23588365>
23. В Донбассе и Новороссии покрытие ТВ и радио достигает уже от 94 до 98% // Информационное агентство ТАСС: официальный сайт. – Москва, 2023. – URL: <https://tass.ru/obschestvo/24084123>

Сведения об авторе

Тейфук Севиль Рефатович – аспирант кафедры государственной политики и публичного управления Кубанского государственного университета.

E-mail: teyfuksevil@yandex.ru

Teifuk S. R.

REGIONAL IDENTITY AS A FACTOR OF POLITICAL SUBJECTIVITY: THEORETICAL AND METHODOLOGICAL APPROACHES

Abstract: *The article examines regional identity as a key factor shaping political subjectivity, and explores theoretical and methodological approaches to its study. Analyzing the relationship between territorial affiliation, cultural narratives and political activism, the author proves how regional identity affects the collective actions of the population and the forms and structure of governance in society. A critical assessment of the existing theoretical and methodological approaches to the study of regional identity as a factor of political subjectivity is given. A systematic methodological approach is proposed to explore the relationship between identity formation and political activism. We show how regional identity is transformed into political demands. Special attention is paid to modern challenges: globalization, digitalization and migration, which complicate identification processes. Empirical data (in particular, VTSIOM surveys and analysis of the media space in Donbass) They confirm that a stable regional identity strengthens political subjectivity. The southern regions of Russia, including the territories that have been reintegrated in recent years, are characterized by a special socio-cultural complexity that significantly distinguishes them from the relatively homogeneous identity matrix of Central Russia. The study examines the multifaceted nature of regional identity in Donbas, Novorossiya and Crimea. Using political analysis, it is shown how the complex mosaic of identity in southern Russia reflects centuries-old intercultural interaction, geopolitical transformations, and modern state-building processes.*

Keywords: *regional identity, political subjectivity, territorial affiliation, cultural narratives, political power, identity policy.*

References

1. Rahimov R. A. Politicheskaya subektnost gosudarstva kak uslovie realizacii prav i svobod lichnosti i borby s prestupnostyu / Materialy mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferencii 16-17 oktyabrya 2003 g. Chast I. Ufa : RIO BashGU, 2003. 280 s.
2. Meleshkina E. Yu., Kudryashova I. V. Posle imperij: mozhen li perekovat mechi na orala? // Politicheskaya nauka. 2022. № 1. S. 14-51. DOI: 10.31249/poln/2022.01.01.
3. Turovskij R. F. Subnacionalnaya politika: vvedenie k vozmozhnoj teorii // Politiya. 2014. № 4 (75) S. 86-99.

4. Giddens E. Posledstviya moderna / ref. N.L. Polyakovej // *Sovremennaya teoreticheskaya sociologiya: Entoni Giddens. Referativnyj sbornik / pod red. Yu.A. Kimeleva. Seriya «Sociologiya»*. M.: INION RAN, 1995.
5. Burde P. Sociologiya politiki: per. s fr. / sost., obsh. red. i predisl. N.A. Shmatko. M.: Socio-Logos, 1993.
6. Tilly Ch. On the history of European state-making // *The Formation of National States in Western Europe*. Princeton, 1975.
7. Erikson E. Insight and Responsibility: Lectures on the Ethical Implication of Psychoanalytic Insight. N.Y.; London: W.W. Norton & Company, 1964. 256 p.
8. Giddens E. Ustroenie obshestva: Ocherk teorii strukturacii. M. : Akademicheskij Proekt, 2003. 528 s.
9. Identichnost: Lichnost, obshestvo, politika. Novye kontury issledovatel'skogo polya / otv. re. I.S. Semenenko. M.: Izd-vo «Ves mir», 2023. 512 s.
10. Anderson B. Voobrazhaemye soobshestva. Razmyshleniya ob istokah i rasprostraneni nii nacionalizma. M., 2001.
11. Gellner E. Nacii i nacionalizm. M.: Progress, 1991.
12. Fuko M. Upravlenie soboj i drugimi. Kurs lekcij, pročitannyh v Kollezhe de Frans v 1982–1983 uchebnom godu. SPb.: Nauka, 2011. S. 296.
13. Geertz C. Available Light: Anthropological Reflections on Philosophical Topics. Princeton: Princeton University Press, 2000. 271 p.
14. Barometre d'Opinio Politica. 3a onada 2020. Dossier de Premsa. Barcelona, 2020. P. 57.
15. Sagitova L.V. Politika identichnosti Tatarstana v kontekste stanovleniya federativnyh odnoshej v sovremennoj Rossii [elektronnyj resurs] // Rossijskij socialno-gumanitarnyj zhurnal. 2018. № 4. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/politika-identichnosti-tatarstana-v-kontekste-stanovleniya-federativnyh-otnosheniy-v-sovremennoj-rossii> (accessed 5 June 2025)..
16. Perepis-2019: Bolshinstvo zhitelej Donecka russkie. URL: <https://anna-news.info/perepis-2019-bolshinstvo-zhitelej-donetska-russkie/> (accessed 5 June 2025).
17. Klimova M. Samoopredelenie russkogo naroda – poiski nacionalnoj identichnosti [elektronnyj resurs] // Institut razvitiya socialno-ekonomicheskikh proektov i iniciativ. 2020. 28 fev. URL: <https://irsepi.ru/samoopredelenie-russkogo-naroda/> (accessed 5 June 2025).
18. Cherkashin K.V., Terkulov V.I., Tameryan T.Yu. Etnicheskaya samoidentifikaciya zhitelej Donbassa [elektronnyj resurs] // Politicheskaya lingvistika. 2023. № 1 (97). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/etnicheskaya-samoidentifikatsiya-zhiteley-donbassa> (accessed 5 June 2025).
19. Kak izmenilsya nacionalnyj sostav Kryma s 2014 po 2021 god. URL: <https://crimea.ria.ru/20230211/kak-izmenilsya-natsionalnyy-sostav-kryma-s-2014-po-2021-god-1126923382.html>
20. Nazukina M.V. Regionalnaya identichnost // Identichnost: Lichnost, obshestvo, politika. Enciklopedicheskoe izdanie / otv. red. I.S. Semenenko. IMEMO RAN. M.: Izd-vo «Ves mir», 2017. S. 507-512.

21. Identichnost: Lichnost, obshestvo, politika. Novye kontury issledovatel'skogo polya / otv. red. I.S. Semenenko. M.: Izd-vo «Ves mir», 2023. 512 s.

22. VCIOM: vossoedinenie respublik Donbassa s Rossiej podderzhivayut 74% oproshennyh // Informacionnoe agentstvo TASS: oficialnyj sajt. – Moskva, 2023. – URL: <https://tass.ru/obschestvo/23588365>

23. V Donbasse i Novorossii pokrytie TV i radio dostigaet uzhe ot 94 do 98% // Informacionnoe agentstvo TASS: oficialnyj sajt. – Moskva, 2023. – URL: <https://tass.ru/obschestvo/24084123>

Teifuk Sevil Refatovich – Postgraduate student of the Department of Public Policy and Public Administration, Krasnodar, Kuban State University.

E-mail: teyfuksevil@yandex.ru

УДК 327 + 327.8

DOI: 10.29039/2413-1695-2025-11-4-146-159

ВОЗДЕЙСТВИЕ ФИНАНСОВО-ПРОМЫШЛЕННЫХ ГРУПП НА ВНЕШНЕПОЛИТИЧЕСКИЙ МЕХАНИЗМ УКРАИНЫ В 2014–2025 ГОДАХ

Иванков К. В.

Аннотация: В статье исследуются формы, методы и результаты воздействия финансово-промышленных групп на механизм формирования и реализации внешней политики Украины в 2014–2025 годах. Проанализирована сущность и особенности финансово-промышленных групп страны. Изучена структура и функции внешнеполитического механизма Украины. С помощью биографического метода исследованы органы государственной власти, составляющие внешнеполитический механизм страны с целью идентификации персональных политических субъектов, аффилированных с ФПГ. Выявлены методы и результаты воздействия финансово-промышленных групп на внешнеполитический механизм страны. Отмечается, что ключевыми методами воздействия ФПГ на внешнеполитический механизм является участие в работе Верховной Рады Украины политических сил, подконтрольных ФПГ и являющихся их фактически «политическими надстройками», а также лоббирование интересов групп на уровне президентской власти, либо занятие должности президента Украины руководителями ФПГ. Подчеркивается, что в исследуемый период ФПГ страны сохраняли средства воздействия как на политическую систему Украины в целом, так и на внешнеполитический механизм. Вместе с тем отмечается, что в период Минского переговорного процесса (2014–2022 годы) ФПГ обладали большей степенью воздействия на внешнюю политику страны; некоторые из политических сил, реализовывавших умеренный политический курс и отстаивавших идею нормализации российско-украинских отношений могли выступать в качестве потенциальных каналов проекции интересов России в украинской внутренней и внешней политике. Однако после 2022 года в политической и социальной системе страны произошли изменения, которые снизили возможности ФПГ по воздействию на внешнеполитический механизм, а также привели к вытеснению из политической системы персональных и институциональных субъектов, способных проецировать российские интересы. Это обстоятельство нивелирует значимость ФПГ как потенциальных каналов воздействия России на политику Украины.

Ключевые слова: внешняя политика Украины, финансово-промышленные группы, внешнеполитический механизм, суверенитет.

Введение

Распад СССР и окончание холодной войны положили начало значительным изменениям в международных отношениях. Ряд положений Ялтинско-Потсдамской системы

международных отношений были пересмотрены. Биполярная конструкция мироустройства перестала существовать. Начался «однополярный мир», который характеризовался временным лидерством и превосходством США в основных факторах силы и попытками американской стороны перестроить международную систему в своих интересах [1]. Вместе с тем, это привело к возникновению многочисленных противоречий между ведущими международно-политическими субъектами, которые лишь нарастали и обострялись на протяжении последующих десятилетий. Ряд противоречий возник и в российско-американских отношениях, а также в части взглядов российской стороны на перспективы складывающегося миропорядка и развития политики международной безопасности [2].

Проект однополярного мира не состоялся, и система международных отношений вступила в период трансформации, который сопровождается обострением межгосударственных отношений, конфликтами и войнами. Интересы государств Запада и России особо остро столкнулись вокруг Украины – территории жизненных интересов Российской Федерации. Попытки США и их союзников включить республику в свою сферу влияния, осуществить размещение на ее территории вооружений и инфраструктуры Организации Североатлантического договора, а также трансформировать ее в инструмент ведения не прямой войны обусловили решительные ответные действия России [3; 4]. Вместе с тем, меры, осуществляемые российской стороной по защите интересов на украинском направлении, были использованы противниками России в качестве предлога для обострения антироссийской политики и развязывания гибридной войны нового типа [5].

В контексте продолжения Специальной военной операции в современных условиях, необходимости устранения первопричин конфликта, а также долгосрочного обеспечения безопасности России и реализации ее национальных интересов, приобретают актуальность исследования императивов внешней политики Украины, ее ключевых субъектов и особенностей. Результаты таких исследований позволяют выявить движущие силы формирования внешнеполитического курса этой республики и определить способы, которые обеспечат России возможность влиять на данный процесс. Одним из участников внешнеполитического процесса Украины являются финансово-промышленные группы (ФПГ), выступающие в качестве субъектов предпринимательства, а также оказывающие значительное воздействие на государственную политику.

Объект и методы исследования

Целью работы является выявление степени и методов воздействия финансово-промышленных групп на внешнеполитический механизм Украины в период с 2014 по 2025 годы. Объектом исследования выступает внешняя политика Украины; предметом – участие финансово-промышленных групп в формировании и реализации внешней политики страны.

Методологической основой исследования являются положения парадигм политического реализма и неореализма, что позволило использовать объективные категории национальных интересов и национальной безопасности в рамках исследования механиз-

ма формирования и реализации внешней политики Украины [6; 7]. Кроме того, в ходе работы применялся неинституциональный подход, позволивший исследовать ФПГ в качестве внеконституционного элемента внешнеполитического механизма [8, с. 115; 9]. Также применялись биографический метод, с помощью которого был исследован персональный состав государственных органов, составляющих внешнеполитический механизм Украины; метод анализа документов, позволивший проанализировать ход внешнеполитического процесса страны сквозь призму внешнеполитической деятельности Верховной Рады Украины (ВРУ) – высшего законодательного и представительного органа республики. В его деятельности ФПГ принимали непосредственное участие путем получения контроля над политическими партиями, отдельными народными депутатами, а также воздействуя на работу депутатских групп и парламентских фракций, осуществляющих непосредственную законотворческую деятельность.

Хронологические рамки исследования охватывают период с февраля 2014 года (совершения государственного переворота и начала резкого изменения внешнеполитического курса Украины в направлении евроатлантической интеграции) по 2025 год.

Результаты исследования

Реализация интересов и стратегических приоритетов России на украинском направлении требует скоординированных общегосударственных усилий, а также выверенных и эффективных внешнеполитических решений. В этом отношении становится важным понимание уязвимостей объектов приложения внешнеполитических усилий и методов, которые будут эффективны в контексте проекции интересов России. Одним из участников внешнеполитического процесса Украины, который подвергался системному влиянию со стороны акторов внешнего воздействия, выступают ФПГ этой республики.

ФПГ Украины представляют собой субъекты предпринимательской деятельности, «совокупность юридических лиц, действующих как основное и дочерние сообщества, полностью или частично объединившие свои материальные и нематериальные активы на основании договора о создании финансово-промышленной группы» [10, с. 14]. В рамках своей деятельности они заинтересованы в лоббировании интересов в сфере государственной политики. Вместе с тем, в контексте особенностей социально-экономических и политических преобразований после разрушения СССР, украинские ФПГ приобрели характеристики политико-экономических групп – субъектов, характеризующихся объединением политических, экономических и административных ресурсов; синтезом политики и крупного бизнеса [11, с. 6–8; 12, с. 74]. Указанные группы сформировались во второй половине–конце 1990-х годов, в период исполнения Л.Д. Кучмой полномочий Президента Украины (1994–2005 гг.)

Специфика общественно-экономических отношений и взаимодействия политических институтов на Украине привела к построению в республике в последующие годы корпоративного капитализма [13]. В его рамках ФПГ республики выступают как сложные конгломераты, которые включают в себя: головную компанию и дочерние предприятия; банковскую структуру, эксклюзивно контролирующую финансовый капитал группы; подконтрольные субъекты политики, лоббирующие интересы группы в органах

государственной власти и местного самоуправления: политические партии, депутатские группы, парламентские фракции в составе ВРУ, министры, депутаты в областных и местных советах; контролируемые группой средства массовой информации и новые медиа; институты и организации, выступающие средством создания и улучшения публичного образа группы.

ФПГ Украины, интегрируясь в политическую систему государства, выстроили механизм тотальной политической коррупции («state capture»), что позволило олигархическим группам влиять на принятие управленческих решений, разрушать политические институты [14, с. 46]. В результате функционирование этих институтов в значительной степени было направлено на реализацию рентоориентированных интересов ФПГ [15]. Это привело к снижению эффективности политической деятельности в целом, непоследовательности принимаемых и реализуемых решений, противодействию друг другу государственных институтов, саморазрушению органов государственной власти [16, с. 69–71; 17]. Сложившееся положение отразилось и на внешнеполитическом курсе республики.

С целью определения методов воздействия на внешнюю политику Украины в рамках исследования проанализирована структура внешнеполитического механизма страны. Он является важной составляющей внешнеполитического процесса и представляет собой «совокупность государственных органов и ведомств, разрабатывающих, принимающих и осуществляющих внешнюю политику в целом и в отдельных ее аспектах» [18, с. 13–14]. Органами государственной власти, осуществляющими внешнеполитическую деятельность в соответствии с законодательством Украины, являются: Президент Украины, Верховная Рада Украины, Кабинет Министров Украины. Вместе с тем, в рамках исследования воздействия ФПГ на внешнеполитический механизм Украины изучались не только перечисленные конституционные элементы внешнеполитического механизма, но и его внеконституционные элементы: «неправительственные организации, общественное мнение, академические круги и экспертное сообщество, средства массовой информации, регионы и экономические лоббистские группы» [19].

Одной из ключевых особенностей ФПГ как участников внешнеполитического процесса является скрытность осуществляемых действий, использование неформальных методов влияния на лиц, принимающих решения, а также противозаконных средств воздействия на политические институты. Они также не обладают полномочиями по осуществлению политической деятельности, что вынуждает их использовать парламентский и правительственный лоббизм в рамках реализации интересов в сфере политического.

Парламентский лоббизм предполагает воздействие финансово-промышленных групп на депутатов ВРУ с целью принятия благоприятных управленческих решений; либо членство представителей ФПГ в политических партиях и их работу в составе парламента. Каналами лоббирования интересов ФПГ в Верховной Раде Украины выступают парламентские фракции и комитеты. Наиболее важными с точки зрения отстаивания интересов ФПГ являются бюджетный комитет, а также комитеты по вопросам банковской

деятельности и экономической политики. В качестве примера парламентского лоббизма следует рассмотреть принятие в 2000 г. Закона Украины «Об особенностях приватизации пакета акций, которые принадлежат государству в уставном фонде открытого акционерного общества “Мариупольский металлургический комбинат имени Ильича”», который лоббировался в интересах Ю. Бойко [20, с. 108]. Преимущество парламентского лоббизма для ФПГ заключается в том, что он позволяет воздействовать на принятие нормативных документов, с помощью которых вырабатываются общие нормы экономической и политической деятельности. В этом отношении финансово-промышленные группы стремились создать либо подчинить себе политические партии, которые в дальнейшем будут играть роль «политических надстроек» ФПГ. Примерами таких политических сил могут выступить партии: СДПУ (о), Партия регионов, «Трудовая Украина». Наиболее влиятельными ФПГ в части парламентского лоббизма выступали именно группы из промышленно-развитых регионов: так называемые «Донецкая», «Днепропетровская» и «Киевская».

Правительственный лоббизм, в свою очередь, предполагает делегирование финансово-промышленной группой своего представителя в структуры исполнительной власти, например, на должность министра, замминистра, главы профильного комитета, руководителя аппарата центральных органов исполнительной власти, заместителя главы Администрации Президента Украины и так далее. Следовательно, на общегосударственном уровне интересы ФПГ могут представлять премьер-министр Украины, министры Кабинета Министров Украины, члены СНБО. Преимущество правительственного лоббизма состоит в возможности быстрого оказания влияния на принятие конкретных тактических управленческих решений. Кроме того, это влияние можно осуществлять без общественной огласки.

Для определения институтов внешнеполитического механизма, посредством которых ФПГ оказывают системное воздействие на внешнюю политику страны, с помощью биографического метода было осуществлено исследование кадрового состава органов госвласти Украины, составляющих внешнеполитический механизм. Были проанализированы биографические данные о президентах, премьер-министрах, министрах иностранных дел Украины, председателях ВРУ, руководстве депутатских групп и парламентских фракций в Верховной Раде Украины I–IX созывов. Это позволило установить, что ключевыми органами внешнеполитического механизма, на которые оказывалось системное воздействие со стороны ФПГ являются президент и парламент Украины.

Период после государственного переворота, свершившегося в ночь на 22 февраля 2014 г., характеризуется резким изменением внешнеполитического курса республики в сторону евроатлантической интеграции, что представляло собой значительный внешнеполитический вызов для России. В 2014 г. состоялось подписание и ратификация Соглашения об ассоциации между Украиной и ЕС. В дальнейшем внешнеполитический курс характеризовался дистанцированием от России, ухудшением российско-украинских отношений, поэтапным расторжением заключенных ранее договоров и соглашений. В феврале 2019 г. в Конституцию Украины были внесены изменения, которые закрепили стратегический курс на евроатлантическую интеграцию и включение страны

в состав ЕС и НАТО [21]. Следует отметить, что в 2019 г., по итогам президентских и парламентских выборов, российской стороной была осуществлена попытка нормализации отношений между государствами. Тем не менее, вновь избранное политическое руководство Украины продолжило антироссийский курс предыдущей администрации. В 2021 г. указом президента Украины была инициирована «Международная Крымская платформа», в рамках которой были выдвинуты территориальные претензии к России, а также осуществлялась координация усилий государств, поддерживавших киевский режим [22; 23]. Руководство страны направило внешнеполитические усилия на создание условий для вступления Украины в Североатлантический альянс, что явилось значительным вызовом для безопасности России.

Вместе с тем, государствами Запада в период Минского переговорного процесса (2014–2022 гг.) осуществлялась системная и последовательная работа по распространению своей военной инфраструктуры на территорию страны, понижению суверенитета и субъектности Украины, что трансформировало ее в инструмент противодействия России. Данные обстоятельства явились одними из ключевых предпосылок, обусловивших начало Специальной военной операции.

Финансово-промышленные группы в 2014–2022 гг. оказывали существенное воздействие на внешнеполитический механизм Украины. Так, в период с июня 2014 г. по май 2019 г. должность президента занимал П.А. Порошенко¹, являвшийся конечным бенефициаром АО «Закрытый недиверсифицированный корпоративный инвестиционный фонд Прайм Эссетс Кэпитал», в структуру которого входили предприятия, ранее составлявшие «Украинский промышленно-инвестиционный концерн» («Укрпромвест») – одну из крупных ФПГ республики [24; 25]. В апреле 2019 г. на эту должность был избран В.А. Зеленский, не имевший ранее опыта политической деятельности (в 2011–2012 гг. – генеральный продюсер в частном АО «Телеканал “Интер”», контролировавшимся крупными украинскими бизнесменами В.И. Хорошковским, Д.В. Фирташем, С. В. Левочкиным; в 2003–2011 и 2013–2019 годах – сооснователь и художественный руководитель в ООО «Студия “Квартал 95”»).

Большинство политических сил, представленных в Верховной Раде в рассматриваемый период, действовали в интересах крупного бизнеса [26; 27]. Вместе с тем, ФПГ реализовывали собственные проекты, влияющие на функционирование внешнеполитического механизма страны. Так, в сентябре 2018 г. в конференции «Ялтинская европейская стратегия», организованной В.М. Пинчуком, принял участие спецпредставитель Госдепа США по вопросам Украины К. Волкер. Им был сделан ряд заявлений о ходе Минского переговорного процесса и перспективах разрешения конфликта на юго-востоке Украины, в рамках которых ответственность за невозможность урегулирования конфликта возлагалась исключительно на российскую сторону [28, с. 61]. Подобные международные инициативы, поддерживаемые крупным бизнесом Украины, также являлись фактором, воздействующим на функционирование внешнеполитического механизма страны.

¹ Признан членом объединения, в отношении которого имеются сведения о причастности к экстремистской деятельности или терроризму.

Деятельность представителей украинских ФПГ в политической системе Украины в период Минских переговоров стала фактором, который был использован акторами внешнего воздействия, в частности, США и их союзниками. Работа указанных внешних субъектов была направлена на продление конфликта, накопление ресурсов украинской стороны и ее подготовку к новой фазе силового противостояния. Вместе с тем Украина, находившаяся в тяжелом экономическом положении, нуждалась в постоянной внешней финансовой поддержке, что обуславливало ее зависимость от зарубежных спонсоров. Позиция международных организаций стала фактором изменения внутренней и внешней политики республики. Так, в 2020 г. под влиянием МВФ политическое руководство страны было вынуждено рассмотреть проекты законов «О внесении изменений в некоторые законодательные акты Украины об условиях обращения земель сельскохозяйственного назначения» и «О банковской деятельности» [29; 30]. Принятие указанных документов, по условиям представителей МВФ, было необходимо в контексте предоставления украинской стороне новой программы кредитования, без которой были бы невозможны выплаты по государственному внешнему долгу. В результате украинское государство утрачивало суверенитет.

Положение ФПГ как субъектов, участвующих в работе внешнеполитического механизма, значительно изменилось с началом СВО – во внешней политике Украины усилился антироссийский курс. На территории страны бы выстроен режим террористической диктатуры, осуществляемой силовыми структурами, спецслужбами и вооруженными силами. Идеологической основой киевского режима стали украинский национализм и русофобия. Воздействие украинских ФПГ на внешнеполитический процесс после 2022 г. оказалось во многом нивелировано. Сохранился механизм внешнего управления политическими процессами в стране. Деятельность ряда ведущих украинских бизнесменов была пресечена по политическим мотивам. Так, украинский бизнесмен и бывший лидер политической партии «Оппозиционная платформа – За жизнь» В.В. Медведчук, был арестован по обвинению в государственной измене. Многие представители финансово-промышленных групп Украины в период СВО потеряли контроль над своими активами в промышленности и медиа-системе страны. При этом значимую роль в принятии ключевых решений в области внешней политики стали принимать акторы внешнего воздействия.

Выводы

Финансово-промышленные группы являются значимым участником политических процессов на Украине. На протяжении Минского переговорного процесса они сохраняли свое влияние в политике, экономике, медиа-системе, а также непосредственно участвовали в работе внешнеполитического механизма страны. Это влияние осуществлялось с помощью парламентского и правительственного лоббизма, а также непосредственного участия персоналий, аффилированных с ФПГ, в работе органов государственной власти.

Однако в период СВО в политической и социальной системе Украины произошли значительные изменения. В стране были ликвидированы общественно-политические институты, позволявшие осуществлять легальную деятельность политическим силам,

ориентированным на взаимодействие с Российской Федерацией; также были упразднены некоторые формы политического участия граждан. Кроме того, вопреки положениям конституции и законов Украины, в установленные сроки не состоялись избирательные кампании по выборам президента страны и нового состава ВРУ, что привело к утрате легальности данных политических институтов. Российская сторона также стала рассматривать их в качестве нелегитимных. Это обстоятельство привело к утрате механизмов политико-дипломатического урегулирования конфликта и невозможности реализации целей СВО в рамках переговорного процесса.

Деятельность политических сил, ранее выступавших за налаживание российско-украинских отношений, придерживавшихся умеренного политического курса, после 2022 г. была прекращена. Персональные политические субъекты, в том числе аффилированные с ФПГ страны, не поддерживавшие курс киевского режима, утратили возможность осуществлять свою деятельность. Вместе с тем, ФПГ в значительной степени утратили один из инструментов влияния на политику страны и подконтрольные СМИ, что также является следствием масштабной идеологической обработки населения со стороны киевского режима.

В заключение необходимо подчеркнуть, что в период Минского переговорного процесса ФПГ и связанные с ними политические силы теоретически могли бы выступать в качестве инструментов проекции российских интересов на украинском направлении. Однако в период после 2022 г. в результате объективных изменений в политической и социальной системе страны ФПГ утратили значимость в качестве инструмента проекции интересов России в украинской политике, а также потеряли возможности воздействия на внешнеполитический механизм республики. Данные обстоятельства обуславливают необходимость поиска новых инструментов непрямого воздействия на внешнеполитический механизм Украины в контексте реализации национальных интересов Российской Федерации и обеспечения национальной безопасности в долгосрочной перспективе.

Список литературы

1. Krauthammer C. The Unipolar Moment // *Foreign Affairs*. Vol. 70. No. 1, America and the World. 1990/91 (1990–1991). pp. 23–33.
2. Выступление и дискуссия на Мюнхенской конференции по вопросам политики безопасности // Сайт Президента России. 10.02.2007. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/copy/24034> (дата обращения: 06.11.2025).
3. Military assistance to Ukraine 2014–2021 // Commons Library Research Briefing. 04.03.2022. URL: <https://researchbriefings.files.parliament.uk/documents/SN07135/SN07135.pdf> (дата обращения: 06.11.2025).
4. Mevlutoglu A. Ukraine's Military Transformation between 2014 and 2022 // *Politics today*. 07.04.2022. URL: <https://politicstoday.org/ukraine-military-transformation/> (дата обращения: 06.11.2025).
5. Концепция внешней политики Российской Федерации (утверждена Президен-

том Российской Федерации В. В. Путиным 31 марта 2023 г.) // Министерство иностранных дел Российской Федерации. 31.03.2023. URL: <https://www.mid.ru/ru/detail-material-page/1860586/> (дата обращения: 06.11.2025).

6. Цыганков П. А. Теория международных отношений. Учеб. пособие. М.: Гардарики, 2003.

7. Современные теории международных отношений: Учебник / Под ред. В. Н. Кобышева, А. А. Сергунина. М.: Проспект, 2013.

8. Современная политическая наука: Методология: Научное издание / Отв. ред. О. В. Гаман-Голутвина, А. И. Никитин. – 2-е изд., испр. и доп. М.: Издательство «Аспект Пресс», 2019.

9. March J. G., Olsen J. P. The New Institutionalism: Organizational Factors in Political Life // The American Political Science Review. Sep., 1984. vol. 78. № 3. pp. 734–749.

10. Муртузалиева С. Ю. Организационно-правовые формы международного предпринимательства: учеб. Пособие. М.: ФГБОУ ВПО «РЭУ им. Г.В.Плеханова», 2012.

11. Лісничук О. В., Сушко О. В. Чи є політико-економічні групи перешкодою для політичного розвитку України? – Київ: Фонд ім. Фрідріха Еберта, Регіональне представництво в Україні, Білорусі та Молдові, 2005.

12. Рейтерович І. В. Політичний вимір діяльності ФПГ у державах перехідного типу // Політичний менеджмент. 2005. № 1. С. 70–77.

13. Выдрин Д. И. «Перемены, мой друг, перемены...» // Зеркало недели. 19.03.2004. URL: https://zn.ua/internal/peremeny,_moy_drug,_peremeny.html (дата обращения: 06.11.2025).

14. Sitorus L. E. State Capture: is it a Crime? How the World Perceived it? // INDONESIA Law Review. August, 2011. pp. 45–68. URL: https://www.researchgate.net/publication/280843044_State_Capture_Is_It_a_Crime_How_the_World_Perceived_It (дата обращения: 06.11.2025).

15. Иванков К. В. Рентоориентированное поведение в деятельности политико-экономических групп Украины // Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. Философия. Политология. Культурология. 2022. Том 8 (74). № 1. С. 109–129.

16. Геополітичні орієнтації населення і безпека України. За даними соціологів / упорядник М. О. Шульга. – К.: ТОВ «Друкарня “Бізнесполіграф”», 2009.

17. Чигрин В. А., Гугнин Э. А. Особенности формирования украинской политики и их влияние на интеграционные процессы на постсоветском пространстве: тезисы доклада // Международная конференция журнала «Международная жизнь» «Особенности современных интеграционных процессов на постсоветском пространстве. Крым – новая реальность». 15–19 октября 2014 года. Ялта, 2014. С. 61–63.

18. Косолапов Н. А. Становление субъекта российской внешней политики // Pro et Contra. Зима–весна 2001. Т. 6. № 1–2. С. 7–30.

19. Стрельцов Д. В., Колдунова Е. В. Внешнеполитический процесс на Востоке: некоторые подходы к методологии исследования // Вестник МГИМО-Университета. 2010. № 1 (10). С. 145–152.
20. Телешун С. О. Політико-економічні інтереси «груп впливу» та «лобізм по-українськи» (окремі аспекти) // Право України: юридичний журнал. 2008. № 3. С. 105–110.
21. Закон України від 7 лютого 2019 р. № 2680–VIII «Про внесення змін до Конституції України (щодо стратегічного курсу держави на набуття повноправного членства України в Європейському Союзі та в Організації Північноатлантичного договору)» // Відомості Верховної Ради України. 2019. № 9. с. 5. ст. 50.
22. Указ Президента України №78/2021 «Про окремі заходи, спрямовані на деокупацію та реінтеграцію тимчасово окупованої території Автономної Республіки Крим та міста Севастополя» // Президент України. 26.02.2021. URL: <https://www.president.gov.ua/documents/782021-36853> (дата обращения: 06.11.2025).
23. Жильцов С. С. Звездно-полосатый курс украинского президента // Независимая газета. 03.10.2021. URL: https://www.ng.ru/dipkurer/2021-10-03/11_8267_zelensky.html (дата обращения: 06.11.2025).
24. Закритий Недиверсифікований Корпоративний Інвестиційний Фонд Прайм Ессетс Кепитал // YouControl. URL: https://youcontrol.com.ua/ru/catalog/company_details/33549199/ (дата обращения: 23.08.2023).
25. Лазаренко М. Бізнес нового президента. Повний перелік активів Петра Порошенка, які він пообіцяв продати // INSIDER. 30.05.2014. URL: <http://www.theinsider.ua/business/538796bfc96ca/> (дата обращения: 23.08.2023).
26. Бевз Т. Бізнес-партійні корпорації і українська політична практика // Наукові записки Інституту політичних і етнонаціональних досліджень ім. І.Ф. Кураса НАН України. 2016. Вип. 5–6. С. 294–312.
27. Коротков Д. С. Політичні партії України як засіб впливу олігархічної еліти на політичний процес у державі // Вісник Харківського національного університету імені В.Н. Каразіна. Питання політології. 2009. № 839 (14). С. 111–117.
28. Анашкина Е. Б. Украина во внешнеполитических интересах США // США. Канада. Экономика – политика – культура. 2019. № 5. С. 55–67.
29. Закон України від 7 грудня 2000 року № 2121-III «Про банки і банківську діяльність» // Верховна Рада України. Законодавство України. 30.07.2025. URL: <https://zakon.rada.gov.ua/laws/show/2121-14#Text> (дата обращения: 06.11.2025).
30. Закон України від 31 березня 2020 року № 552-IX «Про внесення змін до деяких законодавчих актів України щодо умов обігу земель сільськогосподарського призначення» // Верховна Рада України. Законодавство України. 31.03.2020. URL: <https://zakon.rada.gov.ua/laws/show/552-20#Text> (дата обращения: 17.06.2023).

Сведения об авторе

Иванков Кирилл Владимирович – аспирант кафедры политических наук и международных отношений Института «Таврическая академия» (структурное подразделение), г. Симферополь, ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского».

E-mail: admiralmyers@mail.ru

Ivankov K. V.

THE INFLUENCE OF FINANCIAL AND INDUSTRIAL GROUPS ON THE FOREIGN POLICY MECHANISM OF UKRAINE IN 2014–2025

Abstract: *The article considers the forms, methods and results of the influence of financial and industrial groups on the foreign policy formation and implementation mechanism of Ukraine in 2014–2025. The essence and features of Ukrainian financial and industrial groups is analyzed. The structure and functions of the foreign policy mechanism of Ukraine is studied. Using the biographical method the state authorities that make up the country's foreign policy mechanism are studied in order to identify personal political subjects affiliated with financial and industrial groups. The methods and results of influence on the state's foreign policy mechanism caused by financial and industrial groups are revealed. It is noted that the key methods of influence of financial and industrial groups on the foreign policy mechanism are the participation in the work of the Verkhovna Rada of Ukraine of political forces controlled by considered groups, as well as lobbying the interests at the level of presidential power, or the occupation of the position of President of Ukraine by the leaders of financial and industrial groups. It is emphasized that during the period under consideration the country's financial and industrial groups retained the means of influencing both the political system of Ukraine and the foreign policy mechanism. At the same time, it is noted that during the Minsk negotiation process (2014–2022), the financial and industrial groups had a greater degree of influence on the country's foreign policy. Some of political forces that implemented a moderate political course and defended the idea of normalizing Russian-Ukrainian relations could act as potential channels for projecting Russian interests into Ukrainian domestic and foreign policy. However, after 2022, the changes occurred in the country's political and social system reduced the ability of financial and industrial groups to influence on foreign policy mechanism. In addition it led to exclusion of personal and institutional actors capable of projecting Russian interests from political system. This circumstance negates the significance of financial and industrial groups as potential channels of Russian influence on Ukrainian politics.*

Keywords: *foreign policy of Ukraine, financial and industrial groups, foreign policy mechanism, sovereignty.*

References

1. Krauthammer C. The Unipolar Moment // *Foreign Affairs*. Vol. 70. No. 1, America and the World. 1990/91 (1990–1991). pp. 23–33.
2. Vystuplenie i diskussija na Mjunhenskoj konferencii po voprosam politiki bezopasnosti [Speech and Discussion at the Munich Security Conference] // *Sajt Prezidenta Rossii*. 10.02.2007. Available at: <http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/copy/24034> (accessed 6 November, 2025).
3. Military assistance to Ukraine 2014–2021 // *Commons Library Research Briefing*. 04.03.2022. Available at: <https://researchbriefings.files.parliament.uk/documents/SN07135/SN07135.pdf> (accessed 6 November, 2025).
4. Mevlutoglu A. Ukraine's Military Transformation between 2014 and 2022 // *Politics today*. 07.04.2022. Available at: <https://politicstoday.org/ukraine-military-transformation/> (accessed 6 November, 2025).
5. Koncepcija vneshnej politiki Rossijskoj Federacii (utverzhdena Prezidentom Rossijskoj Federacii V.V. Putiny 31 marta 2023 g.) [The Foreign Policy Concept of the Russian Federation (approved by the President of the Russian Federation V.V. Putin on March 31, 2023)] // *Ministerstvo inostrannyh del Rossijskoj Federacii*. 31.03.2023. Available at: <https://www.mid.ru/ru/detail-material-page/1860586/> (accessed 6 November, 2025).
6. Cygankov P. A. *Teorija mezhdunarodnyh otnoshenij*. Ucheb. posobie [Tsygankov P.A. Theory of International Relations. Textbook]. Moscow: Gardariki, 2003.
7. *Sovremennye teorii mezhdunarodnyh otnoshenij: Uchebnik* [Modern Theories of International Relations: Textbook] / Pod red. V.N. Konysheva, A.A. Sergunina. Moscow: Prospekt, 2013.
8. *Sovremennaja politicheskaja nauka: Metodologija: Nauchnoe izdanie* [Contemporary Political Science: Methodology: Scientific Publication] / Otv. red. O.V. Gaman-Golutvina, A.I. Nikitin. – 2-e izd., ispr. i dop. Moscow: Izdatel'stvo «Aspekt Press», 2019.
9. March J. G., Olsen J. P. The New Institutionalism: Organizational Factors in Political Life // *The American Political Science Review*. Sep., 1984. vol. 78. № 3. pp. 734–749.
10. Murtuzaliev S. Ju. *Organizacionno-pravovye formy mezhdunarodnogo predprinimatel'stva: ucheb. Posobie* [Organizational and Legal Forms of International Entrepreneurship: Textbook]. Moscow: FGBOU VPO «RJeU im. G.V.Plehanova», 2012.
11. Lisnichuk O. V., Sushko O. V. Chi e politiko-ekonomichni grupi pereshkodoju dlja politichnogo rozvitku Ukraïni? [Are The Political and Economic Groups an Obstacle to the Political Development of Ukraine]. Kyjiv: Fond im. Fridriha Eberta, Regional'ne predstavnictvo v Ukraïni, Bilorusi ta Moldovi, 2005.
12. Rejterovich I. V. Politichnij vimir dijal'nosti FPG u derzhavah perehidnogo tipu [Political Dimension of the Activity of Financial and Industrial Groups in Transitional States] // *Politichnij menedzhment*. 2005. № 1. P. 70–77.

13. Vydrin D. I. «Peremeny, moj drug, peremeny...» [«Changes, my friend, changes...»] // Zerkalo nedeli. 19.03.2004. Available at: https://zn.ua/internal/peremeny,_moy_drug,_peremeny.html (accessed 6 November, 2025).
14. Sitorus L. E. State Capture: is it a Crime? How the World Perceived it? // INDONESIA Law Review. August, 2011. pp. 45–68. Available at: https://www.researchgate.net/publication/280843044_State_Capture_Is_It_a_Crime_How_the_World_Perceived_It (accessed 6 November, 2025).
15. Ivankov K. V. Rentoorientirovannoe povedenie v dejatel'nosti politiko-jekonomicheskikh grupp Ukrainy [The Rent-Seeking Behavior in the Activities of the Political and Economic Groups of Ukraine] // Uchenye zapiski Krymskogo federal'nogo universiteta imeni V. I. Vernadskogo. Filosofija. Politologija. Kul'turologija. 2022. Tom 8 (74). № 1. pp. 109–129.
16. Geopolitichni orijentacii naselennja i bezpeka Ukraini. Za danimi sociologiv [Geopolitical Orientations of the Population and the Security of Ukraine. According to Sociologists] / uporjadnik M. O. Shul'ga. – Kyjiv: TOV «Drukarnja “Biznespoligraf”», 2009.
17. Chigrin V. A., Guginin Je. A. Osobennosti formirovanija ukrainskoj politiki i ih vlijanie na integracionnye processy na postsovetском prostranstve: tezisy doklada [Features of the Formation of Ukrainian Policy and Their Impact on Integrational Processes in the Post-Soviet Space: Theses of the Report] // Mezhdunarodnaja konferencija zhurnala «Mezhdunarodnaja zhizn'» «Osobennosti sovremennyh integracionnyh processov na postsovetском prostranstve. Krym – novaja real'nost'». 15–19 October 2014. Jalta, 2014. pp. 61–63.
18. Kosolapov N. A. Stanovlenie subjekta rossijskoj vneshnej politiki [Formation of Russian Foreign Policy Subject] // Pro et Contra. Zima–vesna 2001. T. 6. № 1–2. pp. 7–30.
19. Strel'cov D. V., Koldunova E. V. Vneshnepoliticheskij process na Vostoke: nekotorye podhody k metodologii issledovanija [Foreign policy process in the East: some approaches to research methodology] // Vestnik MGIMO-Universiteta. 2010. № 1 (10). pp. 145–152.
20. Teleshun S. O. Politiko-ekonomichni interesi «grup vplivu» ta «lobizm po-ukraïns'ki» (okremi aspekty) [Political and Economic Interests of “Influence Groups” and “Lobbying in Ukrainian” (Some Aspects)] // Pravo Ukraïni: juridichnij zhurnal. 2008. № 3. pp. 105–110.
21. Zakon Ukraïni vid 7 ljutogo 2019 r. № 2680–VIII «Pro vnesennja zmin do Konstitucii Ukraïni (shhodo strategichnogo kursu derzhavi na nabuttja povnopravnogo chlenstva Ukraïni v Jevropejs'komu Sojuzi ta v Organizacii Pivnichnoatlantichnogo dogovoru)» [Law of Ukraine from February 2, 2019 № 2680–VIII «On Amendments to the Constitution of Ukraine (Regarding the Strategic Course of the State towards Ukraine's Full Membership in the European Union and the North Atlantic Treaty Organization)»] // Vidomosti Verhovnoï Radi Ukraïni. 2019. № 9. s. 5. st. 50.
22. Ukaz Prezidenta Ukraïni №78/2021 «Pro okremi zahodi, sprjamovani na deokupaciju ta reintegraciju timchasovo okupovanoï teritorii Avtonomnoï Respubliki Krim ta mista Sevastopolja» [Decree of the President of Ukraine №78/2021 «On Certain Measures Aimed at the Deoccupation and Reintegration of the Temporarily Occupied Territory of the Autonomous Republic of Crimea and the City of Sevastopol»] // Prezident Ukraïni. 26.02.2021. Available at: <https://www.president.gov.ua/documents/782021-36853> (accessed 6 November, 2025).

23. Zhil'cov S. S. Zvezdno-polosatyj kurs ukrainskogo prezidenta [The Star and Striped Course of the Ukrainian President] // Nezavisimaja gazeta. 03.10.2021. Available at: https://www.ng.ru/dipkurer/2021-10-03/11_8267_zelensky.html (accessed 6 November, 2025).

24. Zakritij Nediversifikovaniy Korporativnij Investicijnij Fond Prajm Jessets Kepital [Closed-End Non-Diversified Corporate Investment Fund Prime Assets Capital] // YouControl. Available at: https://youcontrol.com.ua/ru/catalog/company_details/33549199/ (accessed: 23 August 2023).

25. Lazarenko M. Biznes novogo prezidenta. Povnij perelik aktiviv Petra Poroshenka, jaki vin poobicjav prodati [Business of the New President. A Complete List of Petro Poroshenko's Assets That he Promised to Sell] // INSIDER. 30.05.2014. Available at: <http://www.theinsider.ua/business/538796bfc96ca/> (accessed: 23 August 2023).

26. Bevz T. Biznes-partijni korporacii i ukraïns'ka politichna praktika [Business-Party Corporations and Ukrainian Political Practice] // Naukovi zapiski Institutu politichnih i etnonacional'nih doslidzhen' im. I.F. Kurasa NAN Ukraïni. 2016. Vol. 5–6. pp. 294–312.

27. Korotkov D. S. Politichni partii Ukraïni jak zasib vplivu oligarhičnoï eliti na politichnij proces u derzhavi [Political Parties of Ukraine as a Means of Influencing the Oligarchic Elite on the Political Process in the State] // Visnik Harkivs'kogo nacional'nogo universitetu imeni V.N. Karazina. Pitannja politologii. 2009. № 839 (14). pp. 111–117.

28. Anashkina E. B. Ukraina vo vneshnepoliticheskikh interesah SShA [Ukraine in US Foreign Policy Interests] // SShA. Kanada. Jekonomika – politika – kul'tura. 2019. № 5. pp. 55–67.

29. Zakon Ukraïni vid 7 grudnja 2000 roku № 2121-III «Pro banki i bankivs'ku dijal'nist'» [Law of Ukraine from December 7, 2000 № 2121-III «On banks and banking activities»] // Verhovna Rada Ukraïni. Zakonodavstvo Ukraïni. 30.07.2025. Available at: <https://zakon.rada.gov.ua/laws/show/2121-14#Text> (accessed 6 November, 2025).

30. Zakon Ukraïni vid 31 bereznja 2020 roku № 552-IX «Pro vnesennja zmin do dejakih zakonodavchih aktiv Ukraïni shhodo umov obigu zemel' sil's'kogospodars'kogo priznachennja» [Law of Ukraine from March 31, 2020 № 552-IX «On Amendments to Certain Legislative Acts of Ukraine Regarding the Conditions for the Circulation of Agricultural Land»] // Verhovna Rada Ukraïni. Zakonodavstvo Ukraïni. 31.03.2020. Available at: <https://zakon.rada.gov.ua/laws/show/552-20#Text> (accessed: 17 June, 2023).

Ivankov Kirill Vladimirovich – Postgraduate Student, Chair of Political Sciences and International Affairs, Taurida Academy (Structural Unit), Simferopol, V.I. Vernadsky Crimean Federal University.

E-mail: admiralmyers@mail.ru

РЕЦЕНЗИИ

**Taylor J. E., Gregory I. N. Deep Mapping the Literary Lake District:
A Geographical Text Analysis. Lewisburg: Bucknell University Press, 2022.
290 p. (Aperçus: Histories Texts Cultures)¹.**

В 2022 году издательство Bucknell University Press выпустило монографию Джоанны Э. Тейлор и Иэна Н. Грегори «Deep Mapping the Literary Lake District: A Geographical Text Analysis». Скажем несколько слов об авторах, малоизвестных пока в российском академическом сообществе. Джоанна Э. Тейлор – исследователь в области цифровых гуманитарных наук, научный сотрудник Университета Манчестера, чьи работы посвящены литературной географии, экологическим нарративам и цифровым методам. Иэн Н. Грегори – профессор цифровых гуманитарных наук Ланкастерского университета, один из пионеров применения геоинформационных систем в исторических и литературных исследованиях.

Совместный труд Тейлор и Грегори представляет собой эталон географического анализа текста. Книга появилась на волне актуального для современной гуманитаристики «пространственного поворота», который раскрыл ландшафт как активного агента, формирующего культурные смыслы. Озерный край, горный регион в Северо-Западной Англии, служит идеальным полигоном для опробования заявленного метода. Этот регион исторически насыщен литературными репрезентациями: от поэзии романтиков «Озерной школы» до викторианских путеводителей. Авторы ставят задачу преодолеть разрыв между «дальним чтением», работающим с большими массивами данных, и «медленным» близким чтением, чутким к нюансам смыслов. Для этого вводится концепция «мультишкалярного анализа» – подхода, позволяющего исследователю свободно перемещаться между макроскопическими паттернами корпуса текстов и микроскопическими деталями отдельных произведений.

В интерпретации Тейлор и Грегори глубокое картографирование – процесс исследования; практика, объединяющая количественные методы с качественной, гуманитарной интерпретацией; пространство интеграции объективных координат ГИС и субъективного опыта автора; место, где статистические данные соседствуют с феноменологическими «живыми» впечатлениями. Монография детально разбирает эту технологию, оценивая её эвристический потенциал, и с её помощью прослеживает эволюцию восприятия ландшафта Озерного края в XVIII–XIX веках.

В основе работы лежит специально созданный корпус текстов об Озерном крае объемом около 1,5 млн слов, охватывающий период с начала XVII века до 1900 года. Наряду с каноническими авторами учитывается широкий пласт путеводителей, травелогов, дневников путешественников. Подобный подбор материала помогает

---

¹ Рецензия подготовлена в рамках гранта Российского научного фонда № 24-28-20502 «Создание прототипа цифрового каталога санаторно-курортных архитектурных объектов советского периода по технологии Deep Mapping», <https://rscf.ru/project/24-28-20502/>

сопоставить литературную историю региона с туристической. Далее неструктурированные тексты этого корпуса превращаются в картографические данные через серию этапов, каждый из которых сопряжён с методологическими вызовами.

Первый этап – геопарсинг. Это автоматическое извлечение географических названий (топонимов) из текста и привязка их к координатам на карте. Авторы используют Эдинбургский геопарсер, однако сразу сталкиваются с классической проблемой компьютерного анализа естественного языка: лексической неоднозначностью. Многие топонимы одновременно являются общеупотребительными словами или именами собственными людей. Тейлор и Грегори решают эту проблему с помощью итеративного метода «конкордансного геопарсинга», сочетающего автоматическую обработку с ручной проверкой результатов. Следующий этап – анализ совместной встречаемости для выявления смысловых связей между ключевыми понятиями и пространством. Вводится понятие «совместной встречаемости топонима», когда географическое название появляется в тексте в пределах заданного окна (обычно ± 10 слов) от определённого термина или темы. Например, можно выявлять места, наиболее ассоциирующиеся с словами «живописный», «турист», «шум» и т.д. Наконец, пространственная визуализация в ГИС. Данные PNC переводятся в карты, на которых прослеживаются географии тех или иных литературных явлений.

Авторами использованы три основных типа карт, каждый из которых отвечает на свой круг вопросов. Точечная карта отображает каждое упоминание топонима как точку на географической карте (часто масштабируя размеры точек по частоте упоминаний). Она позволяет увидеть точную локализацию событий или образов и полезна для анализа конкретных маршрутов либо редких терминов, но страдает от эффекта наложения точек при больших объемах данных и не отображает площадь протяженных объектов. Карта сглаженной плотности, используя алгоритмы типа ядерной оценки плотности, создает непрерывную «тепловую» карту, показывающую концентрацию упоминаний в пространстве. Такая карта выявляет общие тенденции и «горячие зоны» дискурса, визуализируя интенсивность культурного внимания к разным местам; однако сглаживание может порождать иллюзию непрерывности там, где исходные данные дискретны, и результат чувствителен к выбору параметров. Третий вид – карта кластеров на основе статистики Куллдорфа. Этот метод заимствован из эпидемиологии, где его применяют для поиска очагов заболеваний; в литературной географии он новаторски используется для выявления статистически значимых скоплений упоминаний конкретного мотива или имени относительно общего фона. Иными словами, карта кластеров показывает, в каких местах частота, с которой определен термин (скажем, имя поэта или эстетическая категория) ассоциируется с ландшафтом, значительно превышает ожидаемую. Вооружившись этой методологией, авторы книги переходят к серии тематических исследований, каждое из которых через призму глубокого картирования отвечает на общий вопрос: что источники разных эпох могут рассказать нам о жизни и литературе в Озерном крае до XX века? Каждая глава монографии фокусируется на отдельном аспекте, демонстрируя возможности цифровых

методов в сочетании с традиционным литературоведческим анализом.

Во второй главе Тейлор и Грегори рассматривают эволюцию концепта «живописное» за рассматриваемый период. В ранних текстах (до ~1795 года) он жёстко привязан к конкретным территориям, тогда как в викторианскую эпоху становится почти повсеместным эпитетом, встречаясь по всему Озерному краю, за исключением самых суровых, труднодоступных вершин. Картограммы плотности наглядно демонстрируют, как «живописное» из узкоспециализированной эстетической категории превратилось в универсальный туристический маркер. Применение статистики Куллдорфа принесло в этой главе неожиданный результат: для слова «живописный» (picturesque) не выявлено ни одного статистически значимого «горячего пятна» на карте, в то время как для родственных понятий «возвышенное» (sublime) и «прекрасное» (beautiful) географические кластеры чётко прослеживаются. Иными словами, к середине XIX века живописное стало в Озерном крае вездесущим «режимом видения», нормой восприятия ландшафта, тогда как возвышенное и прекрасное сохраняли привязку к определённым ландшафтными типам. Более того, авторы сопоставляют распределение эстетических терминов с геологической картой региона. Оказывается, романтические вкусы напрямую коррелировали с «материальностью» местности. Живописные пейзажи чаще всего приходятся на зоны вулканического туфа и аргиллита – пород, формирующих сочетание «грубых» скал и «мягких» округлых форм ландшафта. «Возвышенное» тяготеет к вулканическим массивам и суровым вершинам, а «прекрасное» – к участкам с осадочными породами и аллювием, то есть плодородным низинам, паркам и ухоженным берегам. Эта занимательная корреляция подтверждает, что эстетические категории романтизма не были отвлечёнными фантазмами, а укоренились в физическом ландшафте: живописное занимало промежуточное положение между пугающим величием возвышенного и умиротворяющей гармонией прекрасного, географически приходясь на переходные зоны между горами и долинами.

Третья глава монографии переносит анализ из сферы эстетики в плоскость социальной географии, разграничивая пространство Озёрного края по категориям посетителей ландшафта. Тейлор и Грегори берут за основу классификацию, предложенную самим Вордсвортом, «туристы», «путешественники» и «обитатели». Авторы исследуют, как эти группы по-разному «населяют» литературный ландшафт региона. Глубокое картирование здесь выявляет четкую пространственную стратификацию. «Турист» оказывается фигурой, жёстко привязанной к инфраструктуре: абсолютная часть всех упоминаний туристов в корпусе локализуется в пределах одной мили от основных дорог и населённых пунктов. Турист движется по заранее проложенным маршрутам, потребляя ландшафт как серию дискретных видов. «Путешественник» предстаёт полной противоположностью туристу. Слово *traveler* встречается в корпусе чаще, но привязано к конкретным топонимам значительно реже. Это пространственное «молчание» интерпретируется авторами как признак свободы и субъективной автономии: путешественник скользит через пространство, а не между отмеченными на карте пунктами; он не привязан к определённым местам, в отличие от туриста, следующего

путеводителю. Когда же путешественники всё-таки локализируются географически, они обнаруживаются в «холодных пятнах» туристической карты – в труднодоступных высокогорьях и отдалённых долинах. Наиболее же острый критический эффект даёт анализ категории «обитатель». Фигура местного почти отсутствует в литературной картине Озёрного края XIX века. На картах упоминаний «inhabitant» практически пусто, если не считать редких «горячих точек», связанных с творчеством социалистически настроенных писателей или региональных поэтов.

Четвёртая глава посвящена феноменологии движения и языку, описывающему перемещение тела в пространстве. Авторы убеждают, что кажущийся набор синонимов глагола «ходить» на деле скрывает принципиально разные смыслы и географии. Сравнительный анализ терминов excursion, walk, ramble, wander (переведём приблизительно: экскурсия, прогулка, пешее путешествие / бродяжничество, странствие) выявляет иерархию мобильности. «Excursion» оказывается абсолютно коммерциализированной формой досуга – безопасной и предсказуемой прогулкой «туда и обратно», товаром для массового туриста. На неё приходится очень высокая относительная плотность точек (упоминания excursion зачастую сопровождаются целым списком мест, поэтому совокупная доля привязок превышает 100%). География экскурсий ограничена: радиус около 2 миль от основных туристических центров, минимальный набор «открыточных» видов, невысокая местность (нижние долины, берега озёр). «Walk» – более нейтральная, «регламентированная» активность, часто привязанная к дорогам и тоже в целом не покидающая обжитых зон. «Ramble» – более свободный и познавательный пеший маршрут с отклонениями от намеченного курса; его частота средняя, и география шире, охватывая не только туристические долины, но и деревни, холмы предгорий. Наконец, «wander» – «странствие», почти блуждание без цели – встречается крайне редко, но затрагивает максимальное пространство: его маршруты уходят в высокогорья, на дикие перевалы и труднодоступные уголки природы. По сути, чем «выше» статус пешего движения, тем дальше оно уводит от дорог и выше поднимается в горы. Карты плотности подтверждают: лексика высокого регистра ассоциируется с труднодоступными местами, тогда как язык туристической массовости «стелется» по низинам. Отдельное внимание уделяется гендерной асимметрии пространства.

Пятая глава книги переключает оптику с визуального на звуковое восприятие ландшафта, «топофонии». Озерный край здесь предстаёт как гигантский природный амфитеатр. Анализ показывает, что в эпоху романтизма резко возросло внимание к звуковым феноменам. Особенно возрос интерес к эху, причём оно связывается с определёнными типами ландшафта – например, с вулканическими породами долины Борроудейл, которые лучше отражают звук. Авторы реконструируют ныне забытую туристскую практику конца XVIII – начала XIX века: стрельбу из пушки на озёрах ради извлечения эха. Путешественники того времени платили значительные деньги за это развлечение. Грохот пушечного выстрела и его многократное эхо, прокатывающееся между гор, создавали эффект «акустического возвышенного», позволяя слушателям

испытать величие пространства, недоступное простому зрительному восприятию. С помощью ГИС исследователи выявляют, что эта практика имела локальный характер и ограниченный хронологический период: к середине XIX века, с изменением вкусов, пушечные эхо-экскурсии вышли из моды, а романтики нового поколения, наоборот, стали ценить тишину. Авторы также прослеживают, как акустический опыт транслировался в литературную форму.

Заключительная глава проблематизирует «кризис вертикальности» на примере массива Скафелл, демонстрируя ограниченность традиционных планарных ГИС в репрезентации высоты и телесного опыта. Для преодоления разрыва между картографией и феноменологией горного ландшафта авторы сопоставляют эго-документы с результатами ГИС-моделирования видимости. Верификация литературных свидетельств посредством компьютерного анализа позволяет выявить корреляцию между физическими параметрами обзора и эмоциональными реакциями наблюдателей. На основе анализа предлагается концептуализация двух модусов возвышенного: «возвышенного взгляда снизу» (благоговейный трепет перед громадой горы, когда человек у подножия) и «возвышенного взгляда сверху» (головокружительное ощущение потери устойчивости и масштаба, испытываемое на вершине). Оба опыта по-разному разрывают привычные рамки восприятия и потому фиксируются романтиками как возвышенные, хотя их пространственная оптика диаметрально противоположна.

В заключении Тейлор и Грегори подводят итоги и формулируют программу дальнейшего развития пространственно-цифровых методов в гуманитарных науках. Они выделяют три условные фазы эволюции дисциплины: (1) создание ресурсов (оцифровка текстов, формирование корпусных баз); (2) экспериментирование с методами (разработка и тестирование инструментов анализа); (3) решение собственно гуманитарных проблем, когда цифровые инструменты отходят на второй план, становясь рутинными средствами для получения нового знания. *Deer Mapping the Literary Lake District* позиционируется авторами как пример вступления в третью фазу. Их работа демонстрирует, что глубокое картирование действительно эффективно для выявления ранее невидимых структур культурного ландшафта. Монография наглядно показывает, что цифровые методы при критическом и рефлексивном их использовании отнюдь не убивают «душу» гуманитаристики, а, напротив, открывают новые горизонты для осмысления человеческого опыта. В числе ключевых выводов книги: цифровая карта выступает особого рода метатекстом, сложным культурным конструктом, требующим интерпретации; продуктивность достигается лишь во взаимодополняемости масштабов анализа – сочетании «дальнего чтения» больших данных с глубоким «близким чтением» отдельных текстов; наконец, методы ГИС обладают мощным потенциалом социальной критики, возвращая в поле зрения истории голоса тех, кто был маргинализован каноническими нарративами посредством визуализации их отсутствия либо периферийного присутствия.

«*Deer Mapping the Literary Lake District*» – фундаментальный труд, который показывает, как следует применять универсальный инструментальный для анализа

пространственности в культуре. Книга убедительно доказывает, что цифровые методы при грамотном, критическом их применении способны обогащать гуманитарное знание, а не обеднять его. Монография, несомненно, станет отправной точкой для дальнейших исследований в области цифровой географии. Она представляет большой интерес для специалистов в сфере Digital Humanities, исторической географии и литературоведения, а также для всех, кто интересуется новыми цифровыми подходами в гуманитарных науках и междисциплинарным исследованием культуры.

Володин А.Н.
(КФУ им. В. И. Вернадского)

CONTENT

PHILOSOPHY

Dobronravov K. O., Fedorov S. V. The Natural Against the Background of the Supernatural: An External and Internal View of Mythological Consciousness.....	5
Churin G. A. Existential Interpretation of Formal Ontology: E. Stein and R. Ingarden.....	25
Abdrafikov R. R. Formalization of Ontological Positions of Observers in Social and Humanitarian Knowledge.....	35
Zudilina N. V. From Alpha to Omega: P.T. de Chardin's Laws of Complexity-Consciousness and Recurrence in the Context of the Mirror-Symmetrical Diaeresis Scheme. Part I.....	51

CULTURAL STUDIES

Makarova O. V ., Chernykh Y. S. Proper Name as a Carrier of Cultural Code (Based on the Material of the Study Text).....	71
Gritsai L. A. The Image of Death as a Tool for the Formation of National Memory in Ukrainian Cinema of the Post-Soviet Period (until 2014): Ideological Constants and the Transformation of Myths.....	83
Sukhova A. E., Volodin A. N. A Madman as a Prophet: Religious Discourse of the Concept of «Madness» in the Context of M.A. Bulgakov's The Master and Margarita.....	96

POLITICAL SCIENCE

Shepelev M. A. Vienna 2.0: Towards a World 'Concert' of Civilizational States.....	106
Naryshkin A. A. Vorobyov S. V. Reimagining the EU's Foreign Policy Toward the Russian Federation, 1991–2021: A Stratagem-Based Approach.....	120
Teifuk S. R. Regional Identity as a Factor of Political Subjectivity: Theoretical and Methodological Approaches.....	133
Ivankov K. V. The Influence of Financial and Industrial Groups on the Foreign Policy Mechanism of Ukraine in 2014–2025.....	146

REVIEW

Taylor J. E., Gregory I. N. Deep Mapping the Literary Lake District: A Geographical Text Analysis. Lewisburg: Bucknell University Press, 2022. 290 p. (Aperçus: Histories Texts Cultures) (A. N. Volodin).....	160
---	-----